

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УНИВЕРСИТЕТ ИТМО

Некоммерческое партнерство ПРИОР Северо-Запад

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНЕ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ

Выпуск 6

**Труды XXV Международной
объединенной научной конференции
«Интернет и современное общество»,
IMS-2022, Санкт-Петербург,
23–24 июня 2022 г.**

Сборник научных трудов

ИТМО

Санкт-Петербург

2022

УДК 328:316.77
ББК 73
Г72

Рецензенты:

докт. полит. наук, проф. В.А. Ачкасова, докт. физ.-мат. наук Н.В. Борисов

Редколлегия:

*Л.А. Видясова, Д.Е. Прокудин, Л.В. Сморгунов, О.Г. Филатова (зам. председателя),
А.В. Чугунов (председатель)*

Ответственные редакторы издания:

канд. политич. наук А.В. Чугунов, канд. филос. наук О.Г. Филатова

Г72 **Государство и граждане в электронной среде.** Выпуск 6 (Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2022, Санкт-Петербург, 23 – 24 июня 2022 г. Сборник научных трудов). — СПб.: Университет ИТМО, 2022. — 88 с.

ISSN 2541-979X

В сборник включены тексты статей, представленные на XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (Internet and Modern Society - IMS). Работы прошли рецензирование и отобраны в результате конкурсной процедуры. Сборник снабжен авторским указателем.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам и магистрантам, изучающих междисциплинарные проблемы влияния информационно-коммуникационных технологий на трансформацию социальных и политических отношений в современном обществе.

Информация о конференции «Интернет и современное общество» представлена на сайте объединенной конференции (<http://ims.ifmo.ru>).

Все статьи и тезисы докладов конференции IMS публикуются в открытом доступе (лицензия Creative Commons — CC-BY 3.0 Unported). Сборники научных статей, издаваемые в рамках конференции IMS с 2011 года, размещаются в Научной электронной библиотеке (<http://elibrary.ru/>) и Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Подготовка конференции осуществлялась при поддержке Комитета информатизации и связи, и Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга.

УДК 328:316.77
ББК 73

ИТМО

Университет ИТМО (Санкт-Петербург) — национальный исследовательский университет, ведущий вуз России в области информационных, фотонных и биохимических технологий. Альма-матер победителей международных соревнований по программированию: ICPC (единственный в мире семикратный чемпион), Google Code Jam, Facebook Hacker Cup, Яндекс.Алгоритм, Russian Code Cup, Topcoder Open и др. Приоритетные направления: IT и искусственный интеллект, фотоника, робототехника, квантовые коммуникации, трансляционная медицина, Life Sciences, Art&Science, Science Communication.

© Университет ИТМО, 2022

© Авторы, 2022

XXV Международная объединенная научная конференция «Интернет и современное общество» (IMS-2022)

Санкт-Петербург, 23–24 июня 2022 г.

<http://ims.ifmo.ru>

Конференция «Интернет и современное общество» (Internet and Modern Society – IMS) проводится в Санкт-Петербурге ежегодно с 1998 г. С 2014 г. конференция проводится как международное научное мероприятие, с 2016 г. – в рамках **Недели технологий информационного общества** в Санкт-Петербурге. Объединенная конференция «Интернет и современное общество» в 2022 г. была проведена при поддержке Комитета по науке и высшей школы и Комитета по информатизации и связи Санкт-Петербурга.

Конференция названа объединенной, т.к. научная программа конференции консолидирует серию специализированных международных и российских научных конференций, симпозиумов, семинаров, круглых столов и других мероприятий, посвященных специальным вопросам развития технологий информационного общества. Отдельные специализированные и проблемно-ориентированные мероприятия проводятся в сотрудничестве с партнерскими организациями.

Основные мероприятия **Недели технологий информационного общества** в 2022 г. состоялись в Санкт-Петербурге в очном формате с возможностью онлайн-подключений удаленных участников.

- Сессии объединенной конференции «Интернет и современное общество» проходили очно с 23 по 24 июня в Университете ИТМО и сопровождались онлайн-подключениями. Организаторы конференции IMS-2022: Университет ИТМО и Некоммерческое партнерство ПРИОР Северо-Запад.
- Young Scholars' Poster Session **Digital Transformation in Governance and Society** (YS-DTGS – 2022): состоялась в 23 июня (рабочий язык – английский). Организаторы: Университет ИТМО и НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург.
- Симпозиум молодых ученых «**Киберпространство: перспективные социально-экономические и гуманитарные исследования**» прошел 24 июня (рабочий язык – русский, организатор: Университет ИТМО).
- В рамках программы объединенной конференции в 2022 году были проведены специализированные международные семинары, включающие сессии на русском и английском языках:
  - **Киберпсихология** (Internet Psychology – IntPsy-2022);
  - **Электронное управление** (E-Governance-2022);
  - **Компьютерная лингвистика** (Computational Linguistics – CompLing-2022).
  - **Цифровая урбанистика** – (Digital City – Dcity-2022).

Программу объединенной конференции расширили специализированные экспертные мероприятия:

- Научно-практический симпозиум и круглый стол «**Этико-правовые аспекты цифровой трансформации**».
- Научно-практический симпозиум «**Цифровое здравоохранение и перспективы развития концепции активного долголетия**» (при поддержке проекта Российского научного фонда № 22-18-00461 «Отложенное старение или поздняя взрослость в России: как цифровое развитие меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности»).

- Межрегиональный семинар «**Электронное участие в регионах России 2020-2022: состояние и перспективы**» (при поддержке проекта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики»).
- Круглый стол «**Экосистема городских сервисов Санкт-Петербурга**» (в сотрудничестве и при поддержке Санкт-Петербургского информационно-аналитического центра).

Отбор докладов на конференцию и текстов для публикации производится по результатам «слепого» рецензирования членами программного комитета с использованием международной системы сопровождения научных конференций EasyChair.org.

По результатам объединенной конференции IMS-2022 издаются три сборника научных трудов (серийные издания), сборник тезисов на русском языке и сборник статей на английском языке:

- Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего (ISSN 2587-8557), вып. 6;
- Государство и граждане в электронной среде (ISSN 2541-979X), вып. 6;
- Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии (ISSN 2541-9781), вып. 6;
- Интернет и современное общество: сборник тезисов докладов IMS-2022.

Статьи, представленные для докладов на английском языке и прошедшие рецензирование международным программным комитетом, представляются к публикации на международной издательской платформе CEUR (издание CEUR-WS: Free Open-Access Proceedings for Scientific Conferences and Workshops) на английском языке с индексацией в DBLP и Scopus. В сборник CEUR включены также научные статьи, отобранные на конкурсной основе за авторством молодых ученых – участников YS-DTGS – 2022.

Традиционно по результатам проведения объединенной конференции готовится к изданию специальный номер научного журнала International Journal of Open Information Technologies (INJOIT - <http://injoit.org/>), в который включаются статьи по результатам докладов, получивших рекомендации к публикации в расширенном формате.

Электронные версии сборников конференции размещаются в свободном доступе (лицензия Creative Commons - CC-BY 3.0 Unported) на сайте материалов конференции «Интернет и современное общество» (<http://ojs.itmo.ru>). С 2017 года всем статьям присваивается международный идентификатор DOI, а информация на уровне метаданных размещается в информационной системе CrossRef (<https://search.crossref.org>). Метаданные сборников размещаются в Научной электронной библиотеке (<https://elibrary.ru>), а все статьи и тезисы индексируются в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель Программного комитета:

Васильев В.Н., докт. техн. наук, чл.-корр. РАН, ректор Университета ИТМО

Заместители председателя Программного комитета:

Борисов Н.В., докт. физ.-мат. наук, заведующий кафедрой информационных систем в искусстве и гуманитарных науках СПбГУ, председатель Оргкомитета конференции

Чугунов А.В., канд. политич. наук, директор Центра технологий электронного правительства ИДУ Университета ИТМО, генеральный директор НП ПРИОР Северо-Запад, ученый секретарь конференции

Члены Программного комитета:

Азарова И.В., канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Алексеев А.М., Санкт-Петербургское отделение Математического института им. В.А. Стеклова РАН

Бакаев М.А., канд. техн. наук, Новосибирский государственный технический университет

Богачева Н.В., канд. псих. наук, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова

Болгов Р.В., канд. политич. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Борисов Н.В., докт. физ.-мат. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Бродовская Е.В., докт. политич. наук, Финансовый университет при Правительстве РФ

Видясова Л.А., канд. социол. наук, Университет ИТМО

Войскунский А.Е., канд. психол. наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Воронин Д.Ю., канд. технич. наук, Институт национальной технологической инициативы

Галиева А.М., канд. филол. наук, Казанский федеральный университет

Захаров В.П., канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Игнатъев А. В., докт. технич. наук, Волгоградский государственный технический университет

Игнатъева О.А., канд. социол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Иомдин Л. Л., канд. филол. наук, Институт проблем передачи информации РАН

Кабанов Ю.А., НИУ «Высшая школа экономики»

Камшилова О. Н., канд. филол. наук, РГПУ им. А.И. Герцена

Карачай В.А., канд. полит. наук, Университет ИТМО

Карчагин Е.В., докт. филос. наук, Волгоградский государственный технический университет

Ковалева Т.В., канд. филос. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Королева Н.Н., докт. психол. наук, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Курчеева Г. И., канд. экон. наук, Новосибирский государственный технический университет

Лактюхина Е.Г., канд. социол. наук, Волгоградский государственный университет

Лукашевич Н.В., докт. технич. наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Мамай Е.А., канд. юридич. наук, Нижегородская академия МВД России

Микляева А.В., докт. психол. наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Минаев Н. Н., докт. экон. наук, СПб ГУП «Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр»

Мисников Ю.Г., Ph.D., Университет ИТМО

Митрофанова О.А., канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Митягин С. А., канд. техн. наук, Университет ИТМО

Невзорова О.А., канд. техн. наук, Казанский федеральный университет

Овчинникова Е.А., канд. филос. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Паничева П.В., канд. филол. наук, НИУ «Высшая школа экономики»

Парыгин Д. С., канд. техн. наук, Волгоградский государственный технический университет

Перов В.Ю., канд. филос. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Проект Ю.Л., канд. психол. наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Прокопенко В.В., канд. технич. наук, Волгоградский государственный технический университет
Прокудин Д.Е., докт. филос. наук, Санкт-Петербургский государственный университет
Рашевский Н.М., канд. технич. наук, Волгоградский государственный технический университет
Риехакайнен Е.И., канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет
Рычкова Л.В., канд. филол. наук, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Республика Беларусь
Садовникова Н.П., докт. технич. наук, Волгоградский государственный технический университет
Сморгунов Л.В., докт. филос. наук, Санкт-Петербургский государственный университет
Соколов А.В., докт. политич. наук, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова
Солдатова Г.У., докт. психол. наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Тимофеева М.К., докт. филол. наук, Новосибирский государственный университет, Институт математики им. С.Л. Соболева Сибирского отделения РАН
Толстикова И.И., канд. филос. наук, Университет ИТМО
Федосов А.Ю., докт. пед. наук, Российский государственный социальный университет
Филатова О.Г., канд. филос. наук, Санкт-Петербургский государственный университет
Чижик А.В., канд. культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет
Чугунов А.В., канд. политич. наук, Университет ИТМО
Шереметьева С.О., докт. филол. наук, Южно-Уральский государственный университет
Dr. Assel Akzhalova, Kazakh-British Technical University, Kazakhstan
Dr. Danish Ather, PhD in Computer Science, Sharda University, India
Dr. Erica Gorbak, University of Buenos Aires, Argentina
Aleš Horák, Ph.D., Masaryk University, Czech Republic
Yan Kuchin, Satbayev University, Kazakhstan
Vitaly Levashenko, University of Zilina, Czech Republic
Dr. Ravil Muhamedyev, Satbayev University, Kazakhstan
Nurzhan Mukazhanov, Satbayev University, Kazakhstan
Roberto Pereira, PhD in Computer Science, Federal University of Paraná, Brazil
Olga Scrivner, PhD in French Linguistics and Computational Linguistics, Indiana University Bloomington, USA
Nadiya Yunicheva, PhD, Institute of Information and computational technologies, Kazakhstan

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель оргкомитета:

Борисов Н.В., докт. физ.-мат. наук, заведующий кафедрой информационных систем в искусстве и гуманитарных науках Санкт-Петербургского государственного университета

Заместитель председателя оргкомитета:

Прокудин Д.Е., докт. филос. наук, доцент СПбГУ, аналитик Центра юзабилити и смешанной реальности Университет ИТМО

Члены оргкомитета

Войскунский А. Е., МГУ имени М. В. Ломоносова

Захаров В.П., Санкт-Петербургский государственный университет

Микляева А. В., РГПУ им. А.И. Герцена

Митягин С. А., Университета ИТМО

Низомутдинов Б.А., Университет ИТМО, НП ПРИОР Северо-Запад

Парыгин Д. С., Волгоградский государственный технический университет

Смирнова П.В., Университет ИТМО (информационный менеджер конференции)

Толстикова И.И., Университет ИТМО

Чижик А. В., Санкт-Петербургский государственный университет, Университет ИТМО

Чугунов А.В., Университет ИТМО, НП ПРИОР Северо-Запад (ученый секретарь конференции)

От редколлегии

Специализированный международный семинар «E-Governance: государство и граждане в электронной среде» (E-Governance2022) состоялся 24-25 июня 2022 г. в Санкт-Петербурге в рамках XXV международной объединенной конференции «Интернет и современное общество». Семинар прошел в Конгресс-центре Университета ИТМО и включал две сессии – на русском и английском языках. В данном сборнике представлены материалы русскоязычной сессии, англоязычные статьи включены в отдельный сборник.

Цель международного научного семинара E-Governance2022 – обсуждение проблематики новых форм взаимодействия граждан и государства в цифровой среде, развитие идеи цифрового гражданства, выявление вызовов и рисков цифровизации публичной сферы, определение роли доверия к цифровым технологиям со стороны граждан и государственных служащих.

Семинар E-Governance2022 прошел как научное мероприятие исследовательского комитета «ИКТ и политика» Российской ассоциации политической науки (РАПН) при поддержке РНФ в рамках проекта «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики». Помимо тематики электронного участия, как основной для указанного проекта, ключевыми направлениями и темами международного семинара стали также рекурсивное управление, доверие к цифровым технологиям, цифровые форматы публичной управляемости, цифровая публичная сфера, цифровое гражданство, гражданские науки в цифровой среде.

В русскоязычной части семинара ведущие отечественные исследователи, изучающие влияние интернета на современное общество, представили как результаты концептуальных, международных и общероссийских исследований в сфере электронного управления, так и важные данные региональных исследований. Соответствующим образом выстроены и статьи в сборнике.

Открывает сборник концептуальная статья доктора философских наук, профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) Григория Львовича Тульчинского «Прагматическая семантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность». Автор размышляет о том, что современные коммуникативные технологии создают и приумножают конфликты различных смысловых картин мира, связанных с различными ценностно-регулятивными системами, что выражается в необходимости нового осмысления и проявления субъектности как источника, средства и результата социальной коммуникации.

Вторая статья касается не менее значимых проблем для специалистов в области взаимодействия государства и граждан в электронной среде. Учеными Санкт-Петербургского университета Н.В. Гришиным и О.В. Поповой на основании применения методики оценки потенциала и перспектив групп общественных интересов Ф. Уилсона предложена интерпретация перспектив и потенциала движения за ограничение дистанционного электронного голосования. В статье также выявлена специфика движения против интернет-голосования в России в контексте мирового опыта.

Следующая статья также написана исследователем СПбГУ. В статье Д.М. Салимова «Сетевые СМИ и политическое управление в современном Таджикистане» определяются коммуникационные факторы политического управления, выступающие механизмом адаптации политической системы к социальной среде и предлагается анализ ряда политически важных документов. В итоге автор делает вывод о том, что сетевая политическая коммуникация привела к изменению стиля политической журналистики и формированию принципиально новых форм влияния на субъекты политического управления. Исследовательский интерес авторов из филиалов РАНХиГС сосредоточен на цифровых трансформациях, направленных на улучшение диалога между обществом и властью.

В статье А.В. Баранова и О.В. Котляровой такой диалог рассматривается как основной фактор формирования доверия к власти и поднимается важный вопрос о барьерах, мешающих формированию цифровой ментальности гражданского общества современной России. В качестве примера анализируется эффективность региональной практики «МФЦ – общественные приемные органов власти и организаций», направленной на онлайн-консультирование граждан Ростовской области.

Исследовательский коллектив из Университета ИТМО и НИУ ВШЭ-Санкт-Петербург представляет результаты очередного этапа мониторинга каналов электронного участия в Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях. Исследование проводилось по методике, позволяющей оценивать различные инструменты электронного участия и проводить межрегиональные и кроссплатформенные сравнения. На начало 2022 г. было найдено и оценено 194 актуальных канала электронного участия, созданных органами власти регионов и 122 канала – органами местного самоуправления. Мониторинг позволил зафиксировать динамику в количестве и качестве рассматриваемых каналов за три года. В результате выявлено сокращение количества каналов электронного участия, созданных и поддерживаемых по инициативе исполнительных органов государственной власти субъектов и муниципалитетов, что свидетельствует об усилении тенденций централизации и роли федерального центра в этих вопросах.

Заключительная статья также касается результатов региональных исследований. Ю.Г. Мисников и О.Г. Филатова анализируют инфраструктуру электронного участия на уровне муниципальных образований Санкт-Петербурга. Исследование, представленное в данном сборнике, является продолжением других исследований авторов, связанных с рассмотрением сервисов электронного участия с точки зрения медиаэкологического подхода. Причем важно, что подкреплением данного подхода является обращение к идее «информационной экологии», которая делает упор именно на локальные микроконтексты, а не на макроуровни, с их разрозненными акторами и технологиями. С точки зрения электронного участия, в частности, авторов интересует потенциал информационной и медиаэкологии в осуществлении социального контроля и изменений как способ интеграции общества.

В этом свете можно, развивая мысль авторов, представить, например, муниципалитеты или регионы как уникальные административные, управленческие и экологические системы, которые строят и используют технологии электронного участия для обеспечения коммуникативного взаимодействия между властью и гражданами. Однако, пока все еще недостаточно знаний, чтобы понять, до какой степени эта среда участия является системной. Здесь, безусловно, открываются возможности для дальнейших исследований и дискуссий. Площадку для дискуссий всех заинтересованных сторон традиционно готовы предоставить организаторы конференции «Интернет и современное общество».

Редакторы сборника

А.В. Чугунов, О.Г. Филатова

Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность

Г.Л. Тульчинский

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

gtul@mail.ru

Аннотация

Цифровой формат смещает акцент социальной коммуникации с трансляции социальных (нормативных) значений на презентацию личностных смыслов (эмоционально-оценочных мнений и переживаний). Это порождает проблему баланса между, с одной стороны, институтом свободы слова и совести, техническими возможностями их выражения, с другой стороны – необходимостью обеспечения личностной и институциональной безопасности, минимизации репутационных рисков, других издержек. Верификация или опровержение этого контента зависит от социально-культурного контекста, соответствующих смысловых картин мира, представления о значимой реальности, которые свойственны для данной общности. В ситуации формализации информационной базы коммуникации возникает вопрос о возможности систематизации смысловых картин мира, их структурировании и привязке к социально-культурным практикам. Для такой систематизации предлагается концепция ценностно-регулятивных систем (ЦРС), позволяющая операционализировать идею смысловых картин мира.

Современные коммуникативные технологии создают уникальную ситуацию. Во-первых, это возможность глубокой дивергенции ЦРС различного уровня и практик. А во-вторых, – возможность их пересечения и наложения. В результате рассмотрения указанных проблем автором выявлен вектор (тенденция) трансформации социальной коммуникации с акцентирования трансляции социальных (нормативных) значений на презентацию личностных смыслов (эмоционально-оценочных мнений и переживаний). Тем самым, сетевые коммуникации создают, если не приумножают, конфликты различных смысловых картин мира, связанных с различными ЦРС. Таким образом, возникает нетривиальная проблема результатов этого взаимодействия и ответственности за эти результаты. Это выражается в необходимости нового осмысления ответственности – не только как социального института, но и проявления субъектности, как источника, средства и результата социальной коммуникации.

Ключевые слова: ответственность, прагмасемантика, смысловые картины мира, социальная коммуникация, фейки, ценностно-регулятивные системы, цифровизация

Библиографическая ссылка: Тульчинский Г.Л. Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 6 (Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2022, Санкт-Петербург, 23–25 июня 2022 г. Сборник научных статей). – СПб.: Университет ИТМО, 2022. С. 00 – 00. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-00-00.

1. Постановка проблемы

Социальная коммуникация всегда играла ключевую роль в жизни общества, в формировании и развитии личности. Однако современные информационно-коммуникативные технологии в цифровых форматах задают новую расстановку акцентов в этой роли. Так, в последнее время повышенное внимание, особенно применительно к электронным социальным сетям, новым медиа, уделяется тематике «фейков (fake – подделка, фальшивка, обман) и «постправды» (точнее – постистины, post-truth) [1; 2]. И если последняя представляет интерес, в большей степени, для аналитиков и экспертов, то фейки составляют предмет активного законотворчества и правоприменения – вплоть до все более жестких правовых актов. Эта тематика вызывает к актуальнейшим острым проблемам манипулирования общественным сознанием, осмыслению выхода на передний план технологий маркетинга подталкивания (nudge), опирающегося на возможности Big Data, и детализированную кластеризацию экономических и политических рынков, доходящую до индивида, что открыло широкие возможности для недобросовестного бизнеса, политического популизма. Между тем, в постановке проблемы, самой используемой терминологии немало поверхностной публицистичности в ущерб полноценному анализу. Однако то, что понятно и допустимо в публицистике, блогосфере, не всегда оправдано в научном анализе, экспертизе.

Как представляется, за поверхностным подходом в дискурсе «постправды» кроется несколько обстоятельств. Во-первых, это, очевидная дань популярности префикса «пост-» (постмодерн, постмодернизм, постгуманизм, постсекуляризм и т.п.), этикетирующего тему, но не раскрывающего ее содержание. проблемы. Во-вторых, это очевидный кризис позитивистской ориентации в социальных науках, осознание необходимости учета зависимости интерпретации фактов, самой их идентификации от социально-культурного и политического контекстов [3-10]. В этой связи, в-третьих, и это главное, оба отмеченных фактора микшируют суть реальной проблемы, необходимость конструктивного анализа и осмысления содержания транслируемой информации с учетом контекста способов этой трансляции, мотивации авторов этого контента.

В данной работе предлагается подход к реализации такого анализа. Он опирается на концепцию «прагмасемантики» [11, p.247-248] как комплекса и интерфейса смыслообразования, увязывающего анализ содержания и значения текста с контекстом социально-культурной практики его использования. Предпосылки такого подхода были разработаны международным коллективом в рамках исследовательской программы, поддержанной грантом РФ № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках» [12] и продолженной в рамках гранта РФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования». Конкретизацией прагмасемантического подхода, во-первых, выступает предлагаемый концепт ценностно-регулятивных систем (ЦРС), обобщающий ранее предложенные идеи «функциональных систем» [13] «нормативных систем» [14], «нормативно-ценностных систем» [15, с.52-62] и «логономических систем» [16-18], а во-вторых, концепция глубокой семиотики (deep semiotics) [19; 20], расширяющая социальную семиотику измерением личностной субъектности как источника, средства и результата семиозиса.

В дальнейшем изложении решаются три задачи: (1) выявление того, что качественно новое вносят современные цифровые технологии в содержание социальной коммуникации; (2) как может быть конкретизировано и операционализировано соотношение различных интерпретаций транслируемого контента; (3) какие в этой связи возможны гарантии личностной и институциональной ответственности за этот контент. В соответствии с этими задачами и выстроена структура работы. Проводимое рассмотрение в меру возможности объема статьи сопровождается конкретными кейсами, раскрывающими рассматриваемую проблематику.

2. От социальных значений к эмоционально-оценочным переживаниям: дисбаланс прав и ответственности

Если информация – некие данные, мера разнообразия, то, что измеряется в битах, байтах, килобайтах мегабайтах и передается с помощью технических устройств, обеспечивающих информационные обмены, в том числе и с помощью кодировки [21], то коммуникация – обмен информацией, осмысленной кем-то и как-то, в каких-то целях и контекстах. Поэтому смысл всегда обусловлен определенными практиками (фреймами, паттернами), задающими контекст транслируемого содержания (коммуникативного контента). В этом плане, коммуникация всегда мотивирована, интенциональна, связана с намерениями – со стороны как источника (адресанта), так и реципиента (адресата).

Применительно к транслируемому содержанию принципиальная новизна современной коммуникативной ситуации состоит в том, что цифровые технологии обеспечили невиданные ранее доступ к информации, оперативность и масштаб ее позиционирования.

Если еще в конце прошлого-самого начале настоящего столетия доступ новостной информации обеспечивали традиционные средства массовой информации (пресса, радио, телевидение), где эта информация собиралась, проверялась, препарировалась редакторами и журналистами, то в наши дни практически любой обладатель гаджета имеет возможность не только ознакомиться с массой информации, ранее труднодоступной, но и сам выступить в качестве источника информации или ее интерпретатора. Выражаясь в терминах «глубокой семиотики» (deep semiotics), как расширения аппарата социальной семиотики, можно сказать, что если раньше традиционные медиа воспроизводили социальные значения, в определенной степени инвариантно нормативные, и которые переводились в план личностных смыслов реципиентов, то новые медиа представляют в публичном пространстве сами личностные смыслы в виде непосредственно презентуемых эмоционально-оценочных переживаний. Собственно, эта ситуация и является питательной средой, бэкграундом «постправды» и «фейков», за которыми не только расчетливое манипулирование, но и шутки, поспешные реакции, наивное доверие, непроверенные факты, спекуляция на оскорбленных чувствах... И все это не утверждения, а только мнение, на которое его транслятор «имеет право».

Зависимость транслируемого и воспринимаемого контента от намерений – фундаментальная характеристика коммуникации, проблематизирующая фактчекинг как тест транслируемого содержания. Типология намерений весьма и весьма обширна: от интересов бизнес и политических акторов до личностных мотиваций.

Это может быть стремление привлечь внимание, как в рекламе торговой сети Sunlight, много лет сообщавшей о скидках – в связи с «ликвидацией» своих магазинов [22]. В данном случае явно ложное сообщение, которое, однако, не создает угрозу причинения вреда жизни, здоровью и имуществу граждан, и не подпадает под правовую квалификацию фейка, подлежащего административному наказанию. Но возможно использование сообщений с целью нанести вред конкурентам в политике, бизнесе, науке, нанести ущерб их делу, имиджу и репутации. В намерения может входить нежелательность возможной ответственности за последствия активированной коммуникации. Более того, сами выявляемые намерения – результат реализации намерений аналитика и интерпретатора.

Возможна ситуация, когда намерения наслаиваются друг на друга, порождая масштабные трагедии. Так, 13-летняя девочка из мусульманской семьи в городе неподалеку от Парижа часто прогуливала занятия и однажды соврала своему строгому отцу, что якобы учитель истории Самюэль Пати на уроке по свободе слова решил показать детям карикатуру на пророка Мохаммеда, а когда девочка стала спорить с учителем, тот отстранил ее от занятий на два дня. Возмущенный отец выложил в Facebook несколько своих гневных обличительных видео, в которых назвал Пати «бандитом», призвав к его увольнению и сообщив, где находится колледж. К его призывам подключился исламский радикальный активист. На эти посты обратил внимание 18-летний Абдуллах Анзоров, переехавший еще

ребенком во Францию из Чечни. 16 октября 2020 года Анзоров убил Пати, обезглавив его на территории колледжа. При попытке задержания Анзоров был застрелен полицией.

Во Франции прошли многотысячные акции памяти Пати. Учителя посмертно наградили высшим знаком отличия Франции – орденом Почетного легиона. А в мусульманских странах началась кампания против французских властей и лично президента Э. Макрона – их обвинили в оскорблении религиозных чувств мусульман. Действия французских властей резко осудил известный своей воинственностью глава одного из российских регионов. Тело Анзорова было вывезено на родину и похоронено в форме традиционного ритуала. Медийно раскрученный боец ММА выложил в сетях фотографию Макрона, сопроводив ее текстом: «Да обезобразит Всевышний лицо этой твари и всех его последователей, которые под лозунгом свободы слова оскорбляют чувства более полутора миллиардов верующих мусульман» [23]. Так детская закомплексованность и воображение породила цепочку заявлений и событий, вовлекая новые и новых людей, в результате чего мелкая бытовая детская лож разрослась до трагедии международного масштаба.

В социально-политической жизни правда на ином уровне рассмотрения способна предстать своей противоположностью. Убийство есть преступление, грех. Убийца – преступник. Добавляем «за Отечество» – и это уже герой. Убийство за чужое отечество – злодейство, за свое – подвиг, а убийца 100 000 человек – герой и маршал... Не менее важны образование и кругозор. И это касается не только знания истории, но и географии, физики. Даже после средней школы у людей существенно разные представления о мире и обществе.

Чем и важен, и полезен анализ фейков для теории и практики коммуникации – что он выводит на первый план ключевые характеристики, факторы и предпосылки коммуникации [24]. Например – проблему смысловых картин мира, в коммуникации транслирующихся и ею формируемых.

3. Операционализация смысловых картин мира: ценностно-регулятивные системы

Дело не в фактчекинге, а в факторах, определяющих конкретные интерпретации. «Чистой правды (истины)» нет и никогда не было, хотя бы в силу недоступности человеку всей полноты знания. Сами верификация или фальсификация на основе фактографии, как и сама фактография могут рассматриваться с разных позиций, критиковаться, оспариваться. Даже в естествознании верификация данных зависит от интерпретаций, заложенных в самом языке описания, определяется используемыми методами и инструментами. Так и в социальных науках исследуется скорее «правда+» и «правда-». В первом случае это – факт с добавками, упакованный в оценку, интерпретацию и т.д. Или к факту добавляется еще другие факты, с ним не связанные, но придающие иное звучание. Или комбинация факта и фрагмента художественного фильма, упоминание известного литературного героя, персонажа. Во втором случае – факт с изъятиями, умолчаниями деталей. Но в обоих случаях это не «пост», а скорее «мета» и «пре». А по сути дела, это – мнения, некие смыслы, которые можно и нужно далее анализировать на предмет соотношения с целями, намерениями, установками, исходными и доминирующими установками.

Представления о мире и «правде» как соответствии ему формируются в социальной коммуникации, являются ее продуктом, формируя смысловую картину мира, свойственную данному социуму, сообществу. Мир устной и отчасти письменной коммуникации соотносился с реальностью посредством описания ситуаций, апеллирующих к непосредственному опыту личности, вызывая соответствующие ассоциации. Фильтром достоверности выступал сам человек, его окружение. С возникновением печати добавился авторитет автора, издателя, а потом и журналиста. Появление кино, ТВ и экранной культуры добавило наглядной убедительности в формировании смысловой картины мира. Именно фильмы, а потом и сериалы стали первичным фоном, средством и критерием осмысления

реальности. На этом и основаны возможности кино и телепропаганды, используемые до сих пор.

Возникновение электронных социальных сетей, блогосферы радикально изменило ситуацию. И не только потому, что возросло количество информации, изменилось само ее качество. Каждый блогер, каждый пользователь вносит свой контент, свое понимание и свою правду. Если редакции, цензура фильтровали информацию на предмет соответствия принятой или доминирующей картине мира, то теперь такой фильтр на выходе информации практически отсутствует. Современного автора информации интересует не соответствие реальности, а соответствие поставленной перед ним задачи воздействия. А перед троллями, заполонившими мировую сеть, зачастую ставятся вполне конкретные политические и бизнес-задачи провокации, диффамации, в лучшем случае – задачи отвлечения внимания от сути обсуждаемого [25; 26].

Арсенал таких технологий чрезвычайно широк: адекватный контент в неадекватном контексте; ссылки на псевдоисточники; ложная, но яркая поданная информация; «скорректированная» реальная информация; осмеяние; несоответствие заголовков материалов их содержанию... Эти приемы хорошо известны в рекламе, пропаганде. В этом плане, фермы троллей, ботов и политические ток-шоу решают одну и ту же задачу – рассказывают о событиях, зачастую не имеющих отношения к непосредственной жизни людей, в определенном смысле – о фейковой жизни. Поэтому тема фейков пришла в очень подготовленный для них мир. Но в этом и состоит роль фейков – отвлечь от реальных насущных проблем, вытеснив из сознания эти проблемы информационным спамом, тем самым, формируя мотивацию к решению фейковых проблем, а в результате – формируя фейковую реальность. Важно и то, что фейк выражает преимущественно информацию негативного характера: отрицательные факты вызывают больший интерес, чем позитивные – хотя бы в силу безопасности как базовой ценности социогенеза. Поэтому фейковая постправда в немалой степени способствует нагнетанию атмосферы аларма и хорроризации.

Факторы возникновения и проявления фейкового контента достаточно разнообразны. Некоторые в той или иной степени использовались в политической коммуникации всегда: пропаганда, осмеяние, дезинформация, прямой обман и другие хорошо известные формы манипулирования. Но некоторые факторы связаны именно с возможностями цифровых информационных технологий.

Такие возможности, усугубляющие ситуацию связаны с возможностями роботизации и алгоритмизации коммуникативных процессов и практик. Начинается это с элементарного – с работы поисковых систем, когда пользователь редко доходит до сотой ссылки, ограничиваясь ссылками на первой странице, что только закрепляет лидирующее место этих ссылок для последующих пользователей. А изначальный интерес обеспечивается указанными выше факторами, выводя на первые позиции именно фейковый контент. При этом алгоритмизация формирования, подачи и оценки информации вывела в сеть тысячи и тысячи ботов, которые порождают сегодня 60% трафика онлайн. И жаловаться, предъявлять претензии в этом случае не на кого и некому.

Кроме того, если в традиционном обществе люди полагались на авторитет жрецов, священников, как представителей и интерпретаторов высшей воли, если в обществе модерна они приучались опираться на собственное мнение, то маркетинг с опорой на Big Data смещает авторитетность. Влияние переходит к системам и алгоритмам обработки данных, которые, знают нас и о нас больше и лучше, чем мы сами. Именно на этом строится теория и технология «подталкивания» (nudge), регулируемого поведения в коммерческом и политическом маркетинге [27].

Наши cookies поведают о нас больше, чем аватар из Metaverse или личный дневник. Политика конфиденциальности данных и управление ими – вопрос не менее острый, чем реальная политика, и в нем заинтересованы как государственные, так и частные организации. Стало очевидно, что бесконечные пользовательские соглашения и запросы

веб-сайтов на сбор cookie – это прошлый век. Сейчас данные собирают в самых неожиданных местах. Зачастую незаметно для пользователя. Цифровые архивы наших действий и предпочтений обновляются в виртуальной и дополненной реальностях, будь то с помощью устройств IoT на городских улицах или же в наших собственных квартирах – да-да, голосовые помощники и роботы-пылесосы тоже знают кое-что о нас.

Полученные персональные данные используются для обучения нейронных сетей, а также для аналитики big data. Такая информация имеет обезличенный характер и используется для анализа.

В ситуации формализации информационной базы коммуникации возникает вопрос о возможности систематизации смысловых картин мира, их структурировании и привязке к социально-культурным практикам.

Многообразие видов социально-культурных практик может конкретизировано с помощью концепции ценностно-регулятивных систем (ЦРС). Такие системы определяются:

- ценностным компонентом, который складывается из предмета, целей и средств деятельности;
- нормативным компонентом, правилами, регулирующими осуществление деятельности;
- способом организации социальной практической деятельности.

Практически вся социально-практическая деятельность может быть представлена как совокупность ЦРС в сфере производства, быта, отдыха, науки и т.д. Работа, отдых, поездка в транспорте, научная конференция, обед в кафе – все это конкретные ЦРС [15, с.52-62]. Понятие ЦРС раскрывает механизм культуры как системы внебиологического наследования опыта и информации, как системы хранения и трансляции идей, «социальной памяти», «исторической коллективной памяти», «надындивидуальной системой информации» и т.д. Участием в ЦРС осуществляется социализация личности как усвоение ею соответствующих программ социального опыта. В этом плане понятие ЦРС является фактически развитием и обобщением фундаментальной идеи Г. Фреге, рассматривавшего смысл как «способ данности» предмета [28]. Каждый из таких способов данности задается в соответствии с определенными критериями, т.е. рационально. Если рациональность понимать механизмом социальной детерминации познания, представляющего собой устойчивую систему правил, норм и эталонов, принятых конкретным социумом для достижения социально-значимых целей, то эта трактовка также выражается в идее ЦРС, каждая из которых задает свой канон осмысления (логономию) [17; 18].

Специфической ЦРС является язык – социальная деятельность, реализующаяся в целях коммуникативного обслуживания других ЦРС, в том числе и самой себя. Опыт использования языка в конкретных ЦРС задает соответствующие дискурсивные практики, без освоения которых невозможно вхождение в сообщества: национальные, этнические, профессиональные, возрастные и т.п. В этой связи национальный язык (речь и письмо) оказывается путеводителем по совокупной системе ЦРС определенной культуры.

ЦРС ремесел, науки, искусства и т.д. дифференцировались и специализировались постепенно, по мере развития цивилизации и специализации видов деятельности. Это выражалось в выделении отдельных функций в самостоятельные виды деятельности, профессиональной закреплении людей за ними, соответствующих изменениях в системе образования и воспитания. Таким образом возникают мотивированные изнутри субкультуры, смысловые картины мира.

Взаимосвязь смыслового и социально-организационного аспектов развития ЦРС играет особую роль. Способ осмысления и организация социально-культурных практик неразрывно связаны и взаимостимулируют друг друга: динамика развития ЦРС выражает этапы институционализации от идей и неформального общения по их поводу до развитых институтов, вплоть до организаций и учреждений – в зависимости от регулярности и интенсивности коммуникации. Это позволяет рассматривать динамику институционализации смысловых структур как переход от личностного знания к знанию,

с одной стороны – все более распределенному, а с другой – формирующему общности единомышленников, вплоть до социальных институтов. На первых этапах институционализации ведущую роль играет смысловой аспект, на поздних – социальный. Поэтому институционализированные формы осмысления, рутинизированные в некоторые профессии, специальности и дисциплины, представляют собой отлившиеся в институционные формы социальной организации виды осмысления. С этой точки зрения, как писал С.Тулмин, каждое научное понятие – это интеллектуальный зародыш научно-исследовательского института или лаборатории, а последние – суть институционализированные понятия [29]. Аналогичные стадии проходят ЦРС в бизнесе, политике, религии, искусстве. Поэтому, в принципе, концепция ЦРС дает ответ на главный вопрос институционализма в теории экономической социологии, политологии [30] – как формируются социальные институты.

Современные коммуникативные технологии создают уникальную ситуацию. С одной стороны, это возможность глубокой дивергенции ЦРС различного уровня и практик. С другой – возможность их пересечения и наложения.

В этом плане показательны возникающие неоднозначные кейсы оценки транслируемого контента. Так, 5 декабря 2021 года председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин поручил своим подчиненным провести доследственную проверку по факту обращения к нему «группы патриотов» о необходимости проверить творчество музыкантов Нойза МС (Иван Алексеев) и Оксимирона (Мирон Федоров) на реабилитацию нацизма, экстремизм и негативное отношение к сотрудникам правоохранительных органов [31]. Оказалось, что обращение к Председателю СКР было опубликовано оппозиционным блогером Д. Якушевым в его ЖЖ. Сам Якушев расценивал это «обращение» как характерную для стилистики его блога сатирическую шутку, в которой он называл деятельность рэперов более опасной, чем «расширение НАТО», и обвинял Оксимирона в том, что он «сексуально оскорбил» одного известного политолога. В тот же вечер Якушев в том же ЖЖ просил остановить проверку [32]. Однако, как выяснилось, было это заявление шуткой или нет, значения не имеет. Мнение самого заявителя о наличии или отсутствии чего-то запрещенного не влияет на проверку артикулированного правонарушения. Не влияет на ситуацию и то, что текст не отправлялся в СКР, а был просто опубликован в ЖЖ. Главное, что он был зафиксирован в процессе мониторинга, построенной на ключевых словах и формальном анализе текста. И эта система не различает – юмор это, сатира это, сарказм, баг в системе или обычный случай.

Приведенный случай не единичен. С точки зрения закона, в судебной практике механизм различения серьезного заявления и шутки практически не работает – особенно, если при этом выявляется оскорбление чьих-то чувств. Все зависит или от достаточно сложной лингвистической и этической экспертизы и последующей интерпретации судом, который может оценкой экспертизы воспользоваться или нет.

Таким образом, сетевые коммуникации создают, если не приумножают, конфликты различных смысловых картин мира, связанных с различными ЦРС.

Возникает вопрос о возможности выработки (нахождения) некоего «общего знаменателя» таких множеств ЦРС. И это не только проблема этакого суверенного смыслового «блокчейна», некоей суверенной платформы распознавания и идентификации смыслов, которая представляется практически нереализуемой на таком пластичном и динамичном материале, как социальная коммуникация, изначально предполагающая субъектность, прокреативность участников. Фактически речь идет об аналоге теоремы Гёделя – о невозможности полной формализации человеческого знания, в то числе – транслируемого в коммуникации. И если это относится даже к наиболее точному знанию – математическому, то в еще большей степени – к знанию гуманитарному, включая историческое, не говоря уже о таком пластичном феномене, как историческая память с ее, несколькими лагами динамики.

Поэтому решение задачи видится в учете этого неформализуемого «остатка», а скорее – ядра коммуникации, т.е. учете личностного фактора.

4. Безопасность и ответственность: социальный контроль vs парресия

Выявляется сущность проблемы фейков и постправды – дело не столько в фактчекинге (верификации) транслируемого контента, сколько в ответственности за этот контент. Если коммуникация мотивирована, интенциональна, то главным в ней становится вменение намерений, породивших контент. Понимание другого – суть понимание не столько значения используемых им слов, сколько намерений, с какими он вступил в общение. И это глубже, чем фактчекинг. Вменение – это установление субъектности, «точки сборки» ответственного самосознания, когда «невозможно заставить себя верить во что-то, одновременно зная, что это ложь. Поэтому самообман не может существовать. Попытки разрешить парадокс, как обманщику обмануть себя, не имели успеха. Эти попытки обычно включали создание разделенного себя, рассматривая одного из них неосознающим» [33].

Такое вменение может оказаться трудно выполнимым. Намерения, как уже отмечалось, могут быть связаны с наивностью, повышенной эмоциональной реакцией на происходящее. Так в приведенном выше случае с школьницей-прогульщицей, ее отец, по его словам, не желал вреда учителю, а только «хотел быть хорошим отцом. Или намерения могут тщательно скрываться, как и автор, который может быть вымышлен, обозначен неким псевдонимом, ником. Поэтому в адресанте при серьезной аналитике следует различать автора и актора-инициатора. Причем такой инициатор может тщательно скрываться. И тогда задача разрастается до выявления источника намерений создания данного контента, субъективация подлинного актора, скрывающегося за реальными и вымышленными авторами. В случае исторического материала такая аналитика может стать делом поколений исследователей.

Или, в силу возможностей и масштабов вовлечения участников в современные сетевые коммуникации, такое вменение оказывается распределенным, что также оказывается задачей достаточно сложной. Так, в рассмотренном выше кейсе с школьницей-прогульщицей, убийство Пати следствием было расценено как террористический акт. Обвинение было предъявлено 12 лицам: девочке; ее отцу, устроившему кампанию в сети; активисту, который вывел эту кампанию на новый уровень; друзьям Анзорова, подвозившим его до колледжа и знавшим о его намерениях; ученикам колледжа, показавшим за 300 евро Анзорову Пати, который не скрывал, что намерен навредить учителю. Школьница была помещена под надзор правоохранительных органов и в другое учебное заведение. Распределение такой ответственности, ее степени задача, с очевидностью, нетривиальная.

С особой остротой это выявилось во время коронавирусной пандемии, когда для людей, оказавшихся в условиях карантина, основным источников информации стал Интернет. Ранее был представлен подробный обзор этой неоднозначной ситуации [34]. А поскольку экзистенциальные угрозы всегда были останутся главной новостью для человека и человечества, в сеть обрушился поток домыслов и слухов, которые вызывали повышенный интерес и внимание – особенно на фоне противоречивых заявлений официальных инстанций. Якобы «инсайдерские сведения из компетентных источников» пугали людей дикой статистикой, странными рекомендациями, не говоря о реализации всемирного заговора во главе с Б. Гейтсом по сокращению численности населения. В результате яростного и бессмысленного уничтожения вышек 5G, «распространяющих инфекцию» был нанесен колоссальный ущерб инфраструктуре коммуникации.

Современные технологии дают исключительные возможности контроля информационного потока, манипулирования им, а «наличие большого числа дезинформированных людей в обществе является абсолютно разрушительным...» [35]. Эта тенденция чревата стрессами и конфликтами.

В сочетании с пропагандой прав человека с нарушением баланса прав и ответственности возникает агрессивная коммуникативная среда, подпитывающая буллинг, киберсталкинг, ущерб и угрозы репутации, здоровью, имуществу, жизни... И в ситуации дивергенции смысловых картин мира, взаимного недоверия, перегретых сетевым самовозбуждением ожиданий достаточно искры...

Поэтому правительства были вынуждены включиться в борьбу с такой информацией. Первыми такие меры в форме запретов, штрафов и уголовной ответственности приняли правительства России, Соединенного Королевства, Китая. Спустя несколько месяцев такие меры приняли Иран, Саудовская Аравия, Египет, Турция, ряд Балканских государств. Генеральная Прокуратура РФ регулярно требует заблокировать то ролики о чипировании населения, то статьи о российском происхождении коронавируса, то сетевое сообщество противников самоизоляции, то ролики об узурпации власти олигархами [36].

В большинстве стран мониторинг, контроль контента возложены на онлайн-платформы: если предписания не исполняются, то к ним применяются штрафные санкции, доходящие до 5 млн евро. Еврокомиссия разрабатывает проект законодательного акта Digital Service Act, призванного регулировать прозрачность соцсетей и интернет-компаний.

Некоторые провайдеры и агрегаторы новостей стали бороться с фейками самостоятельно, без напоминаний и контроля со стороны государства. Первым приступил к такой практике Facebook, затем к нему стали подтягиваться и другие. Ярким примером стала блокировка аккаунтов Д. Трампа, после штурма Капитолия его сторонниками. В России агрегатор Дзен также занялся очисткой контента от фейков с помощью журналистов [37].

Разумеется, без таких практик запретов и контроля не обойтись. Однако ограничение ими недостаточно, а то и опасно. И они не всегда находят поддержку, а иногда трактуются и воспринимаются как ущемление прав и вызов демократии. Дело не только и не столько в внешнем контроле, который опытные манипуляторы уже научились использовать. Ключевым является баланс между нормативным регулированием и саморегулированием участников современной публичной коммуникации – не только провайдеров, но и самих производителей и потребителей контента. Не стоит забывать, что конфликты (в том числе, международные) вызревают сначала в головах и в коммуникации. И если раньше кризисы были обусловлены недостаточностью информации, то в информационном обществе кризис сопровождается (а часто и вызывается) переизбытком информации, транслируемой медиа. Такая ситуация способствует нарастанию недоверия в социуме. Динамика публичного COVID-дискурса продемонстрировала этот дисбаланс и его последствия особенно отчетливо.

В этой связи ответственность за отбор и критерии достоверности сместились от источника к адресату, реципиенту, который к этому не готов или даже просто не хочет этим заморачиваться. Разрешение конфликтов, преодоление стрессов предполагает стереометричное и даже стереоскопичное восприятие информации, возможно, нелинейную культуру получения и формирования более полной картины происходящего и его осмысления. И формирование такой культуры еще только начинается.

Поэтому важную роль играет просвещение самих участников коммуникации, ее адресантов и адресатов [38]. По этому пути пошли Нидерланды, Дания, Швеция. В 2018 году в России военными службами были разработаны Методические рекомендации по разоблачению фейковых обвинений в адрес ВКС России в Сирии [39].

Более того, возникает запрос на ответственную речь, реализуемую не только посредством социального контроля, но и с помощью самостоятельной фильтрации информационного потока, стремления к источникам достоверной информации, персонам ее ответственно представляющим. Помимо технологических и институциональных мер, все большую роль и значение играет самоограничение и личная ответственность не только политиков, экспертов, журналистов, блогеров, других лидеров общественного мнения, но и со стороны их аудитории, отдельных пользователей.

Расширение доступности публичной коммуникации в сочетании с идеей прав на свободу самовыражения создали дисбаланс между правами и ответственностью. В ситуации прямой трансляции эмоционально-оценочных переживаний, приводящих иногда к драматическим трагическим последствиям, оказывается, что автор ничего не утверждал, а только высказывал свое мнение, на которое он имеет право.

Можно говорить о созревании условий пересмотра оценки М. Фуко перспектив концепта парресии применительно к современным дискурсивным практикам [40]. Не исключено, что речь может идти о возрождении феномена парресии как ответственного публичного слова, реализующего публичную речь как поступок (вменяемое действие), в новом формате и масштабе – ответственности не только за транслируемый контент, не только за последствия его трансляции, но и, прежде всего, – за сам факт взятия слова [41]. Ответственность за взятое слово – вызов морали коммуникации, если не новое ее качество или просто новая мораль

Таким образом, практики современной коммуникации выводят на первый план проблему ответственности в ее комплексном выражении – как интеграцию социального контроля в правовом и моральном формате с личностным выбором в истоке, процессе и результате коммуникации.

5. Ergo: в качестве заключения

Проведенное рассмотрение выявило вектор (тенденцию) трансформации социальной коммуникации с акцентирования трансляции социальных (нормативных) значений на презентацию личностных смыслов (эмоционально-оценочных мнений и переживаний). Такая смена акцентуации в публичном пространстве порождает проблему баланса между институтом свободы слова и совести, техническими возможностями их выражения – с одной стороны, и необходимостью жесткого контроля в информационном пространстве, критической массы безответственной информации, несущей угрозы личной и институциональной безопасности, репутации, другие издержки. Верификация или опровержение этого контента зависит от социально-культурного контекста ценностно-регулятивных систем (ЦРС), определяющих смысловую картину мира. Этим контекстом и задается представление о том, чем является значимая реальность для данной общности. Но при интенсивном взаимодействии таких смысловых картин мира («смысловых коконов»), каковым является современная цифровая коммуникация, возникает нетривиальная проблема результатов этого взаимодействия и ответственности за эти результаты. Что выражается в необходимости нового осмысления ответственности – не только как социального института, но и проявления субъектности, как источника, средства и результата социальной коммуникации.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования».

Литература

- [1] «Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. – 216 с.
- [2] Bisnoff J. Fake Politics: how corporate and government groups create and maintain a monopoly on truth. N.Y.: Skyhorse Publ., 2019. 229 p.
- [3] Alker H.R., jr. Political Methodology, Old and New // A New Handbook of Political Science / ed. by Robert E. Goodin and Hans-Dieter Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 787–799.

- [4] Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
- [5] Кламер А. Странная наука экономика. Приглашение к разговору. М.; СПб.: Ин-т Гайдара, 2015. 336 с.
- [6] Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.; СПб.: Ин-т Гайдара, 2015. 328 с.
- [7] Петренко В.Ф. Конструктивизм как методология множественности модельного описания и конструирования в познании // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. М.: МГУДТ, 2016. Ч. 1. С. 221–229.
- [8] Тульчинский Г.Л. Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // Публичная политика. 2017. № 1. С. 76–98.
- [9] Шапиро И. Бегство гуманитарных наук от реальности. М.: ВШЭ, 2011. 368 с.
- [10] Searle. J. The construction of social reality. – N.Y.: Free Press, 1995. 256 p.
- [11] Zolyan S. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions. // Studies at the Grammar-Discourse Interface /ed. by A.Haselow, S.Hancil. Amsterdam: J.Benjamins Publ., 2021. P.245-271.
- [12] Между миром и языком: текст и смысл в коммуникативном контексте. Коллективная монография / под. ред. С.Т. Золяна и Г.Л. Тульчинского. Калининград: БФУ, 2022.
- [13] Соколов Э.В. Культура и личность. Л.: Наука, 1972. 228 с.
- [14] Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977. 222 с.
- [15] Тульчинский Г.Л. Тело свободы: Ответственность и воплощение смысла. СПб.: Алетейя, 2019. 470 с. С. 42-44, 52-62.
- [16] Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1988. 280 с.
- [17] Ильин М.В. Логономические системы: рефлексия, осмысленность и вербализация действия // Социальная семиотика: точки роста. СПб.: Скифия принт, 2020. С. 30-32.
- [18] Фомин И.В., Ильин М.В. Социальная семиотика: траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 123-141.
- [19] Социальная семиотика: точки роста. СПб.: Скифия-принт, 2020. 156 с.
- [20] Тульчинский Г.Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 115-125.
- [21] Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 830 с.
- [22] Демидкина К. Бесконечная ликвидация // URL: <https://www.forbs.ru/karera-i-svoy-biznes/408707-beskonechnaya-likvidaciya-kak-yuvelirnaya-set-sunlight-zarabotala> (дата обращения 18.04.2022).
- [23] France2: даже не присутствовала. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-03-09/France-2-dazhe-ne-prisutstvovala> (дата обращения 13.03.2022).
- [24] Золян С.Т., Пробст Н.А., Сладкевич Ж.Р., Тульчинский Г.Л. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность. СПб.: Алетейя, 2021. 288 с.
- [25] Howard P.N., Woolley S., Calo R. Algorithms, bots, and political communication in the US 2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration. // Journal of Information Technology & Politics. 2018. Vol. 15 (2). P.81-93.
- [26] Woolley S.C., Howard P.N. Automation, algorithms, and politics/political communication, computational propaganda, and autonomous agent — introduction. // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 4882-4890.
- [27] Талер Р., Санстейн К. Nudge: Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 240 с.
- [28] Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1892. S. 25-50.
- [29] Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 328 с.

- [30] Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Ин-т Гайдара, 2011. 480 с.
- [31] СК проверит творчество Noize MC и Oxxxymiron по заявлению граждан // <https://tass.ru/obschestvo/13115963> (дата обращения: 18.04.2022)
- [32] Николаев П. Блогер в шутку призвал проверить песни Oxxxymiron и Noize MC. СК начал проверку. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2021/12/05/a_14282875.shtml (дата обращения 18.04.2022)
- [33] Bandura A. Self-deception: A paradox revisited // *Behavioral and brain sciences*. 2011. Vol. 34 (1). P. 1-56.
- [34] Tulchinskii G.L. The dynamics of public discourse during the coronavirus pandemic: a request for responsibility // *Russian Journal of Communication*. 2020. Vol. 12 (3). P. 193-214.
- [35] Gray R. Lies, propaganda and fake news: a challenge for our age. 2017. URL: www.bbc.com/future/story/20170301-lies-propaganda-and-fake-news-a-grand-challenge-of-our-age (дата обращения 01.09.2021).
- [36] Генпрокуратура требует заблокировать ролики о чипировании населения. URL: <http://politsovet.ru/66355-genprokuratura-trebuat-zablokirovat-roliki-o-chipirovanii-naseleniya.html> (дата обращения: 26.02.2022).
- [37] Болецкая К. «Яндекс.Дзен» начинает проверку фейков. В этом ему помогут профессиональные журналисты. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/08/31/838357-yandeksdzen-proverku> (дата обращения: 15.11.2021).
- [38] Miller M. *Fake News: separating truth from fiction*. Twenty-First Century Books, 2019. 172 p.
- [39] Методические рекомендации по разоблачению фейковых обвинений в адрес ВКС России в Сирии. 2018. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/135803/> (дата обращения: 18.10.2021).
- [40] Фуко М. *Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983)*. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2010. 384 с.
- [41] Тульчинский Г.Л. Радость/печаль узнавания позитивизмом «постправды» и возможности ее фильтрации // *Политика постправды в современном мире / под ред. О.В. Поповой*. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 238-241.

Pragmasemantics of Digital Communications: Semantic Worldviews, Value-Regulatory Systems and Responsibility

G.L. Tulchinskii

National Research University Higher School of Economics - St. Petersburg

The digital format shifts the focus of social communication from the transmission of social (normative) meanings to the presentation of personal meanings (emotional and evaluative opinions and experiences). This raises the problem of balance between, on the one hand, the institution of freedom of speech and conscience, the technical possibilities of their expression, on the other hand, the need to ensure personal and institutional security, minimize reputational risks, and other costs. The content verification depends on the socio-cultural context, the corresponding semantic worldviews, i.e. ideas about meaningful reality that are characteristic of this community. The formalizing information base situation generates the question about the possibility of systematizing semantic worldviews, their structuring and linking to socio-cultural practices. The proposed concept of value-regulatory systems (VRS) allows us to operationalize the idea of semantic worldviews, as well as provide a basis for their systematization.

Modern communication technologies create a unique situation. Firstly, this is the possibility of deep divergence of VRSs on different levels and practices. Secondly, this is the possibility of their intersection and overlap. Network communications create, if not multiply, conflicts between different semantic worldviews associated with different VRSs. Thus, a non-trivial problem arises of the results of this interaction and responsibility for these results. This is expressed in the need for a new understanding of responsibility - not only as a social institution, but also as a manifestation of subjectivity, as a source, means and result of social communication.

Keywords: responsibility, pragma-semantics, semantic worldviews, social communication, fakes, value-regulatory systems, digitalization

Reference for citation: Tulchinskii G.L. Pragmasemantics of Digital Communications: Semantic Worldviews, Value-Regulatory Systems and Responsibility // The State and Citizens in the Electronic Environment. Vol. 6 (Proceedings of the XXV International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2022, St. Petersburg, June 23-25, 2022). – St. Petersburg: ITMO University, 2021. P. 00 – 00. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-00-00.

References

- [1] “Politika post-pravdy” i populism [“Post-truth politics” and populism] / ed.by O.V. Popova. St.Petersburg: Skifija-print, 2018. 216 p. (In Russian).
- [2] Bisnoff J. Fake Politics: how corporate and government groups create and maintain a monopoly on truth. N.Y.: Skyhorse Publ., 2019. 229 p.
- [3] Alker H.R., jr. Political Methodology, Old and New // A New Handbook of Political Science / ed. by Robert E. Goodin and Hans-Dieter Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 787–799.
- [4] Ankersmit F.R. Aesthetic policy. Political philosophy on the other side of fact and value, per. s angl. D. Kralechkina; pod nauch. red. I. Borisovoi; Nats. issled. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki". Rus. Ed. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2014. 432 p. (In Russian).
- [5] Klamer A. Strange science economics. Invitation to conversation. Moscow, St. Petersburg, Gaidar Institut Publ., 2015. 344 p. (In Russian).
- [6] McCloskey D. Rhetoric of economics. Rus. Ed. Moscow, St. Petersburg, Gaidar Ins-t Publ., 2015. (In Russian).
- [7] Petrenko V.F. The Constructivism Paradigm in Humanities. Metodologija i istorija psihologii. 2010. Vol. 3, pp.5-12. (In Russian).
- [8] Tulchinskii G.L. Explanation in political science: constructivism vs positivism. Publichnaja politika. 2017, N 1. pp. 76-98. (In Russian).
- [9] Shapiro I. The Flight from Reality in the Human Sciences. Moscow, Izdat.dom Higher School of Economics Publ., 2011. 368 p. (In Russian).
- [10] Searle. J. The construction of social reality. – N.Y.: Free Press, 1995. 256 p.
- [11] Zolyan S. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions. //Studies at the Grammar-Discourse Interface /ed. by A.Haselow, S.Hancil. Amsterdam: J.Benjamins Publ., 2021. P.245-271. (In Russian).
- [12] Mezhdumirov i jazykom: tekst i smysl v kommunikativnom kontekste. Kollektivnaja monografija [Between the world and language: text and meaning in a communicative context. Collective monograph] / ed.by S.T.Solyan & G.Tulchinskii. Kaliningrad: BFU, 2022. (In Russian).
- [13] Sokolov E.V. Kultura i lichnost'. Leningrad: Nauka, 1972. 228 p. (In Russian)
- [14] Rozov M.A. Problemy empiricheskogo analiza nauchnykh znaniy. Novosibirsk: Nauka, 1977. 222 p. (In Russian).
- [15] Tulchinskii G.L. Telo svobody: otvetstvennost' i voploshchenie smysla. Sankt-Petersburg: Aleteja, 2019. 470 c. (In Russian).

- [16] Hodge R., Kress G. *Social Semiotics*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1988. 280 с.
- [17] Il'in M.V. Logonomicheskie sistemy: refleksija, osmyslennost' i verbalizatsija dejstvija // Sotsial'naja semiotika: tochki rosta. Sankt-Petersburg: Skifija-print, 2020. P. 30-32. (In Russian).
- [18] Fomin I.V., Il'in M.V. Sotsial'naja semiotika: traektorii integratsii sotsiologicheskogo i semioticheskogo znaniya / Sotsiologicheskij zhurnal. 2019. Tom 25. № 4. P. 123-141. (In Russian).
- [19] Sotsial'naja semiotika: tochki rosta. [Social semiotics: points of growth]. St.Petersburg: Skifija-print, 2020. 156 p. (In Russian).
- [20] Tulchinskii G.L. Rasshirenie vozmozhnostej semioticheskogo analiza: istochniki i sodержanie kontseptsii "glubokoj semiotiki" [Expanding the Possibilities of Semiotic Analysis: Sources and Content of the Concept of "Deep Semiotics"] // Voprosy filosofii. 2019. No.11. P.115-125. (In Russian).
- [21] Shannon K. Raboty po teorii informatsii i kibernetike. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1963. 830 с. (In Russian).
- [22] Demidkina K. Beskonechaja likvidatsija //URL: <https://www.forbs.ru/karera-i-svoe-biznes/408707-beskonechnaya-likvidaciya-kak-yuvelirnaya-set-sunlight-zarabotala> (дата обращения 18.04.2022). (In Russian).
- [23] France2: dazhe ne prisutstvovala. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-03-09/France-2-dazhe-ne-prisutstvovala> (access date 13.03.2022). (In Russian).
- [24] Zolyan S.T., Probst N.A., Sladkiewicz Z.R., Tulchinskii G.L. Fejki: kommunikatsija, smysly, otventstvennost'. Sankt-Petersburg: Aleteja, 2021. 288 p. (In Russian).
- [25] Howard P.N., Woolley S., Calo R. Algorithms, bots, and political communication in the US 2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration. // *Journal of Information Technology & Politics*. 2018; 15 (2), p.81-93.
- [26] Woolley S.C., Howard P.N. Automation, algorithms, and politics/political communication, computational propaganda, and autonomous agent — introduction. // *International Journal of Communication*. 2016; 10, p. 4882-4890.
- [27] Taler R., Sunstein K. *Nudge: arkhitektura vybora*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 240 p. (In Russian).
- [28] Frege G. Über Sinn und Bedeutung // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. 1892. S. 25-50.
- [29] Tulmin S. *Chelovecheskoe ponimanie*. Moscow: Progress, 1984. 328 p. (In Russian)
- [30] Nort D., Wallis D., Weingast B. *Nasilie i sotsialnye porjadki*. Moscow: Gaydar Institut, 2011. 480 p. (In Russian).
- [31] SK proverit tvorchestvo Noize MC i Oxxxymiron po zajavleniju grahdan // <https://tass.ru/obschestvo/13115963> (access date: 18.04.2022) (In Russian).
- [32] Nikolaev P. *Bloger v shutku prizval proverit' pesni Oxxxymiron i Noize MC. SK nachal proverku*. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2021/12/05/a_14282875.shtml (access date 18.04.2022).
- [33] Bandura A. Self-deception: A paradox revisited // *Behavioral and brain sciences*. 2011. Vol. № 1. P. 1-56.
- [34] Tulchinskii G.L. The dynamics of public discourse during the coronavirus pandemic: a request for responsibility // *Russian Journal of Communication*. 2020. Vol.12 (3). P. 193-214.
- [35] Gray R. Lies, propaganda and fake news: a challenge for our age. 2017. URL: www.bbc.com/future/story/20170301-lies-propaganda-and-fake-news-a-grand-challenge-of-our-age (access date 01.09.2021).
- [36] Genprokuraturas trebuat zablokirovat' roliki o chipirovanii naselenija. URL: <http://politsovnet.ru/66355-genprokuratura-trebuat-zablokirovat-roliki-o-chipirovanii-naseleniya.html> (access date: 26.02.2022). (In Russian).

- [37] Boletskaja K. “Yandex.Dzen” nachinaet proverku fejkov. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/08/31/838357-yandeksdzen-proverku> (access date: 15.11.2021). (In Russian).
- [38] Miller M. Fake News: separating truth from fiction. Twenty-First Century Books, 2019. 172 p.
- [39] Metodicheskie rekomendatsii po razoblacheniju fejkovykh obvinenij v adres VKS Rossii v Sirii. 2018. URL: // <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/135803/> (access date: 18.10.2021). (In Russian).
- [40] Foucault M. Rech' i istina. Lektsii o parresii (1982-1983). Moscow.: Delo, 2010. 384 p. (In Russian).
- [41] Tulchinskii G.L. Radost'/pechal' uznavanija pozitivizmom “pst-pravdy” i vozmozhnosti ejo fil'tratsii //”Politika post-pravdy” i populism [“Post-truth politics” and populism] / ed. by O.V.Popova. St.Petersburg: Skifija-print, 2018. C.238-241. (In Russian).

Потенциал и перспективы движения за ограничение интернет-голосования: оценка российской ситуации в контексте мирового опыта

Н.В. Гришин, О.В. Попова

Санкт-Петербургский государственный университет

nvgrishin@mail.ru, pov_64@mail.ru

Аннотация

Статья направлена на изучение политического движения за ограничение и запрет интернет-голосования на национальном и международном уровнях. В настоящее время интернет-голосование применяют свыше 10 стран мира, к их числу с 2019 г. присоединилась Россия. Впервые запрет на применение этого института был введен в Нидерландах в 2008 году. Движение за ограничение и запрет использования интернет-технологий для процедур голосования расширяется и проходит несколько этапов институционализации, в том числе на международном уровне. Статья систематизирует опыт общественных инициатив за законодательный запрет интернет-голосования в отдельных странах мира (Нидерланды, Германия). На основании применения методики оценки потенциала и перспектив групп общественных интересов Ф. Уилсона предложена интерпретация перспектив и потенциала движения против дистанционного электронного голосования как группы общественных интересов в России. Выявлена специфика движения против интернет-голосования в России.

Ключевые слова: интернет-голосование, дистанционное электронное голосование, электронное голосование, группа одной темы

Библиографическая ссылка: Гришин Н.В., Попова О.В. Потенциал и перспективы движения за ограничение интернет-голосования: оценка российской ситуации в контексте мирового опыта // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 6 (Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2022, Санкт-Петербург, 23–25 июня 2022 г. Сборник научных статей). – СПб.: Университет ИТМО, 2022. С. 00 – 00. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-00-00.

1. Введение

Дистанционное голосование с использованием возможностей интернета (i-voting) стало одним из наиболее противоречивых электоральных институтов XXI века [9]. Этот институт впервые был экспериментально апробирован в 2000 г. на президентских праймериз в США (Аризона), на выборах национального уровня впервые использован в 2005 г. в Эстонии, в качестве единственного способа голосования впервые в истории применен в 2012 г. на муниципальных выборах в Канаде. В настоящее время применяется более чем в 10 странах мира, к числу которых с 2019 г. присоединилась Россия. С первых шагов истории института интернет-голосования его сопровождает движение за его ограничение. Противники интернет-голосования в некоторых странах добились его запрещения (впервые – в Нидерландах в 2008 году), в других странах они подрывают доверие к этому институту и снижают легитимность результатов голосования.

Движение против интернет-голосования является практически неизученным в современной науке. Между тем, его динамика предполагает развитие новых форм общественного участия в принятии решений [4].

Целью статьи является оценка динамики, ресурсов и перспектив общественно-политических инициатив по ограничению использования интернет-голосования.

В данной статье предполагается выявить перспективы и особенности формирования движений за ограничение интернет-голосования на основе методологического аппарата изучения группы общественных интересов (public interest groups) в рамках плюралистического теоретического подхода.

2. Методологические аспекты изучения потенциала и перспектив групп общественных интересов

Две основные теоретические концепции, используемые для изучения групп интересов, - плюрализм и некорпоративизм [20]. Плюрализм рассматривает группы интересов в контексте конкуренции разных общественных интересов и групп, вне связи с позицией органов государственной власти. Как правило, предполагается, что органы государственной власти занимают нейтральную позицию и остаются над схваткой [16], однако, данный подход может быть использован для изучения групп интересов даже в условиях активного вмешательства правительства, при условии, если они действуют независимо от него [17].

Группы интересов делятся на отраслевые (sectorial) группы и группы общественных интересов (public interest/case). Последние ориентированы на защиту принципов и ценностей, имеющих значение для всего общества, а не корыстных интересов участников. Группы общественных интересов отличаются более высокой степенью инклюзивности, зачастую – менее формализованы.

Группы общественных интересов, основанные на одной проблеме, они же – группы одной темы (single issue group), имеют отличия от большинства групп общественных интересов. Прежде всего, у них возникают дополнительные сложности с финансированием, привлечением широкой общественной поддержки. При этом они могут быть весьма устойчивыми и долговечными.

Деятельность групп одной темы предполагает логику перекрестного участия: участники группы могут одновременно быть участниками других групп, посвященных иным темам, а также принадлежать к разным политическим партиям.

В современной науке сформулированы некоторые представления о том, от каких факторов зависит эффективность общественных инициатив, поддержанных группами общественных интересов. В своем исследовании Мартин Гиленс выявил, что органы власти гораздо более восприимчивы к общественным инициативам, если они опираются на организованную основу, при этом поддерживающие их организации действуют согласовано и представляют обеспеченные слои населения [14]. Коллективность и согласованность действия обеспечивают более высокую вероятность успеха.

В данном исследовании использован инструментарий для анализа перспектив и потенциала групп интересов, который был предложен и развивается в работах Фрэнка Уилсона [21] и Хайке Клювера [15]. Данный подход предполагает учитывать для анализа следующие формы:

1) *Участие групп интересов в правительственных комитетах и консультативных органах.* Данная форма наиболее значима для отраслевых групп, однако, и группы публичных интересов могут иметь доступ в соответствующие структуры, которые в целом активно развиваются современными государствами.

2) *Формальные и неформальные контакты между заинтересованными группами и государством.* Исследования подтверждают, что неинституционализированные и неофициальные контакты с представителями органов власти рассматриваются лидерами

групп интересов как эффективные. Данная форма также имеет особое значение для отраслевых групп.

3) *Кампании по связям с общественностью.* Данная форма, более перспективная для групп публичных интересов по сравнению с отраслевыми группами, предполагает выпуск массовых изданий, газет или информационных продуктов, рассчитанных на неограниченную аудиторию с целью их мобилизации.

4) *Судебные иски.* Одна из радикальных форм, в равной степени относящаяся как к группам общественных интересов, так и к отраслевым группам. Данная форма используется, когда иные механизмы влияния на власть оказываются неэффективными.

5) *Парламентское лоббирование.* Одна из форм институционализированного присутствия групп интересов в органах власти, наиболее удобная для отраслевых групп. Предполагает наличие в представительном органе собственной фракции или отдельных депутатов.

6) *Политические партии.* Группы интересов могут взаимодействовать с политическими партиями, через их посредство обеспечивая продвижение своих целей в процессе принятия политических решений.

7) *Демонстрации, забастовки, прямое действие.* Демонстрации, марши, забастовки и другие формы прямого действия обычно рассматриваются как эффективные средства давления на правительство, при этом они более удобны для групп общественных интересов.

Применение данных форм анализа позволяет охарактеризовать и понять перспективы воздействия групп интересов на органы государственной власти.

3. Зарубежные модели групп интересов, выступающих против интернет-голосования

Некоторые зарубежные страны демонстрируют примеры высокой результативности движений против интернет-голосования. Данные движения смогли добиться от государства либо запрета в использовании данного инструмента, либо заблокировали его распространение на практике. В Нидерландах, Германии и США основу движения против интернет-голосования составляют IT-специалисты; публичные политики играют в нем очень скромную роль.

Вероятно, первое в мировой истории масштабное движение за ограничение интернет-голосование возникает в Нидерландах в середине 2000-х годов. Его институциональной основой стала общественная организация «Wij vertrouwen Stemcomputers niet» («Мы не доверяем компьютерам для голосования»), основанная бывшим хакером и учредителем интернет-провайдера Р. Гонгспрайсом. В 2006-2007 гг. организация провела серию громких акций, в их числе публичные демонстрации взлома систем электронного голосования и подачу иска в суд, который был выигран в 2007 г. Таким образом, кампания по запрету электронного голосования в Нидерландах был стремительной и обошлась усилиями немногочисленной группы IT-специалистов.

В Германии первые жалобы против электронного голосования были поданы после всеобщих выборов 2005 г., когда два избирателя обратились в Конституционный суд, выразив опасения по поводу возможности взлома машин для голосования. Лидером общественной кампании против электронного голосования стала группа по защите данных от хакеров «Chaos Computer Club», которая тесно сотрудничала и получала поддержку от упомянутого выше нидерландского фонда «Wij vertrouwen Stemcomputers niet». Организация высказывала опасения относительно высокой вероятности ошибок и злоупотреблений при электронном голосовании. В результате Конституционный суд признал электронное голосование противоречащим избирательным правам человека.

В США движение против интернет-голосования развивается преимущественно в рамках научного дискурса. Это движение отличается низкой степенью консолидации, при этом можно выделить ряд лидеров.

Профессор Принстонского университета Э. Аппель регулярно публикует работы, содержащие критику интернет-голосования, в частности, в исследовании 2021 года констатировал, что проблемы с кибербезопасностью возникали практически во всех случаях применения интернет-голосования в разных странах мира с 2000 по 2020 год [12]. М. Спектер из Массачусетского технологического института и А. Халдерман из Мичиганского университета в работе 2020 года пришли к выводу о «фатальной небезопасности» всех современных форм интернет-голосования [19]. В официальном докладе Агентства по кибербезопасности США 2020 года говорилось, что «технологии электронного голосования сопряжены с высоким риском даже при наличии контроля» и «являются более уязвимыми, чем другие формы дистанционного голосования» [13]. В еще более критическом тоне подготовлен доклад Национальной академии наук США в 2018 году: в нем сказано, что «ни одна известная технология не гарантирует секретность, безопасность и проверяемость бюллетеней, передаваемых через интернет», поэтому «безопасное интернет-голосование, скорее всего, будет невозможно в ближайшем будущем» [18]. Во всех этих исследованиях эксперты отмечали, что нельзя исключить возможность кражи голосов как со стороны инсайдеров из числа сотрудников избирательных комиссий, так и со стороны «внешних» хакеров. Можно прийти к выводу, что большинство американских специалистов, высказывающихся относительно интернет-голосования, оценивают этот институт скорее негативно. Поскольку США далеки от полноценного внедрения интернет-голосования на практике, дискуссия по этому поводу не приобрела политизированный характер и не вышла за рамки экспертного сообщества.

4. Критика интернет-голосования в России

Российское движение против интернет-голосования имеет внутреннюю неоднородность, прежде всего, по критерию принципиальности в отношении к этому институту. Критики интернет-голосования в России могут быть разделены на две основные группы:

1) *Критики российской модели организации ДЭГ, не отрицающие при этом принципиальную возможность голосования при помощи интернета.*

Среди политических партий с умеренной критикой российской практики интернет-голосования выступили «Справедливая Россия» и «Партия роста».

Позиция партии «Справедливая Россия» включает критические оценки при отсутствии принципиального отрицания этого института. В феврале 2021 г. лидер партии С. Миронов заявил: «Должны быть понятные и публичные гарантии того, что электронное голосование не станет площадкой для махинаций, теперь уже в режиме онлайн. Если таких гарантий нет, то лучше от него на парламентских выборах отказаться» [6].

«Партия роста» призвала в марте 2022 г. расширить возможности гражданского контроля и принять меры по обеспечению общественного доверия [8].

Большинство российских экспертов, критически выступивших против ДЭГ, также занимают умеренную позицию. Движение «Голос»*, Ю. Латынина*, М. Кац* и А. Брюханова, критикуя опыт использования ДЭГ в 2021 г., не заявили о необходимости отказа от института интернет-голосования в принципе. Программист П. Жижин [5] и А. Заякин* критиковали практику российского ДЭГ на выборах в сентябре 2021 года. Политолог Г. Голосов заявил, что об использовании этого института в российских условиях «и думать не стоит» [2].

2) *Принципиальные противники института интернет-голосования, призывающие к безусловному отказу от него.*

За принципиальный отказ от интернет-голосования в России выступают ряд влиятельных публичных фигур.

---

*Министерством юстиции РФ внесен в единый реестр иностранных агентов

Из российских политических партий последовательными противниками интернет-голосования выступают КПРФ и «Яблоко».

Представитель КПРФ Дарья Митина стала одной из первых в России публичных фигур, выступивших против интернет-голосования. Лидеры партии (Г. Зюганов, В. Рашкин, Д. Новиков и др.) неоднократно негативно высказывались об институте интернет-голосования. В декабре 2021 г. фракция КПРФ в парламенте внесла законопроект об отмене ДЭГ. Движение «За новый социализм» (Н. Платошкин, А. Глазкова) инициировало сбор подписей за отмену интернет-голосования. Депутат Госдумы ФС РФ А. Глазкова сообщила в феврале 2022 г., что КПРФ и «Новый социализм» смогли собрать несколько тысяч подписей [1].

Р. Юнеман, первый российский политик, прямо «пострадавший» от ДЭГ (на выборах в Мосгордуму в 2019 г.), стал не только символом, но и одним из лидеров борьбы против этого института. С этой целью уже в 2019 г. им был создан веб-сайт «Электронное голосование».

В сентябре 2021 г. на Change.org была создана петиция об отмене ДЭГ в России; по состоянию на апрель 2022 года она собрала свыше 28 тыс. подписей [7]. В декабре того же года была создана новая петиция «Против нового законопроекта об электронном голосовании на выборах», которую подписали свыше 2 тыс. чел.

В сентябре 2021 г. около 750 членов московских избиркомов и наблюдателей подписали открытое письмо, в котором интернет-голосование было названо «инструментом фальсификаций» [10].

Среди российских электоральных экспертов С. Шпилькин высказал принципиальное замечание относительно интернет-голосования: «У меня к ДЭГ скорее концептуальная претензия: непрозрачная для независимого контроля система, находящаяся в руках органов исполнительной власти, не может служить доверенной средой для выборов. ДЭГ является способом давления на бюджетников» [11].

23 сентября 2021 года кандидаты в депутаты Госдумы ФС РФ, представляющие разные политические силы, в их числе М. Литвинович, объявили о создании коалиционного комитета «За отмену ДЭГ». В заявлении среди задач объединения было указано – «Добиваться отмены использования систем электронного голосования на предстоящих выборах всех уровней». Петицию подписали позже Л. Соболь*, М. Шевченко. Это объединение никак не проявило себя в дальнейшем, в частности, во время принятия в марте 2022 г. закона о применении ДЭГ на выборах всех уровней в России.

5. Оценка потенциала и перспектив движения против интернет-голосования в России как группы общественных интересов

Применение подхода Ф. Уилсона и Х. Клювера позволяет охарактеризовать перспективы и потенциал движения против интернет-голосования в России как группы общественных интересов по отдельным предложенным этой методикой формам.

1) Участие групп интересов в правительственных комитетах и консультативных органах. Данная форма практически не доступна для участников движения против ДЭГ в России. Имеющихся у них немногочисленные каналы доступа к этой форме, по сути, заблокированы и неэффективны. 4 февраля 2020 года при обсуждении ДЭГ в Общественной палате были допущены члены Группы общественного аудита по ДЭГ, но противникам этого института слово не было предоставлено.

2) Формальные и неформальные контакты между заинтересованными группами и государством. Отсутствуют свидетельства об использовании (и наличии возможности использования) этой формы со стороны противников ДЭГ в России. Можно сделать вывод,

---

*Министерством юстиции РФ внесен в единый реестр иностранных агентов

что лидеры этого движения не обладают достаточно надежными неформальными контактами с лицами, принимающими соответствующие решения.

3) Кампании по связям с общественностью. Возможности данной формы не были использованы противниками ДЭГ в значительной степени. Единственным примером использования этой формы является создание Р. Юнеманом тематического веб-сайта против интернет-голосования в 2019 году, который впоследствии не развивался. Значительные и успешные информационные продукты (видеоролики, буклеты, подкасты), рассчитанные на широкую аудиторию, не были подготовлены.

4) Судебные иски. Первые иски, связанные с ДЭГ, были поданы представителями КППРФ в сентябре 2021 г. Данные иски касались отмены официальных результатов голосования на конкретных состоявшихся выборах и указывали на факты процедурных нарушений. Перспективы судебных исков по отмене результатов выборов в России очень низкие в результате как особенностей избирательного законодательства, так и правоприменения. Иски, в которых оспаривался бы институт интернет-голосования как таковой (подобно искам в Нидерландах и Германии), поданы не были. Таким образом, возможности этого инструмента влияния не были использованы российскими противниками интернет-голосования.

5) Парламентское лоббирование. Противники интернет-голосования представлены в Государственной Думе России, прежде всего, фракцией КППРФ. Федеральными депутатами являются некоторые из лидеров движения (Г. Зюганов, Д. Новиков, А. Глазкова, в прошлом В. Рашкин, и др.). Присутствие в парламенте не сказалось на процессе принятия решения о введении интернет-голосования. Другие активисты движения против ДЭГ не пытались использовать инструмент парламентского лоббирования для продвижения своей позиции.

6) Политические партии. Среди влиятельных российских партий КППРФ и «Яблоко» твердо занимают позицию против интернет-голосования. Существенных попыток повлиять на позицию других политических партий зафиксировать не удалось. Противники ДЭГ, не относящиеся к двум указанным партиям, проводят свою деятельность, не пытаясь использовать ресурсы политических партий.

7) Демонстрации, забастовки, прямое действие. Формы прямого действия против ДЭГ ограничились сбором подписей против введения этой формы голосования в период декабря 2021-февраля 2022 годов. К акциям прямого действия могут быть отнесены интернет-петиции, которые, видимо, были единственными массовыми акциями в рамках движения против интернет-голосования в России. Митинги, митинги, демонстрации, забастовки, касающиеся интернет-голосования, не проводились.

Таким образом, практически ни одна из форм воздействия на общество и государство, предусмотренных подходом Ф. Уилсона и Х. Клувера, не была использована российским движением противников интернет-голосования в сколько-нибудь активной и эффективной степени.

По сравнению с ситуацией в Нидерландах и Германии, где противники электронного голосования весьма быстро добились принятия соответствующего государственного решения, в России кампания против этого института имеет более продолжительную историю и вовлекла широкий круг участников. Возникли более благоприятные условия для институционализации группы одной темы.

Весьма специфичен круг лиц, участвующих в движении против интернет-голосования в России. В США, Нидерландах и Германии в этом движении задают тон специалисты по кибербезопасности. В России, напротив, IT-специалисты публично не высказывают сомнения в возможностях интернет-голосования и не поддерживают опасения, которые исходят преимущественно от политических активистов.

Социальная база движения противников интернет-голосования в России скорее свидетельствует о возможностях успеха. В движении участвуют преимущественно жители столиц, представители обеспеченных социальных групп. Тем не менее, данный фактор едва ли имеет существенное значение для оценки перспектив этого движения, поскольку оно

сфокусировано не на групповых, а всеобщих публичных интересах. В связи с этим какой-либо консолидации высших слоев населения по этому вопросу ожидать не приходится.

Движение противников интернет-голосования в России отличается исключительно низкой степенью консолидации и координации действий. Принадлежность противников этого института к полярным по отношению друг к другу партиям затрудняет возможность координации совместных действий по этому вопросу. Перспективной формой консолидации противников интернет-голосования потенциально могло бы стать проблемно-ориентированное движение. Однако, создание комитета «За отмену ДЭГ» не привело к появлению сколько-нибудь устойчивой структуры.

Совпадающая позиция активистов из разных политических групп по вопросу о ДЭГ вступила в противоречие с их партийной идентичностью. Модель перекрестного участия не сложилась. Партийная идентичность оказалась сильнее перспективы создать консолидированную группу одной темы для борьбы против конкретного института.

6. Заключение

Можно предположить, что наиболее активная фаза противостояния институту интернет-голосования в мировом масштабе еще впереди. Ведущие международные организации, участвующие в разработке и уточнении избирательных стандартов [3], пока не высказались по этому вопросу.

Проведенный анализ позволяет выявить субъективные причины, объясняющие разную степень эффективности движений против интернет-голосования как групп общественных интересов. Опыт Нидерландов с высокой наглядностью демонстрирует эффективность существующей в этой стране модели прямого публичного влияния на государственную политику. Любопытно, что в Нидерландах и Германии противники электронного голосования добились успеха, используя инструмент судебных исков, апеллируя к юридическим аспектам проблемы, обжалуя невозможность обеспечения базовых избирательных стандартов. Практика показывает, что такой путь борьбы против интернет-голосования является наиболее результативным. Противники интернет-голосования в США также строят свою аргументацию на противоречии между электронными технологиями и задачами по обеспечению базовых избирательных стандартов.

Особенностью российской ситуации является высокая степень настойчивости, с которой органы власти внедряют интернет-голосование. В связи с этим вопрос об использовании этого института приобретает дополнительную политизированную окраску. В частности, на первый план вышел вопрос не об институте интернет-голосования как таковом, а о его конкретной форме, которая была предложена органами власти. Не имея сильной поддержки со стороны IT-экспертов, какая была в Нидерландах, Германии и США, российское движение против электронного голосования лишено ряда существенных аргументов. Проведенный анализ показывает, что российское движение противников интернет-голосования, не смотря на наличие ряда влиятельных субъектов, в слабой степени использует формы влияния на органы государственной власти, что существенно ограничивает его потенциал и перспективы.

Литература

- [1] Глазкова против ДЭГ [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video228487284_456263562 (дата обращения: 13.04.2022).
- [2] Голосов Г. В том безобразии URL: <https://www.facebook.com/grigorii.golosov/posts/3919563231478828> (дата обращения: 13.04.2022).
- [3] Гришин Н.В. Развитие международных избирательных стандартов: что дальше? // Политическая наука. 2019. № 1. С. 33–47.

- [4] Гришин Н.В., Линдерс А.М.Р. Децентрализация системы управления выборами // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 3. С. 99-115.
- [5] Жижин П. Что же не так с ДЭГ в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/post/579350/> (дата обращения: 13.04.2022).
- [6] Миронов С. Должны быть понятные и публичные гарантии того, что электронное голосование не станет площадкой для махинаций [Электронный ресурс]. URL: <https://spravedlivo.ru/11011010> (дата обращения: 13.04.2022).
- [7] Отменить результаты электронного голосования! [Электронный ресурс] URL: <https://www.svoboda.org/a/sdelano-toporno-i-grubo-blogery-ob-itogah-elektronnogo-golosovaniya/31472820.html> (дата обращения: 13.04.2022).
- [8] Позиция Партии Роста по дистанционному электронному голосованию [Электронный ресурс]. URL: <https://rost.ru/presscenter/posts/pozitsiya-partii-rosta-po-distantsionnomu-elektronnemu-golosovaniyu/> (дата обращения: 14.04.2022).
- [9] Попова О.В. Электронная система голосования: практики, политические эффекты и риски // *Социальные изменения в глобальном мире. Материалы Четвертой Международной научной конференции*. 2017. С. 949-966.
- [10] Ромашенко С. Члены избиркомов требуют отмены результатов ДЭГ в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/chleny-izbirkomov-trebujut-otmeny-rezultatov-djeg-v-moskve/a-59288826> (дата обращения: 13.04.2022).
- [11] Шпилькин С. В относительном выражении объем фальсификаций стал рекордным [Электронный ресурс]. URL: <https://og.ru/ru/article/122268> (дата обращения: 13.04.2022).
- [12] Appel A. Internet Voting is Still Inherently Insecure [Электронный ресурс]. URL: <https://freedom-to-tinker.com/2021/04/27/internet-voting-is-still-inherently-insecure/> (дата обращения: 12.04.2022).
- [13] CISA. Risk Management for Electronic Ballot Delivery, Marking, and Return [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/f/?id=00000172-9406-dd0c-ab73-fe6e10070001> (дата обращения: 13.04.2022).
- [14] Gilens M. *Affluence and Influence: Economic Inequality and Political Power in America*. Princeton University Press, 2013.
- [15] Klüver H. The survival of interest groups: evidence from Germany // *West European Politics*. 2020. Vol. 43, № 7. P. 1436-1454.
- [16] Lijphart A. *Patterns of Democracy*. Yale University Press, 2012.
- [17] Martin R. Pluralism and the New Corporatism // *Political Studies*. 1983. Vol. 31, № 3. P. 461-462.
- [18] National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. *Securing the Vote: Protecting American Democracy*. Washington, DC: The National Academies Press, 2018.
- [19] Specter M., Halderman A. Security Analysis of the Democracy Live Online Voting System [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usenix.org/conference/usenixsecurity21/presentation/specter-security> (дата обращения: 12.04.2022)
- [20] Wiarda H. Corporatism versus Pluralism and Authoritarianism as Association Contexts / Wiarda H., Adams P., Wai-man L., Wilson D. // *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. London: Palgrave Macmillan, 2016.
- [21] Wilson F. French Interest Group Politics: Pluralist or Neocorporatist? // *The American Political Science Review*. 1983. Vol. 77, № 4. P. 895-910.

The Potential and Prospects of the Movement Against Internet Voting: An Assessment of the Russian Situation in the Context of World Experience

N. Grishin, O. Popova

Saint Petersburg State University

The article is aimed at studying the political movement for the restriction and prohibition of Internet voting at the national and international levels. Currently, more than 10 countries of the world use Internet voting, Russia has joined since 2019. The first ban on the use of this institution was introduced in the Netherlands in 2008. The movement to limit and ban the use of Internet technologies for voting procedures is expanding and going through several stages of institutionalization, including at the international level. The article systematizes the experience of public initiatives for the legislative ban on Internet voting in certain countries of the world (the Netherlands, Germany). Based on the application of the methodology for assessing the potential and prospects of public interest groups by F. Wilson, an interpretation of the prospects and potential of the movement against remote electronic voting as a public interest group in Russia is proposed. The specifics of the movement against Internet voting in Russia are revealed.

Keywords: internet voting, remote e-voting, e-voting, single issue group

Reference for citation: Grishin N., Popova O. The Potential and Prospects of the Movement Against Internet Voting: An Assessment of the Russian Situation in the Context of World Experience // The State and Citizens in the Electronic Environment. Vol. 6 (Proceedings of the XXV International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2022, St. Petersburg, June 23-25, 2022). – St. Petersburg: ITMO University, 2021. P. 00 – 00. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-00-00.

References

- [1] Glazkova protiv DEG [Elektronnyy resurs]. URL: https://vk.com/video228487284_456263562 (access date: 13.04.2022). (In Russian).
- [2] Golosov G. V tom bezobrazii URL: <https://www.facebook.com/grigorii.golosov/posts/3919563231478828> (access date:13.04.2022). (In Russian).
- [3] Grishin N.V. Razvitiye mezhdunarodnykh izbiratel'nykh standartov: chto dal'she?// Politicheskaya nauka. 2019. № 1. P. 33–47. (In Russian).
- [4] Grishin N.V., Linders A.M.R. Detsentralizatsiya sistemy upravleniya vyborami // Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki). 2020. № 3. P. 99-115. (In Russian).
- [5] Zhizhin P. Chto zhe ne tak s DEG v Moskve [Elektronnyy resurs]. URL: <https://habr.com/ru/post/579350/> (access date:13.04.2022) (In Russian).
- [6] Mironov S. Dolzhny byt' ponyatnyye i publichnyye garantii togo, chto elektronnoye golosovaniye ne stanet ploshchadkoy dlya makhinatsiy [Elektronnyy resurs]. URL: <https://spravedlivo.ru/11011010> (access date: 13.04.2022) (In Russian).
- [7] Otmenit' rezul'taty elektronnoy golosovaniya! [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.svoboda.org/a/sdelano-toporno-i-grubo-blogery-ob-itogah-elektronnoy-golosovaniya/31472820.html> (access date: 13.04.2022) (In Russian).
- [8] Pozitsiya Partii Rosta po distantsionnomu elektronnomu golosovaniyu [Elektronnyy resurs]. URL: <https://rost.ru/presscenter/posts/pozitsiya-partii-rosta-po-distantsionnomu-elektronnomu-golosovaniyu/> (access date: 14.04.2022) (In Russian).
- [9] Popova O.V. Elektronnaya sistema golosovaniya: praktiki, politicheskiye efekty i riski // Sotsial'nyye izmeneniya v global'nom mire. Materialy Chetvertoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 2017. P. 949-966. (In Russian).

- [10] Romashenko S. Chleny izbirkomov trebuyut otmeny rezul'tatov DEG v Moskve [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.dw.com/ru/chleny-izbirkomov-trebujut-otmeny-rezultatov-djeg-v-moskve/a-59288826> (access date: 13.04.2022) (In Russian).
- [11] Shpil'kin S. V otnositel'nom vyrazhenii ob"yem fal'sifikatsiy stal rekordnym [Elektronnyy resurs]. URL: <https://og.ru/ru/article/122268> (data obrashcheniya: 13.04.2022) (In Russian).
- [12] Appel A. Internet Voting is Still Inherently Insecure. URL: <https://freedom-tinker.com/2021/04/27/internet-voting-is-still-inherently-insecure/> (access date: 12.04.2022).
- [13] CISA. Risk Management for Electronic Ballot Delivery, Marking, and Return. URL: <https://www.politico.com/f/?id=00000172-9406-dd0c-ab73-fe6e10070001> (access date: 13.04.2022).
- [14] Gilens M. *Affluence and Influence: Economic Inequality and Political Power in America*. Princeton University Press, 2013.
- [15] Klüver H. The survival of interest groups: evidence from Germany // *West European Politics*. 2020. Vol. 43, № 7. P. 1436-1454.
- [16] Lijphart A. *Patterns of Democracy*. Yale University Press, 2012.
- [17] Martin R. Pluralism and the New Corporatism // *Political Studies*. 1983. Vol. 31, № 3. P. 461-462.
- [18] National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. *Securing the Vote: Protecting American Democracy*. Washington, DC: The National Academies Press, 2018.
- [19] Specter M., Halderman A. Security Analysis of the Democracy Live Online Voting System [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usenix.org/conference/usenixsecurity21/presentation/specter-security> (дата обращения: 12.04.2022).
- [20] Wiarda H. (2016). Corporatism versus Pluralism and Authoritarianism as Association Contexts/ Wiarda H., Adams P., Wai-man L., Wilson D. // *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. London: Palgrave Macmillan, 2016.
- [21] Wilson F. French Interest Group Politics: Pluralist or Neocorporatist? // *The American Political Science Review*. 1983. Vol. 77, № 4. P. 895-910.

Сетевые СМИ и политическое управление в современном Таджикистане

Д.М. Салимов

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

dilovar.salimov.1988@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется роль сетевых СМИ в политическом управлении в современном Таджикистане. Определяются коммуникационные факторы политического управления, выступающие механизмом адаптации политической системы к социальной среде и являющиеся принципиально важным условием осуществления современных управленческих процессов. Анализируется процесс формирования сетевых СМИ, сетевого сообщества и их влияние на ход политического управления в стране. Предлагается анализ ряда политически важных документов и процесс их легитимации как следствие публичного дискурса в сетевых СМИ. Проведенный анализ позволяет автору сделать вывод о том, что в стране наиболее динамично развивающимся видом коммуникации выступает именно сетевая политическая коммуникация, которая привела к изменению стиля политической журналистики и формированию принципиально новых форм влияния на субъекты политического управления. Данный фактор образуется одновременно с формированием идеологического объединения власти и сетевых СМИ, основанного на публичном обсуждении значимых для общества вопросов для нахождения путей их решений в целях стабилизации общественной и политической ситуации. При этом учитывается и то, что функционирование сетевых СМИ определяется законодательством страны, что, наряду с традиционными СМИ, увеличивает вероятность их попадания в сферу влияния системы цензуры и контроля.

Ключевые слова: политическое управление, государственная информационная политика, сетевые СМИ, интернет, онлайн-журналистика, политическая цензура, власть, общество, политический режим

Библиографическая ссылка: Салимов Д.М. Сетевые СМИ и политическое управление в современном Таджикистане // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 6 (Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2022, Санкт-Петербург, 23–25 июня 2022 г. Сборник научных статей). – СПб.: Университет ИТМО, 2022. С. 00 – 00. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-00-00.

1. Введение

Происходящие события в Таджикистане и их отражение в сетевых СМИ вызывают особый интерес, как у отечественных, так и у зарубежных исследователей. Данное обстоятельство объясняется с одной стороны, ростом интереса геополитических игроков к стране на фоне событий, происходящих в регионе, прежде всего в соседнем Афганистане, с другой - развитием транснациональных СМИ за рубежом, формирующих отрицательную картину нынешнего таджикского режима. В большинстве зарубежных исследований функционирование СМИ в контексте легитимации публичной политики является концептуальным основанием для определения особенностей политического режима,

его демократического или авторитарного характера [1,2]. Кроме того, можно говорить об исследованиях, посвященных анализу взаимоотношений власти и СМИ в контексте поддержания мира как легитимного порядка в постконфликтный период. Объединяющим фактором разнообразных подходов к исследуемому явлению является то, что усиление таджикской оппозиции на фоне роста влияния субъектов нового империализма в регионе, значительно способствовало формированию авторитарного правления и соответствующей ему медийной стратегии, значительно ограничивающей деятельность таджикских СМИ [3].

Взаимодействия СМИ и власти в Таджикистане также являются объектом изучения исследователей постсоветских государств. В большинстве случаев данные исследования ориентированы на определение позиционирования СМИ в условиях противостояния власти и оппозиции в постконфликтный период [4]. Особый интерес вызывает обсуждение положения таджикских СМИ в рамках регионально-научных конференций, посвященных свободе слова и СМИ в среднеазиатском регионе. Здесь функционирование СМИ рассматривается в контексте легитимации внешней политики таджикского государства, как в условиях региональных конфликтов, так и глобализации в целом [5].

В научной сфере современного Таджикистана можно наблюдать два подхода к анализу функционирования сетевых СМИ в политической жизни страны. Первый подход посвящён определению значимости онлайн-журналистики и сетевых СМИ. Здесь также рассматривается положение традиционных СМИ в условиях глобализации информационных технологий, их конкурентоспособности по отношению к сетевым СМИ. Отмечается, что сетевые СМИ значительно способствовали формированию новой формы онлайн-журналистики - «журналистики без границ» [6].

В рамках второго подхода сетевые СМИ, как новый признак нового империализма, приобретают как положительный, так и негативный характер. Положительным фактором считается облегчение доступа общества к информации, появление альтернативных источников как зарубежных, так и внутренних новостей. В то же время указываются негативные стороны данного явления: усиление воздействия глобальных сетевых СМИ на общественное мнение, навязчивое внедрение чужих ценностей в общество и уязвимость информационной безопасности страны [7; 8].

Целью данной работы является выявление особенностей применения технологий сетевых СМИ в политическом управлении современного Таджикистана. Следовательно, в статье исследуется теоретическое осмысление взаимодействий государства и сетевых СМИ, определяются коммуникационные факторы политического управления в стране, анализируется формирование сетевых СМИ и соответствующей им аудитории, и тем самым выявляется изменение ракурса сетевых СМИ в контексте легитимации действия таджикской власти под воздействием политического режима цензуры и контроля в стране. При этом главный акцент делается на особенности взаимодействия / партнерства общества и государства в контексте их объединения в целях публичного обсуждения значимых для них вопросов, с учетом включения в этот процесс сетевых СМИ.

Отправным концептуальным основанием данного исследования является научное представление о том, что в условиях современного Таджикистана наиболее динамично развивающимся видом коммуникации выступает сетевая политическая коммуникация, которая в определенной степени привела к изменению стиля политической журналистики и формированию принципиально новых форм влияния на субъекты политического управления. Этот процесс происходит одновременно с формированием концепции идеологического объединения власти и сетевых СМИ, основанной на публичном обсуждении значимых для общества вопросов для нахождения путей их решений в целях стабилизации общественной и политической ситуации в стране. При этом учитывается и то, что функционирование сетевых СМИ определяется законодательством страны, что, наряду с традиционными СМИ, увеличивает вероятность их попадания в сферу влияния системы цензуры и контроля.

Поставленные в рамках данной статьи цель и задачи определили выбор методов, использованных в ходе анализа исследуемого явления. Так, системный подход был использован для изучения особенностей влияния сетевых СМИ на процесс принятия политических решений и реализацию стратегии политического управления. Основное внимание при этом было направлено на анализ функциональности сетевых СМИ и их роль в трансформации механизмов политического управления в постконфликтном Таджикистане. В ходе исследования также был использован неинституциональный подход, позволивший представить политику как сферу отношений между традиционными институтами власти и неформальными виртуальными институтами - сетевыми сообществами. Это позволило выявить, прежде всего, те возможности неформальных институтов и практик онлайн-коммуникации, которые в определенной степени оказывают влияние на государственную власть и политическое управление в целом. Важным подходом в исследовании также стал сетевой подход, который позволил изучить природу и динамику политических сетей, выявить технологии взаимодействия и устойчивости моделей сетевого поведения. Последний, позволил определить политический потенциал сетевых сообществ, уровень развития их политической активности, в том числе, в ходе публичного обсуждения значимых для таджикского общества вопросов

2. Сетевые СМИ и политическое управление: партнёрство и взаимодействие

Одним из важных факторов, определяющих характеристики политического режима, являются методы и способы осуществления политического управления. Это объясняется тем, что параметры процесса политического управления существенным образом влияют на ключевые характеристики функционирования общества, его стабильность и успешность в целом. Обеспечивая адаптацию политической системы к социальной среде, политическое управление создает формат поведения субъектов политики, в том числе и с учетом включения в этот процесс медийных ресурсов. Потому и наряду с другими факторами, коммуникационная основа политического управления становится принципиально важным условием осуществления любых управленческих процессов.

Современная политическая реальность требует непрерывного контакта государства с обществом. Сетевые СМИ как раз являются тем пространством, где образуется этот контакт. По сути, они становятся зоной взаимодействия / партнёрства общества и государства, а это именно то, что лежит в основе политического управления демократических режимов. Здесь политическое управление, как указывает Дж. Куймен, выступает как «образец или структура, которая возникает в социально-политической системе как «общий» результат и итог взаимосвязанных усилий всех акторов, включенных в процесс управления. Этот образец не может быть сведен к одному актору или отдельной группе акторов, он включает в себя всех участников публичного пространства» [9].

Наличие подобного рода взаимодействия / партнёрства позволяет обществу более эффективно следить за действиями своих правительств, чем правительств за действиями общества. По мнению С.Л. Володенкова, основной моделью этого взаимодействия становится субъектно-субъектная модель общественно-политических отношений, предполагающая, что вопросы постановки цели попадают в компетенцию не только традиционных субъектов управления (органов государственной власти), но и структур гражданского общества. В итоге политическое управление становится процессом субъектно-субъектного информационно-коммуникационного взаимодействия участников управленческих отношений по поводу выработки общих целей и стратегий их достижения [10].

Суть взаимодействия / партнёрства подобного рода заключается в том, что общество должно быть «частью» управленческого процесса.

Подобное общество Н. Луман называет «обществом без центра» [11], где сформированное в СМИ общественное мнение становится определяющим и в Политическом управлении, и при разработке политического курса. На этой основе, Дж. Н. Розенау рассматривает политическое управление как «деятельность, опирающуюся на общие, совместные цели». В результате оно становится «более всеохватывающим феноменом», подразумевая участие в нем не только государственных структур, но и «неформальных и негосударственных механизмов управления, к которым можно отнести и СМИ [12].

Конфигурация отношений государства и общества также рассматривается в рамках концепции «доказательной политики», предполагающей обращение к населению на основе экспертных и научных рекомендаций при разработке целей, позволяющих людям не только судить об их правомерности, но и оспаривать и корректировать их содержание, в том числе и в медийном пространстве [13;14]. Данное обстоятельство позволяет СМИ стать своеобразным механизмом не только легитимации действий власти, но и «лицом» общества при публичном обсуждении значимых для него вопросов. Этим они выполняют две главные задачи: обеспечить контакт между обществом и государством и устранить социальную напряжённость. Таким образом, СМИ «делают возможной массовую демократию», а созданное ими пространства взаимодействия / партнерства становятся определяющим в контексте принятия политических решений. Тем самым, они станут «соединительной тканью демократии» и ключевым механизмом осуществления современного политического управления [15;16].

Эту идею развивает и Дж. Ролза, по мнению которого, современная демократия является той формой политического правления, при которой политический разум должен осуществляться на принципах предпочтений, выраженных делиберативным общественным мнением. Конечным результатом этого взаимодействия становится консенсус между государством и обществом при принятии политических решений и разработки политического курса в целом [17].

Таким образом, в современном мире сетевые СМИ становятся важным параметром политического управления и связывающим звеном интереса общества и государства, а это именно то, что отражает суть публичного пространства, где создаются, распространяются и оспариваются социальные и политические смыслы. Эффективность взаимодействия / партнёрства между государством и обществом значительным образом определяет демократичность или авторитарность политического режима. В этом контексте, согласно мнению профессора Л.В. Сморгунова, форма политического пространства, которая учитывает и сложившееся мнение общества, становится площадкой не столько соприкосновения государства и общества, сколько взаимодействия институализированных центров власти с (мало организованными) гражданскими структурами [18].

Следует подчеркнуть и то, что в условиях среднеазиатских стран сетевые СМИ являются не только связывающим звеном интересов государства и общества, но и зачастую механизмом легитимации действий власти и фактором стабильности политических режимов. Данное обстоятельство стало концептуальным основанием для рассмотрения сетевых СМИ в условиях среднеазиатских стран, в том числе и в Таджикистане, не как меняющегося фактора направления управленческого процесса, а как механизма легитимации действий власти и инструмента манипулирования общественным мнением.

3. Формирование сетевых СМИ и сетевого сообщества в современном Таджикистане

Сетевые СМИ в современной их форме в Таджикистане появились в первой половине 2010-х гг. Оперативное освещение происходящих событий и интенсивное проникновение в сферу глобальных социальных сетей превратили их в реальное пространство

формирования сетевого сообщества, оперативно реагировавшего на действия таджикской власти. Согласно результатам исследования центра социологических исследований «Зеркало» от 2018 г., Таджикистан занимает лидирующее место среди стран региона в контексте проникновения традиционных СМИ в сетевую среду. Сегодня 45% населения страны предпочитают получать информацию в социальных сетях. Наиболее популярными признаются YouTube, Facebook*, Instagram* и Одноклассники [19].

Современные таджикские СМИ характеризуются высокой степенью проникновения в сферу глобальных социальных сетей, что, безусловно, изменило и их позиционирование по отношению к действующему режиму. В ходе исследования были установлены основные тенденции выделения сетевых СМИ в следующие блоки.

1. Традиционные СМИ, присутствующие в интернете. Анализ функционирования таджикских СМИ в период гражданской войны и в первое десятилетие после подписания мирного договора между таджикским правительством и оппозицией, демонстрирует их статус в качестве «четвертой власти». Однако, вследствие усиления политического режима цензуры и контроля, с одной стороны, и развития интернета - с другой, значительно уменьшилась аудитория традиционных СМИ, что, безусловно, оказало влияние на их существование, в том числе и в экономическом плане. Большая часть традиционных СМИ оказалась не способной к конкуренции. Другая часть сохранила свой статус благодаря интенсивному проникновению в сетевую среду. По мнению М. Мукимова, в результате, сетевая среда оказалась альтернативным вариантом традиционных печатных изданий. Сегодня практически все крупные издания обладают собственной электронной версией в Интернете, что свидетельствует об их приспособлении к современным реалиям [8].

С переходом традиционных государственных СМИ в сетевую среду сохранилась их позиция по отношению к идеологии власти, точно также не изменилось и отношение к ним таджикского общества. Они по-прежнему являются инструментом пропаганды идеологии действующего режима. Использование социальных сетей государственными СМИ для расширения сферы своего влияния далеко неоднородно. Периодические государственные издания используют чаще всего Facebook. Это характерно для таких газет, как «Голос народа» (<http://sadoimardum.tj>), «Республика» (www.jumhuriyat.tj) и «Трибуна народа» (<http://www.hamsafon.tj>), освещающих исключительно материалы, посвященные деятельности власти. Для электронных государственных СМИ свойственно применения таких социальных сетей, как Facebook*, Instagram*, YouTube, Одноклассники и Вконтакте. Доминирующее место среди них занимают Facebook и видеохостинг YouTube. К ним можно отнести ТВ «Токистон» (<https://tv.tj>), ТВ «Сафина» (<https://safina.tj>), ТВ «Чохоннамо» (<https://jtv.tj/>), а также радио «Ховар» (<https://khovar.tj>), «Токистон» (<https://radiotoj.tj>) и «Голос таджика» (<http://vot.tj>).

Проникновение государственных СМИ в сетевую среду, помимо попытки увеличить количество своей аудитории, создает виртуальное пространство, где формируется искусственный контент политической реальности страны. По сути, государственные сетевые СМИ выполняют ту же функцию, что и традиционные СМИ, однако распространяемый ими пропагандистский контент доступен широкой аудитории, говорящей на разных языках мира. Исходя из этого, можно считать, что их наличие в сетевой среде не вызывает негативных оценок со стороны существующих в настоящее время политического режима цензуры и контроля. Напротив, расширяя сферу своего влияния в стране и за ее пределами, они выступают в качестве укрепления политической позиции таджикского руководства как внутри страны, так и в контексте проводимой им внешней политики.

---

*Минюст России внес американскую корпорацию Meta (является головной компанией Facebook и Instagram, которые также запрещены в России) в реестр экстремистских организаций.

Независимые традиционные СМИ стали флагманом всестороннего освещения событий. Тиражи многих из них на начальном этапе развития страны были примерно равны (а некоторые превосходили) тиражам государственных изданий. С появлением интернета они стали испытывать финансовый кризис, резко обрушивший газетный рынок. Как утверждает таджикский медиамагнат и директор Центра журналистских расследований Таджикистана Х. Атовулло, «в отличие от проправительственных СМИ в условиях развития интернета, независимые СМИ испытывают финансовые трудности. Разработчики государственной идеологии предоставляют всяческую финансовую поддержку государственным СМИ, при этом, в определённой степени, препятствуют открытой конкуренции между СМИ в медийном пространстве, а это именно то, что приведет к их экономическому кризису. В этом контексте не исключен и тот факт, что в ближайшее время традиционные независимые СМИ будут доступны только в сетевой среде» [20].

Проникновение традиционных независимых СМИ в сетевую среду значительно повысило их статус как на региональном, так и международном уровне. Работа традиционных независимых СМИ в сетевой среде в определённой степени затруднялась функционированием политического режима цензуры и контроля. Правда, политический режим цензуры и контроля имеет возможность ставить препятствия самого разного характера: отказ типографии печатать газеты, блокировка интернет-сайтов и т.п. Однако наличие доступа к социальным сетям позволяет им не всегда находиться в зоне влияния политического режима цензуры и контроля. Примером служит блокировка сайта газеты «Азия плюс» (www.news.tj) в ноябре 2018 г., когда доступ к сайту был возможен только через VPN. Несмотря на это, до выхода нового сайта, газета еженедельно распространяла свежие материалы в таких социальных сетях как Facebook*, Instagram*, YouTube и Telegram [21].

Следует подчеркнуть, что в отличие от государственных СМИ, независимые СМИ, присутствующие в интернете, еженедельно размещают свежие материалы информационного и аналитического характера. Так, интернет-сайт газеты «Азия-плюс» (<https://asiaplustj.info/ru>), «Свободные» (<https://www.ozodagon.com>) и «Взгляд» (<https://tojnews.org>), помимо распространения материалов, выходящих в традиционной форме, ежедневно распространяют информацию о происходящих событиях в стране и мире на таджикском, русском, английском и персидском языках. Они также активно используют социальные сети, а это именно то, что делает их информацию практически неконтролируемой.

Анализ существующего контента дает возможность говорить о наличии таких газет, как «Фараж» (<https://faraj.tj>) и «СССР» (<http://cccp.tj/tj/>) в сетевой среде, при этом следует указать, что их аудитория, в отличие от газеты «Азия-плюс» (<https://asiaplustj.info/ru>), незначительна. Сегодня «Азия-плюс» занимает лидирующее место по популярности в сетевой среде. Высокую оценку в постконфликтный период заслуживают и независимые газеты «Взгляд» (<https://tojnews.org>), и «Свободные» (<https://www.ozodagon.com>), которые впоследствии перестали функционировать по причине противостояния действующему режиму. Наличие независимых телевизионных программ в сетевой среде не всегда можно называть значимым в контексте их влияния на ход политического управления. Так, например официальный YouTube канал единственного общереспубликанского независимого телевидения «СМТ» (<https://cmt.tj>) состоит лишь из нескольких видеороликов, представленных в виде информационного и развлекательного материала. Аналогичную позицию СМТ занимает и в других социальных сетях. Наиболее авторитетными электронными СМИ в контексте их распространения в социальных сетях являются радио «Азия-плюс» (<http://asiaplusradio.tj/>), «Родина» (<http://vatan.tj>) и

---

*Минюст России внес американскую корпорацию Meta (является головной компанией Facebook и Instagram, которые также запрещены в России) в реестр экстремистских организаций.

«Согласный» (<http://www.hamsado.tj/>), выходящие на русском и таджикском языках. К ним можно отнести независимое радио «Сегодня» (orionomedia.tj), которое на сегодняшний день не имеет своего официального сайта в интернете, но, в то же время, его аккаунты функционируют в таких социальных сетях, как Facebook и YouTube.

Оценивая роль независимых СМИ, присутствующих в интернете, следует признать, что с переходом в сетевую среду их влияния усиливается: под их влиянием начали формироваться новые модели общественного устройства, которых ранее не существовало в публичном политическом пространстве.

2. *СМИ, выходящие непосредственно в интернете.* Данная группа СМИ, включает информационные агентства и информационно-аналитические порталы, расширяющие сферу своего влияния в социальных сетях. Исследование информационного пространства позволяет вести речь лишь об одном государственном информационном агентстве НАИТ «Ховар» (https://khovar.tj), доступном только в интернете. Аккаунты НАИТ «Ховар» в социальных сетях выступают источником официальной информации для всех остальных СМИ.

Независимые информационные агентства, входящие в сетевую среду, выпускают критические материалы в отношении действующего режима. Ранее подобная информация исходила от информационных агентств «Свободные» (<https://www.ozodagon.com>) и «Тојnews» (<https://tojnews.org>), которые впоследствии перестали функционировать. На сегодняшний день подобное позиционирование поддерживают информационные агентства «SugdNEWS» (<https://sugdnews.com>) и «Pamir Daily News» (<https://pamirdaily.com>).

В Таджикистане информационно-аналитические порталы появились одновременно с развитием мультимедийной журналистики. К ним можно отнести «Rushnoi» (<http://rushnoi.org>), «Your» (<https://your.tj>), «Точка зрения» (<https://nuqta.tj>), «Factcheck» (<https://factcheck.tj>) и «Молодежь - будущее нации» (<https://jom.tj>). Представленные выше интернет-порталы, выходящие на таджикском, русском и английском языках, являются исключительно информационными, функционирующими в соответствии с законодательством в области СМИ. Следует также подчеркнуть, что в силу отсутствия альтернативного варианта распространения информации в случае их блокировки или закрытия доступа к интернету, они могут оказаться вне зоны коммуникационного пространства.

3. *Глобальные сетевые СМИ,* которые регулярно обновляют информационные сообщения, позиционирующие себя в качестве СМИ. Они доступны любому желающему вне зависимости от времени и пространства, за исключением случаев ограничения доступа к ним со стороны владельцев ресурса. Их оперативная реакция на происходящие события способствует формированию сетевого сообщества, прежде всего, с учетом максимально широкого включения различных групп акторов в процесс обсуждения, принятия и имплементации решений [22], хотя данный фактор не всегда является определяющим в стране.

Анализ развития глобальных сетевых СМИ и наличие соответствующей им аудитории демонстрирует, что наиболее статусные из них: Facebook*, YouTube, Twitter, Instagram* и Одноклассники. Сегодня в стране влиятельными глобальными сетями признаны Facebook*, Twitter и YouTube: 97,5% журналистов в стране используют Facebook*, 45% - YouTube, 32,5% - Twitter, 25% - Instagram*[19].

Таким образом, с появлением сетевых СМИ в медийном пространстве страны, изменились и традиционная форма взаимодействия власти и общества. Сетевые СМИ характеризуются неконтролируемостью с позиции формирования сетевых сообществ, состоящих из представителей различных слоев общества, обладают значительным

---

*Минюст России внес американскую корпорацию Meta (является головной компанией Facebook и Instagram, которые также запрещены в России) в реестр экстремистских организаций.

потенциалом и предоставляют широкие возможности для манипулирования общественным сознанием, оказывая влияние на процесс политического управления. Хотя некоторые исследователи, подчёркивая отрицательную сторону данного влияния, указывая на формирование общественного мнения на основе ложной информации, в том числе и под воздействием глобальных сетевых СМИ [18].

Следует также учитывать, что, вместе с развитием сетевых СМИ, разрабатываются и новые механизмы управления информационно-коммуникационной деятельностью. Национальные правительства, пытаясь поднять уровень цифровой управляемости, используют формулу «суверенного интернета» или «цифрового суверенитета», которая дает им возможность контролировать информационные потоки на своей территории [23]. Таджикистан в этом контексте не является исключением. Стоит признать и то, что разработанная таджикской властью стратегия в определенной степени гарантирует возможность «влиять на контент, трафик и присутствие в сети Интернет различных сайтов с помощью регулирования сетевой техно-организации, контроля и допуска» [24]. По сути, это попытка создать формат взаимодействия участников управленческих отношений по поводу выработки политического курса страны. Результат этого взаимодействия во многом зависит от поставленных перед собой целей участниками политического управления.

4. Идеологическое взаимодействие / партнёрство сетевых СМИ и государства в Таджикистане

Идеологическое взаимодействие сетевых СМИ и государства в Таджикистане можно считать одним из определяющих факторов в контексте принятия политически важных решений. Процесс легитимации действия власти и необходимость сохранения общественного легитимного порядка превращает их в неизменный механизм реализации государственной политики. Это проявляется в их взаимодействии / партнерстве в контексте решения существующих вопросов с учетом их публичного обсуждения. Таким образом, под идеологическим взаимодействием государства и сетевых СМИ следует понимать их идеологическое объединение, основанное на публичном дискурсе определенно значимых для общества вопросов в целях достижения или принятия решений, ориентированных на стабилизацию общественно-политической жизни и сохранение их целостности. При этом, публичное обсуждение существующих вопросов в сетевых СМИ должно быть основанием для принятия решения, а не фактором «прислушивания» к мнению публики.

В условиях современного Таджикистана, можно наблюдать случаи, когда публичное обсуждение общественно-политических вопросов, становилось основанием принятия политически важных решений. Для утверждения вышеупомянутой гипотезы, рассмотрим процесс обсуждения, принятия и внесения изменений в два важных закона в достаточно длительный период: Закон РТ «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» [25] и Закон РТ «О воинской обязанности и военной службе» [26].

Принятие закона РТ «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» в 2007 г. можно считать одним из первых законов, принятых с участием гражданского общества и СМИ в целом. Основными субъектами публичного дискурса выступали представители гражданского общества и журналистского сообщества, чья позиция ярко отражалась в сетевых СМИ. Целью данного Закона является защита социальных интересов народа Таджикистана, содействие снижению уровня бедности и предотвращение излишних расходов, наносящих серьёзный ущерб экономическим интересам и моральным устоям жизни граждан (ст.1).

Публичный дискурс относительно данного закона в СМИ приобретает разный оттенок, что является концептуальным основанием для их разделения на следующие группы:

1. *Государственные СМИ, присутствующие в интернете* («Республика», «Трибуна народа»), которые оказались важным пространством публичного обсуждения вопроса о разработке механизма упорядочения традиций, торжеств и обрядов в стране. Помимо государственных служащих, участниками дискурса также оказались представители гражданского общества и таджикской интеллигенции. Главная цель этого дискурса - принять соответствующий закон в целях снижения уровня бедности и предотвращения излишних расходов. Их позиционирование можно было наблюдать и в электронных СМИ, имеющих свои интернет-сайты. Яркий пример этому проведённый «ТВ Токистон» опрос среди населения под названием «Свободный микрофон», где большинство из участников единогласно поддержали решение о принятии Закона «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан». Данная стратегия также характерна для государственных радио «Голос Душанбе» и радио «Токистон» и т.д.

Сегодня как в медийной, так и в научной сфере Таджикистана доминирует мнение о том, что инициатором принятия данного закона является именно таджикское общество - один из главных субъектов политического дискурса в медийном пространстве. Так, в 2016 г., интернет-сайт газеты «Трибуна народа», органа печати Народно-демократической партии Таджикистана, правящей партии, опубликовал интервью с первым заместителем председателя этой партии С. Самадом, назвавшим обсуждение проекта данного закона в СМИ и его принятие в последствие парламентом страны результатом «идейной и умственной революции в таджикском обществе» [12].

2. *Независимые СМИ, присутствующие в интернете*. Вопрос о принятии данного закона также обсуждался в независимых сетевых СМИ («Азия-плюс» и ИА «Avesta»). В отличие от государственных СМИ, наряду с «полезностью» данного решения, они также рассматривали и вероятность ухудшения отношений власти и оппозиции в лице исламистов, чьи СМИ также критически отнеслись к данному решению. Так, в мае 2007 г., ИА «Avesta» опубликовало статью под названием «Традиционный порядок», где указывается позиционирование представителей власти и оппозиции относительно принятия данного закона. Согласно первой позиции, данное решение было предложено гражданским обществом, и сам закон не включает в себя элементы запрета или устранения народных традиций и религиозных обрядов. Напротив, он ориентирован на установление правила проведения обрядов и избавление населения страны от показухи, фанатизма и суеверия. В то же время, предлагается позиция представителей оппозиции, утверждавших, что проект закона содержит элементы, ограничивающие свободу прав и веры таджикских граждан [27]. Подобный подход дискурсу, основанный на принципах отобранных мнений, отсутствует в государственных сетевых СМИ.

Другая особенность независимых сетевых СМИ в контексте обсуждения данного закона заключается в том, что они не только оказались идейным пространством для обсуждения проекта данного закона, но и выступали механизмом его легитимации. Так, накануне принятия данного закона, интернет-сайт «Азия-плюс» опубликовал ряд публикаций [28; 29], где представители различных слоев общества признают значимость данного закона и решения власти.

3. *Глобальные сетевые зарубежные СМИ*. Противоположное позиционирование относительно принятия данного закона наблюдается в зарубежных сетевых СМИ. Их критика охватывает действие власти в процессе внесения изменений и дополнений в данный закон. Их позиционирование сводится к тому, что данный закон содержит элементы, ограничивающие свободу религии и традиции таджикского общества в целом. Такие зарубежные глобальные СМИ как «Радио Свобода», «Би-Би-Си» и «К-плюс» периодически распространяли материалы, указывающие на случаи нарушения данного закона со стороны представителей власти. Примером этому служит распространенные видеоматериалы телеканалом «К-плюс» о свадьбе старшего сына президента страны, впоследствии чего деятельность телеканала была приостановлена на территории

республики. Аналогичное позиционирование можно наблюдать на «Радио Свобода» и «Би-Би-Си» [30, 31, 32]. Опубликованные ими материалы аналогичным образом ориентированы на демонстрацию нарушений данного закона со стороны представителей таджикской власти, и, ограничение на этом фоне свободы веры в стране. Так, в одном из видеоматериалов под названием «Строгие свадебные правила правительства Таджикистана» [33] радио «Би-Би-Си» указывает свадебную церемонию в стране, участники которой выражают свое недовольство относительно данного закона. При этом в материале отсутствуют мнения отечественных экспертов относительно данного вопроса.

В подобных СМИ также наблюдается тенденция усиления достоверности предлагаемых фактов, с учетом проведения результатов международных организаций, указывающих на ограничение свободы религии и прав человека в стране. В частности, в мае 2019 г., «Радио Свобода», опубликовало отчет USCIRF, где утверждается ужесточение данного закона, и, ограничение на этом фоне свободы выбора и веры в стране [34]. Материалы подобного характера зачастую оказывались объектом публичного обсуждения в социальных сетях, принадлежащих зарубежным СМИ.

Вторым, и немаловажным объектом публичного обсуждения в сетевых СМИ, можно считать Закон РТ «О воинской обязанности и военной службе», который был принят в январе 2021 года. Закон предлагает альтернативный вариант военной службы, согласно которому призывники могут служить лишь один месяц вместо двух лет в обмен на выплату государству определенной суммы. В отличие от первого случая, здесь публичное обсуждение закона в сетевых СМИ с участием общества не оказалось непосредственным фактором принятия данного решения, а источником идей для его реализации.

Как и в первом случае, публичный дискурс относительно данного закона в сетевых СМИ приобретает разный оттенок.

1. Государственные СМИ, присутствующие в интернете. Как и в других среднеазиатских государствах, политическая реальность Таджикистана в ряде случаев демонстрирует отсутствие консенсуса между властью и обществом по некоторым общественно-политическим вопросам. Одним из них является вопрос о призыве на военную службу путем «облавы». Следовательно, в государственных сетевых СМИ отсутствуют факторы, отражающие позицию гражданского общества относительно данного вопроса. Потому в контексте публичного обсуждения проекта закона, роль государственных сетевых СМИ оказалась незначительной. Их активизация наблюдалась лишь накануне принятия данного закона, что можно интерпретировать как стремление легитимации действия власти [35]. Это также отражается в публикации многочисленных материалов, убедивших общество в правильности данного решения. Авторами подобных материалов являются в основном представители действующей власти и сотрудники военных комиссариатов. Так, в феврале 2022 г. на интернет-сайте государственной газеты «Республика» было опубликовано интервью с министром обороны страны, генерал-полковником Ш. Мирзо, который интерпретировал принятие данного закона как «ответ власти на требование гражданского общества» [36]. Аналогичное позиционирование можно было наблюдать в электронных государственных сетевых СМИ, присутствующих в интернете.

2. Независимые СМИ, присутствующие в интернете. Последние годы вопрос о военной службе и положении военнослужащих является постоянным объектом публичного обсуждения в независимых сетевых СМИ, с учетом включения в этот дискурс гражданского общества. В большинстве случаев их позиционирование приобретает критический характер. Многочисленные примеры, свидетельствующие о насилии над военнослужащими, зачастую служат обвинению сетевых независимых СМИ в пропаганде противоположной для власти идеологии. Предлагаемые ими факты, зачастую противоречат информации, распространенной государственными сетевыми СМИ. Примером служит обилие материалов, касающихся истории жизни Ш. Мирзоева,

военнослужащего одной из воинских частей погранвойск ГКНБ, который был покалечен в армии в 2014 г., вследствие чего умер в феврале 2021 г. [37; 38].

Их критическое позиционирование считается фактором, побуждающим власти к принятию закона о военной службе. Данное обстоятельство следует воспринимать как «взаимодействие двух властей: власти СМИ и власти правящей элиты на дистанции», когда публичный дискурс становится «источником идеи». Определяющим фактором также стал ряд случаев, когда СМИ выразили позицию представителей общества по данному вопросу. Так, например, в феврале 2021 г., на интернет-сайте газеты «Фараж» было опубликовано интервью с полковником Минобороны в отставке Х. Хайдаровым, предлагающим ввести систему платной службы в стране [39]. Однако количество подобных материалов незначительно по сравнению с материалами, критического характера.

Среди анализируемых СМИ, наиболее активными из них оказались интернет-сайт газеты «Азия-плюс» и «Фараж», которые только в период с января 2018 г., до апреля 2022 г., опубликовали более 100 материалов, посвященных данному вопросу. Здесь можно упомянуть о таких статусных материалах как «Мать: взяли моего сына-инвалида в армию путем «облавы», «Облава: единственный сын и сирота в армию» и «Вирус «облавы» [40; 12; 41], а также «Сказали, что солдат пустил себе две пули... в подбородок. Как это можно сделать - не объяснили», «Удар приклада пришёлся в шею. Хлынула кровь. Потом сказали, что солдат умер от астмы...» [42; 43]. Подобные материалы содержат элементы, призывающие власть к определённой деятельности, учитывая мнения таджикского общества, а это именно то, что стало определяющим в контексте принятия данного закона.

3. *Глобальные сетевые СМИ.* Одним из важных пространств публичного обсуждения Закона РТ «О воинской обязанности и военной службе» являются глобальные сетевые СМИ. Для них характерно в основном критическое позиционирование по отношению к данному документу. Это во многом объясняется их неконтролируемостью и принадлежностью различным группам людей, неодинаково относящихся к действующему политическому режиму. Среди них наиболее статусным является Instagram*, Facebook* и Youtube. Их можно разделить на две группы:

Первая группа, принадлежащая отечественным журналистам и представителям гражданского общества. Самый статусный среди них является Facebook* страницей «Информация для размышления» (организатор - журналист Р. Мирзо) и «Национальные желания» (организатор С.М. Исмаатов - директор академии СМИ Таджикистана), где ежедневно распространяются материалы, касающиеся положения военнослужащих в стране. Предоставляя широкому кругу общества принимать участие в публичном дискурсе, они становятся источником «идеи» для действия власти. Яркий пример этому публичное обсуждение Ш. Мирзоева, который был покалечен в армии, вследствие чего ему была оказана помощь со стороны руководства Минобороны страны.

Вторая группа принадлежит зарубежными СМИ, каковым в стране является «Радио Свобода», распространяющее свои материалы во многих социальных сетях. Их позиционирование в социальных сетях по отношению к данному закону противоречит позиции действующей власти. В частности, в одной публикации, распространённой также в социальных сетях под названием «Отныне в Таджикистане военный билет можно получить на платной основе», принятие данного закона интерпретируется экспертами как фактор, способствующий коррупции в стране [44].

Можно констатировать, что публичный дискурс в сетевых СМИ, оказал существенное влияние на процесс принятия вышеупомянутых законов. Принятие Закона РТ «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов» следует воспринимать как реакцию власти на требование гражданского общества, публично обсуждающего данный вопрос в СМИ.

---

*Минюст России внес американскую корпорацию Meta (является головной компанией Facebook и Instagram, которые также запрещены в России) в реестр экстремистских организаций.

Этот процесс демонстрирует открытое партнёрство власти с обществом, определяющим элементом которого является публичный дискурс, а это именно то, что превратило сетевые СМИ в непосредственного участника политического управления. Во втором случае, публичное обсуждение вопросов в СМИ, касающихся положения военнослужащих в стране, значительно способствовало принятию Закона РТ «О воинской обязанности и военной службе». Анализ показывает идеологическое взаимодействие сетевых СМИ с государством в контексте их совместного участия в политическом управлении. Сетевые СМИ выступают механизмом, зарождающим идеи, подталкивающие власть к определенному действию.

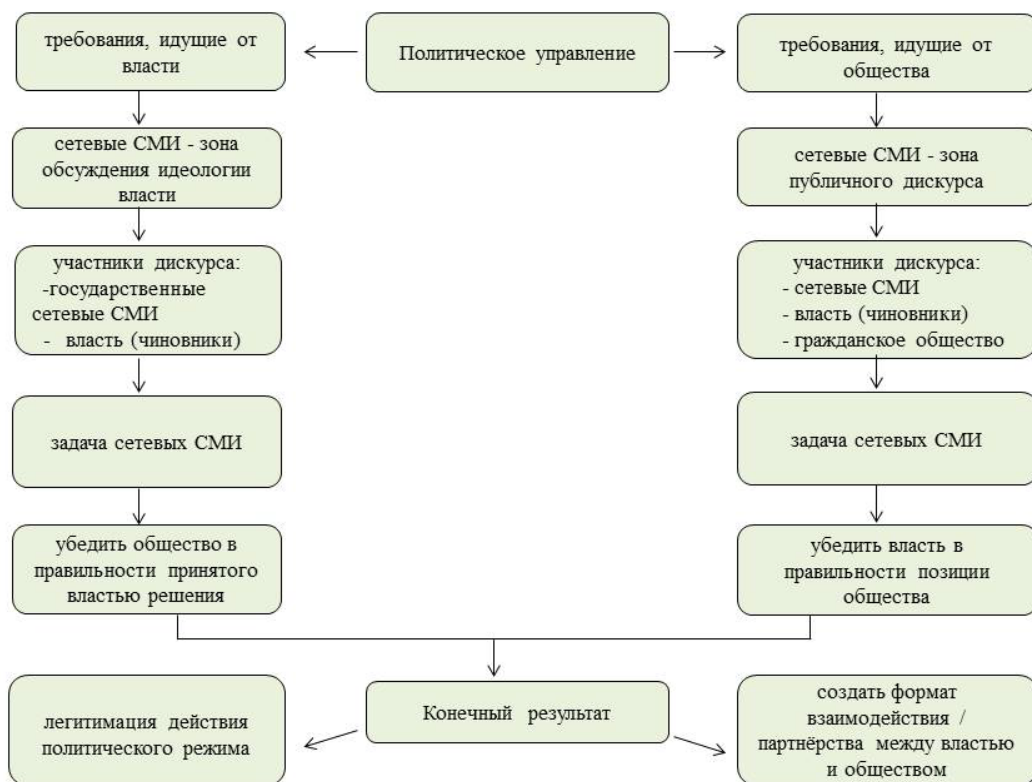

Рис. Сетевые СМИ в политическом управлении Таджикистана

В целом, проведенный анализ ярко демонстрирует, что сетевые СМИ являются своеобразным механизмом в контексте принятия политических решений, прежде всего, с учетом создания пространства для публичного дискурса значимых вопросов как для таджикского общества, так и для самой власти. Как видно на рисунке, в обоих случаях сетевые СМИ создают пространство для публичного оспаривания требований и власти, и общества, хотя результаты этих дискурсов могут сильно отличаться.

В первом, случае, следует говорить об открытом партнёрстве власти и общества, с учетом включения в этот процесс журналистского сообщества и сетевых СМИ в целом. Здесь особенность сетевых СМИ заключается в том, что они одновременно выступают механизмом, зарождающим идеи, подталкивающие власть к определенным действиям. Во втором случае, при оценивании сетевых СМИ следует учитывать наличие политического режима цензуры и контроля над ними. Динамика процесса принятия политических решений (включая и принятия законов) в схеме ярко демонстрирует данную гипотезу.

5. Заключение

Государственное управление в условиях среднеазиатских стран становится более непредсказуемым, прежде всего, с учетом возрастающего на них влияния сетевых СМИ, характеризующихся неконтролируемостью. Примеры происходящих событий в регионе, демонстрируют, что сетевые СМИ могут оказаться не только инструментом легитимации действий политических режимов, но и фактором их дестабилизации.

В условиях современного Таджикистана наиболее динамично развивающимся видом коммуникации выступает сетевая политическая коммуникация, которая в определенной степени привела к изменению стиля политической журналистики и формированию принципиально новых форм влияния на субъекты политического процесса. Однако следует также учитывать и то, что функционирование сетевых СМИ определяется законодательством страны, что наряду с традиционными СМИ увеличивает вероятность их попадания в сферу влияния политического режима цензуры и контроля. Это касается и традиционных СМИ, присутствующих в сетевой среде, и СМИ, непосредственно функционирующих в этом пространстве.

Переход традиционных государственных СМИ в сетевую среду не изменил их политических приоритетов. Они по-прежнему ориентированы на создание виртуального сетевого пространства, где формируется искусственный контент политической реальности страны. В то же время традиционные независимые СМИ, расширяя сферу своего влияния, в определенной степени способствовали формированию новой модели взаимоотношений между пользователями этого контента. Аналогичный вывод можно сделать по отношению к СМИ, выходящим только в пространстве интернета. Наличие в медиапространстве глобальных сетевых СМИ в определенной степени осложняет задачу системы цензуры в стране, прежде всего с учетом формирования сетевого сообщества, настроенного против действующего режима.

Приведенный анализ также демонстрирует в ряде случаев наличие взаимодействия / партнерства сетевых СМИ и таджикского государства, определяющим фактором которого является публичный дискурс политически важных вопросов. Примером служит принятие анализируемых выше законов, касающихся социально-политической жизни общества. На этой основе была выдвинута гипотеза о том, что публичный дискурс политически важных вопросов в сетевых СМИ становится не только фактором «прислушивания» к мнению публики, но и основанием для принятия решений со стороны власти.

Процесс легитимации действий власти и необходимость сохранения общественного легитимного порядка превращает сетевые СМИ в неизменный механизм реализации публичной политики. Это проявляется в их взаимодействии / партнерстве в контексте решения существующих вопросов с учетом их публичного обсуждения. Исходя из этого, был сделан вывод о том, что «идеологическое взаимодействие» сетевых СМИ и государства следует воспринимать как идеологическое объединение, основанное на публичном дискурсе определенно значимых для общества вопросов в целях нахождения пути их решений, ориентированных на стабилизацию общественно-политической жизни и сохранение их целостности.

Литература

- [1] Cengiz G. Post- Soviet Politicized Media and Free Press within the Context of Central Asian Countries // *International Journal of Social Science and Humanity*. 2016. № 6. P. 909-912. URL: <https://doi.org/10.18178/ijssh.2016.v6.771>.
- [2] Osman W. Between the White House and the Kremlin: a comparative analysis of afghan and tajik media // *International journal of communication*. 2019. № 13. P. 619-641.
- [3] Driscoll, J. Commitment Problems or Bidding Wars? Rebel Fragmentation as PeaceBuilding // *Journal of Conflict Resolution*. 2012. No. 1. P. 118-149.

- [4] Рихтер А.Г. Свобода массовой информации в постсоветском пространстве. М. : «ВК», 2007. 365 с.
- [5] Навстречу свободной прессе Центральной Азии: 20 лет спустя: материалы XIX центральноазиатской конф. по СМИ / под ред. С. Карпова. Алматы, 2013. 349 с.
- [6] Абдужалилов Ф.Н. Интернет-журналистика в Таджикистане: развитие, проблемы и перспектива: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Душанбе. 2020. 174 с.
- [7] Муким Дж. Политика и информационная война. Душанбе: Деваштич, 2006. 69 с.
- [8] Мукимов М. Печатные СМИ Таджикистана в эпоху цифровых устройств. URL: <https://jovidmuqim.wordpress.com/2016/10/30/печатные-сми-таджикистана-в-эпоху-циф/> (дата обращения: 04.04.2022).
- [9] Kooiman J. Findings, Speculations and recommendations // *Modern Governance*, London Sage, 1993. № 3. P. 249-262.
- [10] Володенков С. Л. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: дис. ... д-ра. пол. наук: 23.00.02. - М., 2015. 441 с.
- [11] Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос. 2006. 320 с.
- [12] Идейная и умственная революция / Трибуна народа. URL: <http://hamsafon.tj/4180-in1178ilobi-manaviyu-far1202ang1250.html> (дата обращения: 23.03.2022).
- [13] Соловьев А.И. «Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. № 5. С 61-80. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47173606> (дата обращения: 26.03.2022).
- [14] Rungsisawat S., Chankoson T. Engagement with online media // *Journal of Security and Sustainability Issues*. 2020. № 9 (4), P. 1379-1391. URL: [http://doi.org/10.9770/jssi.2020.9.4\(22\)](http://doi.org/10.9770/jssi.2020.9.4(22))
- [15] Dumitrescu D., Mugha A. Mass Media and Democratic Politics // Leicht, K.T., Jenkins, J.C. (eds) *Handbook of Politics. Handbooks of Sociology and Social Research.*, N.Y.: Springer, 2010. P. 477-491
- [16] Reyaz M. Cyberspace in the Post-Soviet States: Assessing the Role of New Media in Central Asia // *Journal of International Relations*. 2019. № 1. P. 7-27. URL: <https://doi.org/10.1177/0973598419875266>.
- [17] Green J., Kingzette J., Neblo M. Deliberative Democracy and Political Decision Making // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Vol. Word Politics. UK: Oxford University Press. 2016. P. 3-16. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Deliberative-Democracy-and-Political-Decision-Green-Kingzette/86a831aabc7105be43ac64fc3ab72d435ed26c41> (дата обращения: 16.02.2022).
- [18] Мукимов М. Фейковая информация в СМИ и формирование общественного мнения // *Журналистское образование в Таджикистане: состояние, проблемы и перспективы (Труды республиканской научно-практической конференции, 18 марта 2022 г.)* Душанбе: ТНУ, 2022. С. 117-125.
- [19] Медиапредпочтения населения Республики Таджикистан: ТВ, радио, печатные издания, сайты, социальные сети и мессенджеры // *ОО «Медиа консалтинг» и Центр социологических исследований «Зеркало»*. URL: https://www.zerkalo.tj/uploads/files/2020/MediaPreff-2019_Final_RUS.pdf (дата обращения: 29.09.2021).
- [20] Наступает ли конец эпохи газеты? Вчера, сегодня и завтра таджикской прессы глазами таджикских журналистов // *Молодёжи Таджикистана*. URL: https://pressa.tj/literature_tj/gazeta-az-bajn-meravaddirȳz-imrȳz-va-fardoi-matbuoti-točik-az-nigoҳi-zhurnaliston/ (дата обращения: 05.04.2021).
- [21] Блокировка, теперь выселение.... А мы не сдаемся и продолжаем // *Asia-plus*. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20201129/blokirovka-teper-viselenieami-ne-sdaemsya-i-prodolzhaem> (дата обращения: 05.04.2021).
- [22] Курочкин А.В. Государственное управление и инновационная политика в условиях сетевого общества: дис. ... д-ра. пол. наук: 23.00.02 / А.В. Курочкин. СПб., 2014. 295 с.

- [23] Сморгунов Л.В. Институты публичного управления интернетом: сравнительный анализ России, Беларуси и Казахстана // Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 24-39. URL: <https://www.acjournal.ru/jour/article/view/1588> (дата обращения: 24.03.2022).
- [24] Сморгунов Л.В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 3. С. 62-75. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41139471> (дата обращения: 26.03.2022).
- [25] Закон РТ «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» от 8.06.2007 № 272 (ред. от 25.06.2021 № 1792) // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://mmk.tj/content/конуни-чумхурии-точикистон-дарбораи-танзими-анъана-ва-чашну-маросим-%C2%A0дар-чумхурии> (дата обращения: 27. 03. 2022).
- [26] Закона РТ «О воинской обязанности и военной службе» от 29 .01. 2021 № 1753 // Online-zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33099542&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 10. 04. 2022).
- [27] Традиционный порядок // ИА Авеста. URL: <https://avesta.tj/2007/05/31/traditionnyj-poryadok/> (дата обращения: 28.03.2022).
- [28] Парламент Таджикистана принял закон «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов» // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20070530/parlament-tadzhikistana-prinyal-zakon-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestv-i-obryadov> (дата обращения: 30.03.2022).
- [29] Глава государства подписал правовые акты, регулирующие обряды // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20070609/glava-gosudarstva-podpisal-pravovye-akty-reguliruyushchie-obryady> (дата обращения: 30.03.2022).
- [30] Закон об упорядочении традиций и обрядов: за и против // Радио Свобода. URL: <https://rus.ozodi.org/a/30989431.html> (дата обращения: 30.03.2022).
- [31] Свадьба всего за ... \$670. Кто поверит? // Радио Свобода. URL: <https://rus.ozodi.org/a/25414576.html> (дата обращения: 01.04.2022).
- [32] Борьба с расточительством: власти изъяли свадебные угощения // Радио Свобода. URL: <https://rus.ozodi.org/a/28748294.html> (дата обращения: 02.04.2022).
- [33] Tajikistan government's strict wedding rules // BBC. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/av/world-asia-pacific-13088692> (дата обращения: 30.03.2022).
- [34] Ежегодный отчет Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) по Таджикистану за 2019 г. // Радио Свобода. URL: <https://rus.ozodi.org/a/29942214.html> (дата обращения: 02.04.2022).
- [35] Военная служба. От патриотического воспитания до воинской славы // Республика. URL: http://jumhuriyat.tj/index.php?art_id=46052 (дата обращения: 29.03.2022).
- [36] Национальная армия надежный щит и сила государства / Республика URL: http://jumhuriyat.tj/index.php?art_id=46047 (дата обращения: 30.03.2022).
- [37] Расскази об этом Богу. Таджикистанцы простились с солдатом, который 7 лет ждал, когда сможет встать на ноги // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210202/rasskazhi-ob-etom-bogu-tadzhikistantsi-prostilis-s-soldatom-kotorii-7-let-zhdal-kogda-smozhet-vstat-na-nogi> (дата обращения: 27.03.2022).
- [38] Умер Шахбол Мирзоев - солдат, который семь лет назад был покалечен в армии // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210201/umer-shahbol-mirzoev-soldat-kotorii-sem-let-nazad-bil-pokalechen-v-armii> (дата обращения: 28.03.2022).
- [39] Не служишь, тогда заплати! // Фараж URL: <https://farazh.tj/musohiba/hizmat-nakuny-mablaghashro-deh/> (дата обращения: 02.04.2022).

- [40] Вирус «облавы» // Фараж. URL: <https://farazh.tj/nigohi-hos/virusi-oblava/> (дата обращения: 04.04.2022).
- [41] Облава: единственный сын и сирота в армию» // Фараж. URL: <https://farazh.tj/habari-ruz/oblava-jakkarparisar-va-jatimi-kul-ba-artish-raft/> (дата обращения: 03.04.2022).
- [42] Сказали, что солдат пустил себе две пули... в подбородок. Как это можно сделать – не объяснили // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210306/skazali-chto-soldat-pustil-sebe-dve-puli-v-podborodok-kak-eto-mozhno-sdelat-ne-obyasnili> (дата обращения: 24.03.2022).
- [43] Удар приклада пришёлся в шею. Хлынула кровь. Потом сказали, что солдат умер от астмы... // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210305/udar-priklada-prishyolsya-v-sheyu-hlinula-krov-potom-skazali-chto-soldat-umer-ot-astmi> (дата обращения: 22.03.2022).
- [44] Огнине в Таджикистане военный билет можно получить на платной основе // Радио Свобода. URL: <https://rus.ozodi.org/a/31053400.html> (дата обращения: 22.03.2022).

Digital Media and Political Management in Modern Tajikistan

D.M. Salimov

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

The article analyzes the role of online media in political management in modern Tajikistan. The communication factors of political management are determined, acting as a mechanism for adapting the political system to the social environment and being a fundamentally important condition for the implementation of modern management processes. The process of formation of network media, network community and their influence on the course of political management in the country is analyzed. An analysis of a number of politically important documents and the process of their legitimation as a result of public discourse in online media is proposed. The analysis allows the author to conclude that the most dynamically developing type of communication in the country is network political communication, which has led to a change in the style of political journalism and the formation of fundamentally new forms of influence on the subjects of political management. This factor is formed simultaneously with the formation of an ideological association of power and online media, based on a public discussion of issues significant to society in order to find ways to solve them in order to stabilize the social and political situation. This also takes into account the fact that the functioning of online media is determined by the legislation of the country, which, along with traditional media, increases the likelihood of them falling into the sphere of influence of the system of censorship and control.

Keywords: political management, state information policy, online media, internet, online journalism, political censorship. power, society, political regime

Reference for citation: Salimov D.M. Digital Media and Political Management in Modern Tajikistan // The State and Citizens in the Electronic Environment. Vol. 6 (Proceedings of the XXV International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2022, St. Petersburg, June 23-25, 2022). – St. Petersburg: ITMO University, 2021. P. 00 – 00. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-00-00.

References

- [1] Cengiz G. Post- Soviet Politicized Media and Free Press within the Context of Central Asian Countries // *International Journal of Social Science and Humanity*. 2016. № 6. P. 909-912. URL: <https://doi.org/10.18178/ijssh.2016.v6.771>.
- [2] Osman W. Between the White House and the Kremlin: a comparative analysis of afghan and tajik media // *International journal of communication*. 2019. № 13. P. 619-641.
- [3] Driscoll, J. Commitment Problems or Bidding Wars? Rebel Fragmentation as PeaceBuilding // *Journal of Conflict Resolution*. 2012. No. 1. P. 118-149.
- [4] Rihter A.G. Svoboda massovoj informacii v postsovetskom prostranstve. M. : «VK», 2007. 365 s. (In Russian).
- [5] Navstrechu svobodnoj presse Centralnoj Azii: 20 let spustya: materialy XIX centralnoaziatskoj konf. po SMI / pod red. S. Karpova. Almaty, 2013. 349 s. (In Russian).
- [6] Abduzhalilov F.N. Internet-zhurnalistska v Tadjikistane: razvitie, problemy i perspektiva: dis. ... kand. filol. Nauk: 10.01.10 / F.N Abduzhalilov. Dushanbe. 2020. 174 s. (In Russian)
- [7] Mukim Dzh. Politika i informacionnaya vojna. Dushanbe: Devashtich, 2006. 69 s. (In Russian).
- [8] Mukimov M. Pechatnye SMI Tadjikistana v epohu cifrovih ustrojstv. URL: <https://jovidmuqim.wordpress.com/2016/10/30/печатные-сми-таджикистана-в-эпоху-циф/> (access date: 04.04.2022). (In Russian).
- [9] Kooiman J. Findings, Speculations and recommendations // *Modern Governance*, London Sage, 1993. № 3. P. 249-262.
- [10] Volodenkov S. L. Tekhnologii internet-kommunikacii v sisteme sovremennogo politicheskogo upravleniya: dis. ... d-ra. pol. nauk: 23.00.02. / S. L. Volodenkov. - M., 2015. 441 s. (In Russian).
- [11] Luman N. Differenciaciya / per. s nem. B. Skuratova. M.: Logos. 2006. 320 s. (In Russian)
- [12] Idejnaya i umstvennaya revolyuciya / Tribuna naroda. URL: <http://hamsafon.tj/4180-in1178ilobim-anaviyu-far1202ang1250.html> (access date: 23.03.2022). (In Russian).
- [13] Solovev A.I. «Dokazatel'naya politika» i «politika dokazatel'stv»: dilemma postsovetskih obshchestv // *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. 2021. № 5. S 61-80. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47173606> (access date: 26.03.2022). (In Russian).
- [14] Rungsisawat S., Chankoson T. Engagement with online media // *Journal of Security and Sustainability Issues*. 2020. № 9 (4), P. 1379-1391. URL: [http://doi.org/10.9770/jssi.2020.9.4\(22\)](http://doi.org/10.9770/jssi.2020.9.4(22))
- [15] Dumitrescu D., Mugha A. Mass Media and Democratic Politics // Leicht, K.T., Jenkins, J.C. (eds) *Handbook of Politics. Handbooks of Sociology and Social Research.*, N.Y.: Springer, 2010. P. 477-491
- [16] Reyaz M. Cyberspace in the Post-Soviet States: Assessing the Role of New Media in Central Asia // *Journal of International Relations*. 2019. № 1. P. 7-27. URL: <https://doi.org/10.1177/0973598419875266>.
- [17] Green J., Kingzette J., Neblo M. Deliberative Democracy and Political Decision Making // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Vol. Word Politics. UK: Oxford University Press. 2016. P. 3-16. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Deliberative-Democracy-and-Political-Decision-Green-Kingzette/86a831aabc7105be43ac64fc3ab72d435ed26c41> (дата обращения: 16.02.2022).
- [18] Mukimov M. Feikovaia informatsiia v SMI i formirovanie obshchestvennogo mneniia // *Zhurnalistskoe obrazovanie v Tadjikistane: sostoianie, problemy i perspektivy (Trudi respublikanskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii, 18 marta 2022 g.)* Dushanbe: TNU, 2022. S. 117-125.
- [19] Mediapredpochtleniya naseleniya Respubliki Tadjikistan: TV, radio, pechatnye izdaniya, sajty, social'nye seti i messendzhery // OO «Media konsalting» i Centr sociologicheskikh issledovanij «Zerkalo». URL: https://www.zerkalo.tj/uploads/files/2020/MediaPreff-2019_Final_RUS.pdf (access date: 29.09.2021). (In Russian).
- [20] Nastupaet li konec epohi gazety? Vchera, segodnya i zavtra tadjikskoj pressy glazami tadjikskih zhurnalistov // *Molodyozhi Tadjikistana*. URL: https://pressa.tj/literature_tj/gazeta-

- az-bajn-meravaddiryz-imryz-va-fardoi-matbuoti-tochik-az-nigoxi-zhurnaliston/ (access date: 05.04.2021). (In Russian).
- [21] Blokirovka, teper vyselenie.... A my ne sdaemsya i prodolzhaem // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20201129/blokirovka-teper-viseleniea-mi-ne-sdaemsya-i-prodolzhaem> (access date: 05.04.2021). (In Russian)
- [22] Kurochkin A.V. Gosudarstvennoe upravlenie i innovacionnaya politika v usloviyah setevogo obshchestva: dis. ... d-ra. pol. nauk: 23.00.02 / A.V. Kurochkin. SPb., 2014. 295 s. (In Russian)
- [23] Smorgunov L.V. Instituty publichnogo upravleniya internetom: sravnitel'nyj analiz Rossii, Belarusi i Kazahstana // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2020. №12. S.24-39. URL: <https://www.acjournal.ru/jour/article/view/1588> (access date: 24.03.2022). (In Russian).
- [24] Smorgunov L.V. Institucionalizaciya upravlyaemosti i problema kontrolya v prostranstve cifrovyyh kommunikacij // Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2019. № 3. С. 62-75. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41139471> (access date: 26.03.2022). (In Russian).
- [25] Zakon ob uporyadochenii tradicij i obryadov: za i protiv // Radio Svoboda. URL: <https://rus.ozodi.org/a/30989431.html> (access date: 30.03.2022). (In Russian).
- [26] Zakona RT «O voinskoj obyazannosti i voennoj sluzhbe» ot 29 .01. 2021 № 1753 // Online-zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33099542&pos=6;-106#pos=6;-106 (access date: 10. 04. 2022). (In Russian).
- [27] Tradicionnyj poryadok // IA Avesta. URL: <https://avesta.tj/2007/05/31/traditsionnyj-poryadok/> (access date: 28.03.2022). (In Russian).
- [28] Parlament Tadjikistana prinyal zakon «Ob uporyadochenii tradicij, torzhestv i obryadov» // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20070530/parlament-tadjikistana-prinyal-zakon-ob-uporyadochenii-traditsii-torzhestv-i-obryadov> (access date: 30.03.2022). (In Russian).
- [29] Glava gosudarstva podpisal pravovye akty, reguliruyushchie obryady // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20070609/glava-gosudarstva-podpisal-pravovye-akty-reguliruyushchie-obryady> (access date: 30.03.2022). (In Russian).
- [30] Zakon ob uporyadochenii tradicij i obryadov: za i protiv // Radio Svoboda. URL: <https://rus.ozodi.org/a/30989431.html> (access date: 30.03.2022). (In Russian).
- [31] Svad'ba vsego za ... \$670. Kto poverit? // Radio Svoboda. URL: <https://rus.ozodi.org/a/25414576.html> (access date: 01.04.2022). (In Russian).
- [32] Borba s rastochitelstvom: vlasti izyali svadebnye ugoshcheniya // Radio Svoboda. URL: <https://rus.ozodi.org/a/28748294.html> (дата обращения: 02.04.2022). (In Russian).
- [33] Tajikistan government's strict wedding rules // BBC. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/av/world-asia-pacific-13088692> (дата обращения: 30.03.2022).
- [34] Ezhegodnyj otchet Komissii SSHA po mezhdunarodnoj religioznoj svobode (USCIRF) po Tadjikistanu za 2019 g. // Radio Svoboda. URL: <https://rus.ozodi.org/a/29942214.html> (access date: 02.04.2022). (In Russian).
- [35] Voennaya sluzhba. Ot patrioticheskogo vospitaniya do voinskoj slavy // Respublika. URL: http://jumhuriyat.tj/index.php?art_id=46052 (access date: 29.03.2022). (In Russian).
- [36] Nacionalnaya armiya nadezhnyj shchit i sila gosudarstva / Respublika URL: http://jumhuriyat.tj/index.php?art_id=46047 (access date: 30.03.2022). (In Russian).
- [37] Rasskazhi ob etom Bogu. Tadjikistancy prostilis s soldatom, kotoryj 7 let zhdal, kogda smozhet vstat na nogi // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210202/rasskazhi-ob-etom-bogu-tadjikistantsi-prostilis-s-soldatom-kotorii-7-let-zhdal-kogda-smozhet-vstat-na-nogi> (access date: 27.03.2022). (In Russian).
- [38] Umer Shahbol Mirzoev - soldat, kotoryj sem' let nazad byl pokalechen v armii // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210201/umer-shahbol-mirzoev-soldat-kotorii-sem-let-nazad-bil-pokalechen-v-armii> (access date: 28.03.2022). (In Russian).
- [39] Ne sluzhish', togda zaplati! // Farazh. URL: <https://farazh.tj/musohiba/hizmat-nakuny-mablaghshro-deh/> (access date: 02.04.2022). (In Russian).

- [40] Virus «oblavy» // Farazh. URL: <https://farazh.tj/nigohi-hos/virusi-oblava/> (access date: 04.04.2022). (In Russian).
- [41] Oblava: edinstvennyj syn i sirota v armiyu» // Farazh. URL: <https://farazh.tj/habari-ruz/oblava-jakkapisar-va-jatimi-kul-ba-artish-raft/> (access date: 03.04.2022). (In Russian).
- [42] Skazali, chto soldat pustil sebe dve puli... v podborodok. Kak eto mozjno sdelat' – ne obyasnili // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210306/skazali-chto-soldat-pustil-sebe-dve-puli-v-podborodok-kak-eto-mozhno-sdelat-ne-obyasnili> (access date: 24.03.2022). (In Russian).
- [43] Udar priklada prishyolsya v sheyu. Hlynula krov'. Potom skazali, chto soldat umer ot astmy... // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210305/udar-priklada-prishyolsya-v-sheyu-hlynula-krov-potom-skazali-chto-soldat-umer-ot-astmi> (access date: 22.03.2022). (In Russian).
- [44] Otnyne v Tadhikistane voennyj bilet mozjno poluchit' na platnoj osnove // Radio Svoboda. URL: <https://rus.ozodi.org/a/31053400.html> (access date: 22.03.2022). (In Russian).

Особенности формирования доверия к власти в эпоху цифровых трансформаций (региональная практика Ростовской области)

А.В. Баранов¹, О.В. Котлярова²

¹ Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС,

² Владимирский филиал РАНХиГС

a.v.baranov@uriu.ranepa.ru, olya-apriori@yandex.ru

Аннотация

Исследовательский интерес работы, представленной в статье сосредоточен на цифровых трансформациях, направленных на улучшение открытого диалога между обществом и властью. Такой диалог является основным фактором формирования доверия к власти со стороны населения. Проанализирован спектр наиболее актуальных работ, посвященных цифровым трансформациям государственного управления. Поднимается вопрос о барьерах, мешающих формированию цифровой ментальности гражданского общества современной России. В статье анализируется эффективность региональной практики, когда многофункциональные центры оказания государственных и муниципальных услуг (МФЦ) выступают в роли общественных приемных органов власти и организаций. Эта практика включает в себя также онлайн консультирование граждан по широкому спектру правовых вопросов. Исследование специфики реализации данного проекта демонстрирует, что своевременная информационная поддержка властных структур, полноценное онлайн-консультирование населения по наиболее проблематичным вопросам способствуют росту процента удовлетворенности граждан и поддерживают уровень доверия к власти со стороны гражданского общества.

Ключевые слова: доверие к власти, цифровые трансформации, цифровая ментальность, государственные и муниципальные услуги, процент удовлетворенности граждан

Библиографическая ссылка: Баранов А.В., Котлярова О.В. Особенности формирования доверия к власти в эпоху цифровых трансформаций // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 6 (Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2022, Санкт-Петербург, 23–25 июня 2022 г. Сборник научных статей). – СПб.: Университет ИТМО, 2022. С. 00 – 00. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-00-00.

1. Введение

В нестабильных и быстроменяющихся условиях, а особенно в кризисные периоды развития страны граждане всех возрастов ждут поддержки и помощи со стороны государства и властных структур. Стабильность и определенность предполагают уверенность в завтрашнем дне, спокойствие, комфорт и безопасность и определяют доверительные взаимоотношения между властью и обществом. Негативные факторы, в том числе периоды коронавируса, сложная геополитическая ситуация, информационные войны дезориентируют граждан, искажают правильное восприятие происходящего, заставляют волноваться за свое будущее и будущее своих детей, вызывают общественную

панику, за которой следует спонтанное, часто эмоциональное и даже агрессивное поведение некоторых категорий граждан.

В связи с вышесказанным информационная и фактическая поддержка государства должна реализовываться непрерывно и открыто. Именно поэтому онлайн-формат и дистанционное взаимодействие между государством и гражданским обществом становится темой первостепенной значимости.

Онлайн-взаимодействие между обществом и властью основано на цифровизации. Государство выступает в качестве сервисной платформы и предоставляет государственные и муниципальные услуги и полноценное информирование граждан в соответствии с потребностями и запросами последних. Однако сами граждане должны осознавать, что происходит переход в новый формат коммуникации – цифровой. Это значит, что определенная часть ответственности за качество и безопасность коммуникации ложится на население.

Цифровые трансформации государственного управления и общества, в целом, интересуют большое количество исследователей. Цифровизация ориентированная на содействие более эффективной деятельности предприятий, банков и бизнес-организаций, пронизывают производственные, управленческие, коммуникационные механизмы и эта проблематика обсуждается в работах С.Ю. Озорнина, Н.Г. Терлыги [1]; А.С. Карташовой, Н.М. Филимоновой [2]; Е.А. Яковлевой, И.А. Толочко, А.А. Ким, А.А. Черняевой [3]; Н.Л. Тау, Н.С. Loh [4].

В настоящее время цифровые трансформации непосредственным образом воздействуют на духовные и идеологические приоритеты, а также систему ценностей, формируемой в определенном обществе и культуре. Последние два года внимание исследователей сосредоточено на этом направлении, идеи динамичности системы ценностей нового поколения, основанного на цифровой ментальности, отражены в трудах Д.П. Гавры [5]; F. Bayraktar, Ł. Tomczyk [6].

Цифровые трансформации в образовании также меняют и педагогическую парадигму, с одной стороны, расширяя возможности коммуникации преподавателя и ученика. С другой стороны, прямым последствием цифровизации становится дистанционный формат взаимодействия, который имеет и негативные последствия, в том числе отсутствие личного взаимодействия между учеником и учителем, увеличение объема самостоятельной работы. Проблемы и перспективы цифровых трансформаций в сфере образования анализируются в работах Н.К. Благодетелевой [7]; М.Е. Мазурова, А.А. Микрюкова, В.А. Титова, И.Г. Федорова [8]; Е.В. Фидченко, О.В. Фидченко [9].

Необходимость притяжения цифровизации во всех профессиональных направлениях поднимает вопросы подготовки кадров нового формата, готовых к быстрым изменениям, обладающими компетенциями, позволяющими эффективно использовать цифровые технологии. В этой связи следует обратить внимание на исследования Н.В. Палагина [10]. Психологические сложности, вызываемые быстрым внедрением цифровых трансформаций в сферы профессиональной деятельности и способствующие эмоциональному выгоранию кадров, обсуждаются в работах А.А. Пономаренко [11].

Вопросы подготовки кадров особо актуальны для государственного управления. В настоящее время стратегия государственного развития ориентирована на сервисное направление. Сервисное государство предполагает приоритет потребностей каждого члена гражданского общества. Публичность государственного управления определяется тем, что население имеет возможность воздействовать на управленческие решения власти, а это, в свою очередь, повышает значимость совместно принимаемых решений. В этой связи представители властных структур заинтересованы в видении объективного общественного мнения и гражданских инициатив.

Цифровые технологии позволяют предоставлять государственные и муниципальные услуги гражданам в электронной форме, проводить онлайн-опросы и масштабные мониторинги, которые не только позволяют увидеть тенденции общественного мнения, но

и помогают предопределять потребности и запросы населения. Такой подход увеличивает процент удовлетворенности граждан, налаживает качественный и открытый диалог между властью и обществом и повышает уровень доверия к власти со стороны населения. В этом ракурсе интересны исследования Д.М. Семеновой [12]; А.А. Чеботаревой, Я.П. Романовой [13]; А.В. Баранова, О.В. Коляровой, А.В. Тагаева, О.А. Ивлевой [14].

2. Постановка проблемы

Основным исследовательским направлением авторского коллектива на протяжении последних нескольких лет остается исследование процесса формирования доверия к власти со стороны населения. Большинство политологов, социологов, психологов и экономистов соглашаются с тем, что доверие становится вызовом XXI века, а значит и вектором государственного управления.

Доверие к власти со стороны населения основывается на удовлетворении потребностей граждан, на их комфортном существовании в государстве, на ощущении безопасности и комфорта. Спектр потребностей и вызовов, которые актуальны для представителей российского общества масштабен. В зависимости от возраста, социального и материального положения, уровня образования, региона, в котором проживают граждане, определяются и варьируются гражданские потребности и мотивы.

Цифровые трансформации, с одной стороны, являются мощным механизмом, позволяющим непрерывно и эффективно поддерживать коммуникацию между властью и обществом, с другой стороны, цифровизация может быть рассмотрена в качестве серьезного вызова, мешающего гражданам реализовывать взаимодействие с властью в привычном формате. Для того, чтобы коммуникация *власть – народ* перешла в онлайн-формат необходимо не только внедрение цифровых трансформаций в государственное управление, но и формирование *цифровой ментальности* российских граждан.

В ракурсе нашей работы под цифровой ментальностью следует понимать принятие гражданским обществом цифровых технологий, сервисов, платформ, систем в качестве необходимых и безопасных инструментов для улучшения жизни. Такое принятие стимулирует мотивацию к приобретению и совершенствованию гражданами цифровых навыков, которые позволят полноценно пользоваться всем спектром цифровых возможностей. Отметим, что цифровая ментальность гражданского общества современной России формируется постепенно. Ее формирование сопровождается большим количеством барьеров. Это связано с многими факторами.

Во-первых, уровень развития цифровых компетенций представителей гражданского общества разный. Отметим, что большой процент населения пожилого возраста, проживающего в поселках и деревнях, не умеют пользоваться цифровыми сервисами и не имеют возможности научиться это делать.

Во-вторых, значим фактор материальных возможностей: не у всех граждан хватает денег для того, чтобы приобрести цифровые устройства.

В-третьих, практически в каждом регионе есть поселения, села, деревни, районы города, в которых могут наблюдаться перебои с сетью Интернет.

В-четвертых, следует сказать о цифровой неграмотности, в целом. Граждане всех возрастов имеют *точечные* цифровые навыки. Точечные цифровые навыки, это навыки, приобретенные бессистемно, вследствие практики. Очень небольшой процент населения (школьники на уроках информатики, студенты по соответствующим специальностям, слушатели дополнительных профессиональных программ или пользователи, осваивающие платные курсы, а также специалисты, работающие с информационно-коммуникационными технологиями) целенаправленно приобретают и развивают цифровые компетенции.

Остальные пользователи сети Интернет приобретают отрывочные знания о цифровых возможностях через практику работы в сети. Они сталкиваются с конкретной проблемой,

для решения которой необходимо что-то найти в интернете, проверить информацию, зарегистрироваться или воспользоваться услугами цифровой платформы, найти официальный портал госоргана и т.д. Таким образом приобретает некий цифровой опыт, но не цифровой навык. В других ситуациях граждане не знают функционала гаджета, не знают грамотных способов поиска в интернете и проверки информации, не понимают структуры и полноценных возможностей социальных сетей и мессенджеров, не знают правил обеспечения информационной безопасности.

Следствием отсутствия цифровой грамотности становится снижение уровня доверия граждан к цифровой среде, в целом, и к государственным услугам в цифровом формате, в частности. Следуя сложившимся стереотипам, большинство предпочитают прийти и получить услугу лично и не тратить время на работу с цифровой платформой, хотя цифровые сервисы созданы как раз для экономии времени пользователей.

Однако актуальная ситуация в стране демонстрирует необходимость организации онлайн-помощи гражданам со стороны государства. Такая помощь особенно актуальна в процессе получения государственных и муниципальных услуг и правового консультирования. В целях устранения этой проблемы в Ростовской области реализуется проект «МФЦ – общественные приемные органов власти и организаций», направленный на прозрачное взаимодействия органов власти с населением и своевременное информирование о порядке предоставления государственных и муниципальных услуг. Этот проект стал логичным продолжением проекта «Правовая помощь онлайн».

Его суть – в предоставлении всем гражданам правовых консультаций по широкому спектру проблемных вопросов, а также по вопросам предоставления государственных и муниципальных услуг в онлайн-режиме на платформе Интернет-портала helponline.donland.ru.

Методология исследования предполагает мониторинг качества предоставляемых услуг посредством сбора, анализа, дифференциации и классификации мнений заявителей, обращающихся за консультационными услугами. Проводимый ГКУ РО «Уполномоченный МФЦ Ростовской области» мониторинг осуществлялся методом независимой оценки – опроса граждан с выставлением оценки по пятибалльной шкале, где 5 подразумевает полноценное качественное консультирование с ответами на все вопросы заявителя, с разъяснением подробностей и описанием всей законодательной траектории разрешения вопроса. Оценка 4 ставится, если консультация, в целом, полноценна, однако у заявителя остались вопросы. Оценка 3 предполагает консультацию, в которой выявлены существенные недостатки (не хватило времени, представлена не вся информация). Оценка 2 может быть выставлена, если заявитель не удовлетворен консультацией с точки зрения ее полноты и содержания. Оценка 1 предполагает низкое качество обслуживания, неполноценность содержания консультации, полную неудовлетворенность консультированием со стороны заявителя. Представленная выборка основана на мнении 600 респондентов – посетителей МФЦ.

3. Описание исследования и его результаты

В проекте принимают участие 25 органов власти и организаций, которые предоставляют правовые консультации гражданам, среди которых Прокуратура, Министерство Внутренних Дел РФ, Федеральной службы судебных приставов России, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, Роспотребнадзор, Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Пункт отбора на военную службу по контракту 1 разряда Минобороны России, Минтруд области, Минсельхозпрод области, Министерство строительства Ростовской области совместно с ГБУ РО «Агентство жилищных программ», Департаменты имущественно-земельных отношений и экономики г. Ростова-на-Дону совместно с микрокредитной компанией Ростовский муниципальный фонд поддержки предпринимательства, Государственная

жилищная инспекция области, Нотариальная палата области, Ростовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» совместно с Ростовским региональным отделением Всероссийской политической партии «Единая Россия», Адвокатская палата Ростовской области совместно с Межвузовским центром практической подготовки и профориентации студентов вузов Ростовской области (при Совете ректоров Ростовской области), Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС), автономная некоммерческая организация – микрофинансовая компания «Ростовское региональное агентство поддержки предпринимательства», Межрайонное регистрационно-экзаменационное отделение Государственной инспекции безопасности дорожного движения г. Ростов-на-Дону, Уполномоченный по защите прав предпринимателей области.

Безусловно такой широкий спектр органов власти и организаций обеспечивает полноценное консультирование граждан по возникающим вопросам. Открытый диалог реализуется на платформе 78 объектов областной сети многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, в обязанности которых входит прием и дифференциация заявок на онлайн-консультации. Из 78 объектов 72 выступают площадкой для получения услуг. Так же в процессе консультирования задействованы 62 общественных приемных Губернатора Ростовской области.

Всего, начиная со старта Проекта в марте 2018 года, предоставлено свыше 6 тыс. правовых консультаций. Отметим, что основным показателем эффективности реализации проекта является процент удовлетворенности граждан подтверждающий устойчивый уровень доверия к власти со стороны населения.

В таблице представлена выборка организаций и ведомств, реализовавших наибольшее количество консультаций граждан и продемонстрировавший наибольший процент удовлетворенности граждан (данные предоставлены ГКУ РО «Уполномоченный МФЦ Ростовской области»).

Таблица. Организации и ведомства, реализовавшие наибольшее количество консультаций, процент удовлетворенности граждан

Организация / орган власти	Количество реализованных консультаций	Кол-во максимально положит. отзывов
Минтруд Ростовской области	597	561 (94%)
Ассоциация юристов России	474	459 (90%)
Управление Росреестра по Ростовской области	400	348 (87%)
Управление Роспотребнадзора по Ростовской области	363	352 (97%)
ГБУ РО «АЖП»	324	324 (100%)
ОПФР по Ростовской области	279	265 (95%)
Управление ФССП по Ростовской области	203	203 (100%)
ГУ МВД Ростовской области	117	87 (75%)
Мининформсвязь Ростовской области	114	114 (100%)
ДИЗО города Ростова-на-Дону	108	86 (80%)

Обратим внимание на то, что в процентном соотношении областное управление Роспотребнадзора, ОПФР и Мининформсвязь Ростовской области имеют наибольшее количество положительных оценок и подтверждают стабильный и высокий уровень удовлетворенности граждан.

4. Заключение

На наш взгляд, необходима верификация проведения подобных мониторингов. Отметим, что во время оценки качества консультаций на граждан влияют не только объективные факторы, определяемые качеством работы ведомства, скорость ответа,

доступность и полнота предоставляемой информации, но и другие факторы, к примеру скорость работы Интернета, их собственные цифровые навыки, позволяющие с большим или меньшим комфортом вести онлайн-диалог.

Однако общей тенденции реализации проекта становится повышение процента удовлетворенности граждан, а значит и рост доверия к власти со стороны населения. Организация работы на платформах приемных Губернатора и МФЦ гарантируют гражданам правомерность консультаций, возможность задавать дополнительные вопросы, а также вносить предложения и проявлять гражданскую инициативу (подробнее см. [15]).

Такой совместный подход к решению наиболее значимых социальных вопросов позволяет властным структурам видеть тенденции общественного мнения и своевременно реагировать, предвосхищать потребности граждан, устранять возможные конфликтные ситуации, предугадывать барьеры, которые встречают граждане на пути получения государственной или муниципальной услуги или правовой консультации.

Подобный подход в вопросах предоставления государственных и муниципальных услуг имеет клиентоцентричный принцип, то есть предполагает, что в центре внимания государства находится гражданин с его насущными, повседневными и глобальными потребностями и запросами.

В заключении хотелось бы сделать вывод об эффективности открытого, прозрачного и прямого взаимодействия органов власти и гражданского общества с целью 1) выявления наиболее значимых и актуальных для населения вопросов и проблем; 2) нахождения совместных путей решения общественных проблем; 3) мониторинга общественного мнения и настроений гражданского общества; 4) видения тенденций сотрудничества государства и общества; 5) поддержания уровня удовлетворенности заявителей и уровня доверия к власти со стороны гражданского общества.

Литература

- [1] Озорнин С.Ю., Терлыга Н.Г. Проблемы цифровой трансформации предприятий: управленческий аспект // Евразийский союз ученых. 2020. № 4-7 (73). С. 49-59.
- [2] Карташова А.С., Филимонова Н.М. Особенности внедрения цифровой трансформации в банковской системе России на примере Росбанка, плюсы и минусы цифровой трансформации // Социальные институты в цифровой среде. Сборник трудов второй международной научно-практической конференции / Под редакцией Т.В. Игнатовой, Д.А. Корсунова, Н.В. Брюхановой. Южно-Российский институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУФ РАНХиГС). Ростов-на-Дону, 2020. С. 116-123.
- [3] Яковлева Е.А., Толочко И.А., Ким А.А., Черняева А.А. Цифровая трансформация системы планирования на основе цифрового двойника // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 7. С. 2811-2826.
- [4] Tay H.L., Loh H.S. Digital transformations and supply chain management: a lean six sigma perspective // Journal of Asia Business Studies. 2021. Vol. 16 (2). P. 340-353. DOI: 10.1108/jabs-10-2020-0415.
- [5] Гавра Д.П. Трансформация культурного капитала в цифровом обществе // Искусствоведение в контексте других наук в современном мире: параллели и взаимодействия. сборник трудов Международной научной конференции. М., 2020. С. 414-432.
- [6] Bayraktar F., Tomczyk Ł. Digital piracy among adults: the role of values and time perspectives // Sustainability. 2021. Vol. 13. (16). P. 000-000.
- [7] Fidchenko E.V., Fidchenko O.V. Digital transformations the modern stage in the history and philosophy of education // Proceedings of the 1st International Scientific Conference

- «Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth» (MTDE 2019). Vol. «Advances in Economics, Business and Management Research». 2019. P. 717-721.
- [8] Благодетелева Н.К. Цифровая экономика: тенденции цифровой трансформации в образовании // Самоуправление, 2021. № 3 (125). С. 185-190.
- [9] Мазуров М.Е., Микрюков А.А., Титов В.А., Федоров И.Г. Нейрообразовательная среда для приобретения компетенций в области сквозных цифровых технологий (нейротехнологии) в условиях цифровой трансформации // Открытое образование. 2020. Т. 24. № 6. С. 31-40.
- [10] Палагин Н.В. Кадры для цифровой экономики как элемент цифровой трансформации Российской Федерации // Наука XXI века: актуальные направления развития, 2020. № 1-1. С. 511-514.
- [11] Понамаренко А.А. Проблема профессионального выгорания в контексте цифровизации и цифровой трансформации // Сборник материалов региональной конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых. В рамках реализации проекта «Россия-21: технологии успеха» - победителя Всероссийского конкурса молодежных проектов. Симферополь, 2021. С. 308 – 314.
- [12] Семенова Д.М. Цифровая трансформация в управлении проектами: опыт Российского государственного и муниципального управления // Современный город: власть, управление, экономика, 2020. Т. 1. С. 82-91.
- [13] Чеботарева А.А., Романова Я.П. Цифровая трансформация государственного управления экономики: тренды кадровой политики и образования // Транспортное право и безопасность, 2021. № 4 (40). С. 55-63.
- [14] Баранов А.В., Котлярова О.В., Тагаев А.В., Ивлева О.А. Цифровые трансформации государственного управления как механизм формирования доверия к власти // Цифровизация публичного администрирования, экономики, политики и социальной сферы: проблемы и перспективы. Сборник докладов научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 2021. С. 71-76.
- [15] Баранов А.В., Котлярова О.В., Шлеверда И.Н. МФЦ - Общественные приемные органы власти и организаций»: региональная практика управления доверием к власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. Ростов-на-Дону, 2021. № 1. С. 11-17.

Features of the Formation of Trust in the Government in the Era of Digital Transformations

A.V. Baranov¹, O.V. Kotlyarova²

¹ South Russian Institute of Management – branch of RANEPА,

² Vladimir branch of RANEPА

The research interest of the presented article is focused on digital transformations aimed at improving the open dialogue between society and the authorities. Such a dialogue is the main factor in the formation of trust in the government on the part of the population. The range of the most relevant works devoted to digital transformations of public administration is analyzed. The question of barriers preventing the formation of the digital mentality of civil society in modern Russia is raised. The article analyzes the effectiveness of the regional practice "MFC - public reception offices of authorities and organizations" aimed at online counseling of citizens on a wide range of issues. The project demonstrates that timely information support of government structures, full-fledged online consultation of the population on the most problematic issues contribute to an increase in the percentage of satisfaction of citizens and maintain the level of trust in the government on the part of civil society.

Keywords: trust in government, digital transformations, digital mentality, state and municipal services, percentage of satisfaction of citizens

Reference for citation: Baranov A.V., Kotlyarova O.V. Features of the Formation of Trust in the Government in the Era of Digital Transformations // The State and Citizens in the Electronic Environment. Vol. 6 (Proceedings of the XXV International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2022, St. Petersburg, June 23-25, 2022). – St. Petersburg: ITMO University, 2021. P. 00 – 00. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-00-00.

References

- [1] Ozornin S.Yu., Terlyga N.G. Problems of digital transformation of enterprises: managerial aspect // Eurasian Union of Scientists, 2020. № 4-7 (73). pp. 49-59. (In Russian).
- [2] Kartashova A.S., Filimonova N.M. Features of digital transformation implementation in the Russian banking system on the example of Rosbank, pros and cons of digital transformation // In the collection: Social institutions in the digital environment. Proceedings of the second International Scientific and Practical Conference. Edited by T.V. Ignatova, D.A. Korsunov, N.V. Bryukhanova, 2020. pp. 116-123. (In Russian).
- [3] Yakovleva E.A., Tolochko I.A., Kim A.A., Chernyaeva A.A. Digital transformation of the planning system based on a digital double // Creative Economy. 2021. Vol. 15. №. 7. pp. 2811-2826. (In Russian).
- [4] Tay H.L., Loh H.S. Digital transformations and supply chain management: a lean six sigma perspective // Journal of Asia Business Studies. 2021. Vol. 16 (2). P. 340-353. DOI: 10.1108/jabs-10-2020-0415
- [5] Gavra D.P. Transformation of cultural capital in digital society // Art criticism in the context of other sciences in modern. M., 2020. pp. 414-432. (In Russian).
- [6] Bayraktar F., Tomczyk L. Digital piracy among adults: the role of values and time perspectives // Sustainability. 2021. Vol. 13. № 16.
- [7] Fidchenko E.V., Fidchenko O.V. Digital transformations the modern stage in the history and philosophy of education // Proceedings of the 1st International Scientific Conference "Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth" (MTDE 2019). Series "Advances in Economics, Business and Management Research" 2019. pp. 717-721.
- [8] Blagodeteleva N.K. Digital economy: trends of digital transformation in education // Self-government, 2021. № 3 (125). pp. 185-190. (In Russian).
- [9] Mazurov M.E., Mikryukov A.A., Titov V.A., Fedorov I.G. Neuroeducational environment for acquiring competencies in the field of end-to-end digital technologies (neurotechnology) in the conditions of digital transformation // Open Education. 2020. Vol. 24. № 6. pp. 31-40. (In Russian).
- [10] Palagin N.V. Personnel for the digital economy as an element of the digital transformation of Russia /// Science of the XXI century: current directions of development, 2020. № 1-1. pp. 511-514. (In Russian).
- [11] Ponamarenko A.A. The problem of professional burnout in the context of digitalization and digital transformation // Collection of materials of the regional conference of students, undergraduates, postgraduates, young scientists. Within the framework of the project "Russia-21: technologies of success" - the winner of the All-Russian competition of youth projects. Simferopol, 2021. pp. 308 – 314. (In Russian).
- [12] Semenova D.M. Digital transformation in project management: the experience of Russian state and municipal management // Modern City: Power, Management, Economy, 2020. Vol. 1. pp. 82-91. (In Russian).
- [13] Chebotareva A.A., Romanova Ya.P. Digital transformation of public administration of the economy: trends in personnel policy and education // Transport law and Security, 2021. № 4 (40). pp. 55-63. (In Russian).

- [14] Baranov A.V., Kotlyarova O.V., Tagaev A.V., Ivleva O.A. Digital transformations of public administration as a mechanism for the formation of trust in power // In the collection: Digitalization of public Administration, economics, politics and the social sphere: problems and prospects. Collection of reports of a scientific and practical conference with international participation. Rostov-on-Don, 2021. pp. 71-76. (In Russian).
- [15] Baranov A.V., Kotlyarova O.V., Shleverda I.N. MFC - Public reception offices of authorities and organizations": regional practice of trust management to the authorities // State and municipal administration. Scientific notes. Rostov-on-Don, 2021. № 1. pp. 11-17. (In Russian).

Электронное участие в российских регионах: результаты мониторинга 2020–2022 гг.

Г. О. Панфилов¹, А. В. Чугунов¹, Ю. А. Кабанов^{1,2}

¹ Университет ИТМО, ² НИУ Высшая школа экономики – Санкт-Петербург

panfilovgeorg@mail.ru, chugunov@itmo.ru, kabanov_igud@mail.ru

Аннотация

За последние несколько лет в системе электронного участия в России наметился тренд на централизацию и усиление роли федеральной власти в развитии каналов «обратной связи» на региональном и муниципальном уровне. Данная статья обозначает некоторые контуры научной дискуссии, необходимые для дальнейшего теоретического и эмпирического осмысления этих изменений. В статье представлены результаты мониторингового исследования электронного участия в России, осуществленного Центром технологий электронного правительства Университета ИТМО в течение трех лет (2020–2022). В рамках исследования обследовались каналы электронного участия в России шести основных типов, созданных органами власти субъектов РФ и органами местного самоуправления городов, являющихся административными центрами субъектов РФ. Исследование проводилось по методике, разработанной в 2019–2020 гг. и позволяющей оценивать различные инструменты электронного участия и проводить межрегиональные и кроссплатформенные сравнения. На начало 2022 г. было найдено и оценено 194 актуальных канала электронного участия, созданных органами власти регионов и 122 канала – органами местного самоуправления. Мониторинг позволил зафиксировать динамику в количестве и качестве рассматриваемых каналов за три года. В результате выявлено сокращение количества каналов электронного участия, созданных и поддерживаемых по инициативе исполнительных органов государственной власти субъектов и муниципалитетов, что свидетельствует об усилении тенденций централизации и роли федерального центра в этих вопросах. Статья представляет обобщение результатов, полученных весной 2022 года, и тем самым предвещает серию публикаций с более подробным изложением и интерпретацией собранного за три года материала.

Ключевые слова: электронное участие, электронные ресурсы, порталы, мониторинг, рейтингование

Библиографическая ссылка: Панфилов Г.О., Чугунов А.В., Кабанов Ю.А. Электронное участие в российских регионах: результаты мониторинга 2020–2022 гг. // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 6 (Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2022, Санкт-Петербург, 23–25 июня 2022 г. Сборник научных статей). – СПб.: Университет ИТМО, 2022. С. 00 – 00. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-00-00.

1. Введение

За последние несколько лет система электронного участия в России претерпела существенные трансформации. Ключевым трендом становится усиление централизации системы «обратной связи» с гражданами и контроля федерального центра за региональными и муниципальными каналами электронного участия.

Прежде всего, это связано с созданием сети Центров управления регионом (ЦУР), развитием которой с 2020 г. занимается АНО «Диалог. Регионы» при активном вовлечении региональных органов власти [1]. Полномасштабное функционирование этой системы во всех субъектах РФ (кроме Москвы) относится к 2021 г. Начали создаваться ЦУРы в органах местного самоуправления (ОМСУ) [2]. Появился и единый федеральный канал для сообщений «Госуслуги. Решаем вместе» (Платформа обратной связи – ПОС), функционирующий на Едином портале госуслуг (ЕПГУ) [3]. По заявлению вице-премьера Дмитрия Чернышенко, за 2021 год ЦУРы в регионах обработали несколько миллионов обращений и помогли принять «свыше 500 важных управленческих системных решений» [4].

Еще одной организационной инновацией прошедшего года стал запуск Координационного центра Правительства Российской Федерации, где «планируется реализовать модель проактивного реагирования на возможные проблемы в различных отраслях экономики и социальной сферы» [5]. Отмечается, что его работа будет базироваться на «системе управления инцидентами, системе управления рисками социально-экономического развития РФ, многоканальной системе обратной связи от граждан, системе анализа потоковых данных» [5]. Можно предположить, что данный Координационный центр также будет использовать данные, получаемые из регионов и муниципалитетов через информационно-аналитическую систему АНО «Диалог. Регионы».

Таким образом, в 2021 г. региональные и местные инициативы в области электронного участия были дополнены важными централизованными институциональными программами федеральной власти, что вносит существенные корректировки в экосистему электронного участия Российской Федерации. Учитывая новизну, пока эти изменения не получили достаточного эмпирического анализа и теоретического осмысления. В этой статье предпринимается попытка начать дискуссию о том, как нововведения отразятся на электронном участии и государственном управлении в России.

В первую очередь, в статье мы представляем результаты мониторинга каналов электронного участия в регионах и муниципалитетах России, проведенного в январе-марте 2022 г. По сравнению с 2020 г. [6] и 2021 г. [7], базовая методика и инструментарий исследования не претерпели существенных изменений, что позволяет сопоставлять результаты в динамике и оценить первую реакцию субнациональных каналов электронного участия на разворачивающуюся централизацию.

Во-вторых, работа обозначает некоторые направления в теоретическом осмыслении этой темы и выдвигает гипотезы, которые нуждаются в проверке в рамках данной исследовательской повестки.

2. Электронное участие в России: централизация и институциональные изменения

В Российской Федерации, несмотря на высокую степень централизации политико-управленческих процессов [8], наблюдаются довольно большие диспропорции в уровне развития каналов электронного участия: как количественно, так и качественно [6, 7]. До последних федеральных решений каналы электронного участия, в основном, успешно развивались за счет инициативы отдельных регионов, имеющих для этого достаточные технологические и финансовые ресурсы [9, 10]. Постепенно диффузия этой инновации распространилась на большинство субъектов, и на 2020 г. в стране существовало 205 региональных и 155 муниципальных каналов электронного участия [7]. Новая стадия развития в известной степени повторяет судьбу электронного правительства, когда на смену отдельным локальным проектам пришел единый централизованный подход, который привел, с одной стороны, к выравниванию возможностей субъектов [11, 12], с другой – к «институциональному сопротивлению» со стороны региональных властей, особенно на первых этапах [13].

Об итогах централизации в области электронного участия судить пока рано, однако, можно обозначить некоторые их возможные контуры. По определению Д. Норта, институты организуют взаимоотношения между людьми» и «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия» [14, с. 17]. Логично предположить, что новая конфигурация электронного участия создаст новые стимулы для субнациональных органов власти, новые паттерны взаимодействия граждан и государства, а также новые смыслы электронного участия в системе государственного управления.

Прежде всего, в федеральных инициативах явно прослеживается, что функция электронного участия как инструмента диалога граждан и региональных (местных) властей дополняется функцией дополнительного контроля и источника политико-управленческой информации в руках федерального центра. Если раньше большинство каналов «замыкались» на руководителях регионов, помогая им контролировать местную бюрократию [15], теперь сами региональные (и муниципальные) власти отчасти становятся объектом управления в рамках диалога граждан и федеральной власти. Иными словами, новый этап в развитии электронного участия – это логичное следствие укрепление «вертикали власти» [16] и способ решения принципал-агентской проблемы [17]. Такие институциональные эффекты гражданского участия, в частности, уже долгое время наблюдаются в Китае, где Интернет и другие механизмы используются для контроля центральной власти над локальными администрациями [18, 19].

На данный момент неясно, в какой степени эта практика будет внедрена в России. Определенное время уйдет на «институциональную адаптацию», при которой новые и прежние «правила игры», новые и существующие технологические решения, а также бюрократия будут приспосабливаться друг к другу [20]. Важным исследовательской задачей становится анализ стратегий, которые регионы (и в меньшей степени, муниципалитеты) могут использовать: *интеграцию* существующих каналов в новую систему, *прекращение* их работы или *сосуществование* параллельных систем электронного участия.

Выбор стратегий сопряжен с рядом вызовов. Во-первых, как и в случае с электронным правительством, [11, 12] централизация и стандартизация может благоприятно сказаться на повышении качества электронного участия в стране, выравниванию возможностей регионов. С другой стороны, существующие локальные инициативы могут быть упразднены, а наиболее обеспеченные регионы способны развивать и собственные, и федеральные проекты. Это вновь поднимает вопрос о региональных диспропорциях в «предложении» электронного участия.

Другая дилемма связана с перенесением контроля. С одной стороны, учитывая повышенное внимание федеральных властей, можно ожидать большей эффективности и «отзывчивости» субнациональных правительств на «обратную связь» от граждан. С другой стороны, это не решает принципал-агентскую проблему полностью, что, опять-таки, наблюдается в Китае [21]. Не исключено, что подобные «асимметрии» могут наблюдаться и при реализации новых инициатив в России.

Важным маркером разворачивающихся институциональных изменений, вероятно, станет дальнейшая судьба существующих региональных и муниципальных каналов электронного участия, динамика их количества и качества. В следующем разделе работы мы представляем результаты мониторинга, позволяющие оценить первые итоги новой политики в области электронного участия.

3. Результаты мониторинга региональных и муниципальных каналов электронного участия

Методика исследования не претерпела изменений по сравнению с прошлыми периодами [22, с. 6-9; 23]. По аналогии с предыдущими двумя этапами (2020 и 2021 гг.) были выявлены и оценены по 15 показателям, поделенным на 5 логических блоков, каналы электронного

участия граждан, созданные органами власти субъектов РФ и органами местного самоуправления городов, являющихся административными центрами субъектов РФ. Были рассмотрены каналы шести типов: «Открытый бюджет», инициативное бюджетирование, сообщения о проблемах, электронные инициативы, электронные голосования и краудсорсинг. Каналы, информация на которых не обновлялась модераторами более одного года, считались неактуальными и не учитывались при анализе. Обобщенные результаты мониторинга представлены в таблице 1.

Таблица 1. Обобщенные результаты мониторинга каналов электронного участия в 2022 г. в сравнении с данными 2021 г. (данные ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО)

№	Тип ресурса	Кол-во ресурсов		Охват регионов **		Средний балл ***	
		Регион.	Муниц.	Кол-во	%	Регион.	Муниц.
1	Открытый бюджет	85 (+1)*	76 (+1)	85 (0)	100 (0)	13/22 (0)	11/22 (+2)
2	Инициативное бюджетирование	42 (+4)	16 (0)	48 (+5)	56 (+5)	12/30 (+1)	7/30 (-1)
2	Сообщения о проблемах	29 (-8)	11 (-8)	36 (-11)	42 (-13)	17/30 (+1)	14/30 (+1)
4	Электронные инициативы	15 (+1)	4 (-6)	18 (-3)	21 (-4)	13/30 (+2)	12/30 (+2)
5	Электронные голосования	12 (-12)	11 (-6)	20 (-14)	40 (-17)	13/30 (+1)	9/30 (-1)
6	Краудсорсинг	11 (-1)	4 (-2)	15 (-2)	18 (-2)	9/30 (-3)	12/30 (+2)
	Итого ****	194 (-15)	122 (-21)	37 (-4)	44 (-4)	13 (+1)	11 (+1)

Примечания:

*В скобках указано изменение значения относительно результатов 2021 г. (сбор данных осуществлялся в январе-феврале).

**В столбце «Охват регионов» представлено число регионов, в которых присутствует минимум один ресурс, курируемый любым уровнем власти.

***В столбце «Средний балл» цифра в знаменателе означает максимальное количество баллов, которое может получить конкретный тип информационного ресурса.

**** В строке «Итого» значения первых двух столбцов («Кол-во ресурсов») обозначают общее количество ресурсов, а последующих четырёх («Охват регионов» и «Средний балл») – средние значения.

Основной вывод, который можно сделать по результатам мониторинга – общее количество рассматриваемых в рамках исследования каналов электронного участия существенно сократилось. На региональном уровне сокращение произошло с 209 на начало 2021 года до 194 в начале 2022, на муниципальном уровне – с 143 до 122 соответственно.

При этом в наибольшей степени сократились каналы, задачи и функционал которых предполагают наибольшую интерактивность и подразумевают инициацию процесса электронного участия со стороны граждан – прежде всего это такие каналы как «Сообщения о проблемах» и «Электронные голосования». Число каналов «Сообщения о проблемах» сократилось на 8 как на региональном, так и на муниципальном уровне. При этом на муниципальном уровне данное уменьшение составило практически половину всех имеющихся каналов. Общий охват регионов каналом электронного участия данного вида за последний год сократился на 11 регионов.

Количество каналов «Электронные голосования» также сократилось очень значительно – на региональном уровне сокращение составило ровно половину от числа всех каналов – с 24 до 12, а на муниципальном уровне сократилось с 17 до 11. Общий охват при этом уменьшился на 14 регионов.

Процесс сокращения данных каналов закономерно объясняется тем, что именно эти формы активности были воссозданы в 2020–2021 на Платформе обратной связи ЕПГУ,

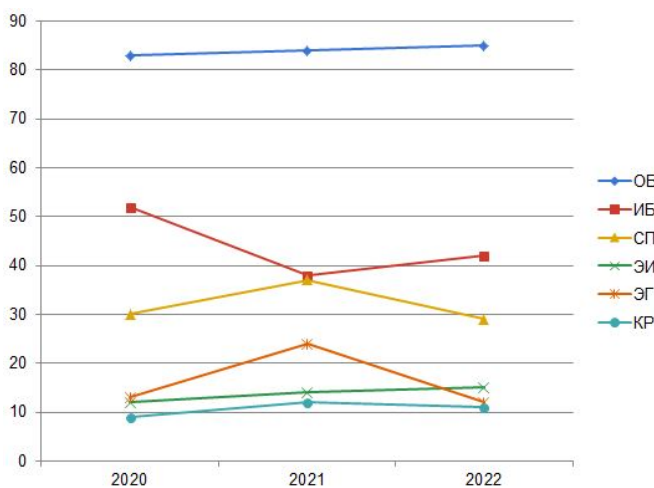
вследствие чего произошел отказ от части аналогичных каналов, созданных ранее в инициативном порядке на региональном и муниципальном уровне. Это говорит о незаинтересованности значительной части региональных руководителей осуществлять дальнейшую поддержку данных ресурсов в условиях позиции федерального центра о приоритетности развития системы ЦУР.

Аналогичные изменения затронули еще два канала электронного участия, предполагающие инициацию активности со стороны граждан – «Электронные инициативы» и «Краудсорсинг». При этом количество каналов с возможностью подачи электронных инициатив на региональном уровне увеличилось на 1, но на муниципальном сократилось более чем в два раза – с 10 до 4. Число каналов краудсорсинга уменьшилось на 1 на региональном и на 2 на муниципальном соответственно. Отметим, что этот канал менее всего распространен в регионах и муниципалитетах.

Число информационных каналов с данными о бюджете «Открытый бюджет» осталось на том же уровне – их число увеличилось на один на каждом из уровней власти и составило 85 на региональном и 76 на муниципальном. Единственный из видов участия, по которому произошло ощутимое расширение числа каналов – инициативное бюджетирование. На региональном уровне их число увеличилось на 4, на муниципальном – не изменилось.

Средние баллы, набранные каждым из типов каналов, существенно не изменились. По тем или иным типам произошли колебания в большую или меньшую сторону, однако о четко выраженной тенденции здесь говорить сложно. Ситуация осложняется тем, что при сокращении числа каналов, закрыты были как каналы с высокими, так и с низкими баллами, средние значения в данном случае не могут выразить общую тенденцию даже если определенное изменение произошло во всех актуальных.

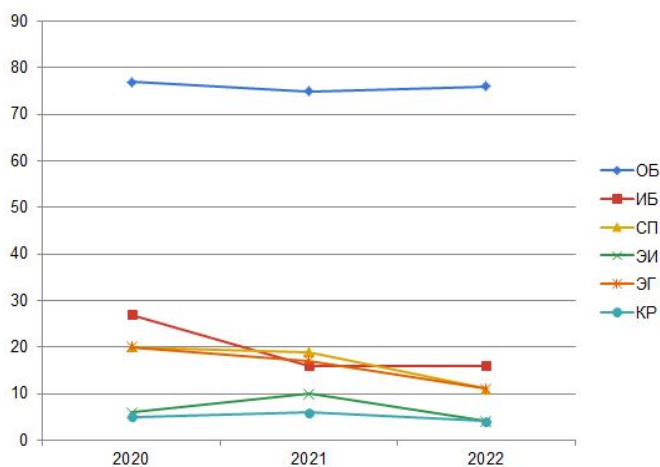
Если обратиться к данным за три года (рис. 1) то можно сделать вывод, что гипотеза о сокращении числа каналов, выдвинутая на предыдущем этапе исследования в 2021 г. подтверждается.

Рис. 1. Количество каналов электронного участия регионального уровня в динамике 2020–2022 гг. (данные ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО)

Начало данного процесса мы можем наблюдать по прошествии двух лет после запуска федерального канала – ПОС на ЕПГУ. В течение 2020 года после получения данных первого этапа мониторинга, региональные и муниципальные каналы, созданные в инициативном порядке, еще продолжали активно использоваться, в том числе появился ряд новых, зафиксированных в 2021 г., в связи с чем, общее число увеличилось. В то же время уже тогда было зафиксировано, что в ряде случаев ресурсы не обновлялись какое-то время.

Но поскольку, согласно методике, исключались из анализа только те ресурсы, которые не поддерживались модераторами более одного года, то говорить об их закрытии на тот момент было рано, и они были оценены как активные. Однако в 2022 г., через два года после объявления о создании ПОС и один год после подключения к ней всех регионов, сокращение инициативных каналов становится очевидным. Данное сокращение наблюдается в том числе на муниципальном уровне (рис. 2).

Рис. 2. Количество каналов электронного участия муниципального уровня в динамике 2020–2022 гг. (данные ЦТЭП ИДУ Университета ИТМО)

Данная тенденция не касается ресурсов о бюджете, поскольку они в меньшей степени были затронуты централизацией. В том числе публикация открытой информации о бюджетном процессе прямо регламентирована нормативно-правовыми актами Министерства финансов РФ, а каналы инициативного бюджетирования, хоть в ряде случаев и предполагают инициацию участия со стороны граждан, пока не были затронуты централизацией, повлекшей за собой их сокращение.

4. Заключение

По результатам исследования, представленного в статье, можно сформулировать следующие выводы:

Начиная с 2020 года в России активно стимулируется создание и развитие новых централизованных каналов взаимодействия с гражданами (платформа обратной связи и другие каналы), которые обеспечиваются в рамках функционирования централизованной и регионально распределенной системы ЦУР, что вызывает во многих случаях дублирование на региональном и муниципальном уровнях.

Результаты мониторинга в 2020–2022 гг. показали существенное сокращение в течение 2021 года каналов электронного участия, созданных и поддерживаемых по инициативе исполнительных органов государственной власти субъектов и муниципалитетов, что свидетельствует об усилении тенденций централизации и роли федерального центра в этих вопросах.

В связи с этим важной исследовательской задачей является комплексный анализ трансформации роли электронного участия как процесса принятия управленческих решений в России под влиянием централизации и распространении новых практик в контексте взаимодействия между уровнями исполнительной власти и внутренних трансформаций политико-управленческих процессов внутри аппарата управления и (б) специфики электронного взаимодействия органов власти и граждан.

На наш взгляд методика мониторингового исследования каналов электронного взаимодействия власти с гражданами может быть использована для выявления результативных ресурсов электронного участия в российских регионах и муниципалитетах. Определение региональных и муниципальных каналов электронного участия, имеющих развитую инфраструктуру и активную аудиторию, позволит провести работы по интеграции этих каналов с ПОС на ЕПГУ с учетом позитивного опыта других регионов, уже внедривших технологии такого взаимодействия и выстроивших соответствующие организационные процедуры.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

Литература

- [1] Постановление Правительства Российской Федерации от 16.11.2020 № 1844 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций “Диалог Регионы” на создание и обеспечение функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов и Правил создания и функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов». URL: <http://government.ru/docs/all/130918/> (дата обращения: 30.03.2022).
- [2] Создание муниципальных центров управления в России проработают до конца 2022 года // ТАСС. 15.04.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11158053> (дата обращения: 30.03.2022).
- [3] В Минцифры России подвели итоги работы платформы обратной связи в 2020 году // Минцифры России. 5.02.2021. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40354/> (дата обращения: 30.03.2022).
- [4] ЦУРы обработали за год более десяти миллионов обращений россиян // РИА Новости. 03.12.2021. URL: <https://ria.ru/20211203/tsur-1762014622.html> (дата обращения: 30.03.2022).
- [5] Михаил Мишустин назначил Дмитрия Чернышенко руководителем Координационного центра Правительства // Правительство РФ. 26 февраля 2021. – URL: <http://government.ru/news/41614/> (дата обращения: 30.03.2022).
- [6] Панфилов Г.О., Чугунов А.В., Кабанов Ю.А. Мониторинг ресурсов электронного участия: методика и некоторые результаты // Государство и граждане в электронной среде. Вып. 4 (Труды XXIII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2020). – СПб.: Университет ИТМО, 2020. С. 61–73. DOI: 10.17586/2541-979X-2020-4-61-73.
- [7] Кабанов Ю.А., Панфилов Г.О., Чугунов А.В. Мониторинг электронного участия в регионах России: результаты исследований 2020 – 2021 гг. // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 5 (Труды XXIV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2021, Санкт-Петербург, 24 – 26 июня 2021 г. Сборник научных статей). – СПб.: Университет ИТМО, 2021. С. 65 – 75. DOI: 10.17586/2541-979X-2021-5-65-75.
- [8] Busygina I. Russian Federalism // *Russia: Strategy, Policy and Administration* / Irvin Studin (ed.). – London: Palgrave Macmillan UK, 2018. P. 57–64. DOI: 10.1057/978-1-137-56671-3_5.
- [9] Chugunov A., Kabanov Y., Misnikov Y. Citizens versus the government or citizens with the government: A tale of two e-participation portals in one city - A case study of St. Petersburg, Russia // *ICEGOV '17: Proceedings of the 10th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance*, March 2017, New Delhi, India. – NY: ACM Press, 2017. P. 70–77. DOI: 10.1145/3047273.3047276.

- [10]Gritsenko D., Indukaev A. Digitalising City Governance in Russia: The Case of the ‘Active Citizen’ Platform // *Europe-Asia Studies*. 2021. Vol. 73 (6). P. 1102–1124. DOI: 10.1080/09668136.2021.1946013.
- [11]Kabanov Y., Sungurov A. E-government development factors: Evidence from the Russian Regions. // *Digital Transformation and Global Society*. DTGS 2016. Communications in Computer and Information Science, vol 674. Cham: Springer, 2016. P. 85–95. DOI: 10.1007/978-3-319-49700-6_10.
- [12]Gritsenko D., Zherebtsov M. E-Government in Russia: Plans, Reality, and Future Outlook // *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies* / Gritsenko, D., Wijermars, M., Kopotev, M. (eds) Cham: Palgrave Macmillan, 2021. С. 33-51. DOI: 10.1007/978-3-030-42855-6_3.
- [13]Трахтенберг А. Д. Переход к электронному правительству как инновация сверх // Информационные системы для научных исследований: Сборник научных статей. Материалы XV Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество». Санкт- Петербург, 10 – 12 октября 2012 г. СПб., 2012. С. 304-310.
- [14]Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- [15]Kabanov Y., Chugunov A. V. Electronic “pockets of effectiveness”: E-governance and institutional change in St. Petersburg, Russia // *Electronic Government*. EGOV 2017. Lecture Notes in Computer Science, vol 10428. – Cham: Springer, 2017. P. 386-398. DOI: 10.1007/978-3-319-64677-0_32.
- [16]White D. State capacity and regime resilience in Putin’s Russia // *International Political Science Review*. 2018. Vol. 39, № 1. P. 130-143. DOI: 10.1177/0192512117694481.
- [17]Miller G.J. The Political Evolution of Principal-Agent Models // *Annual Review of Political Science*. 2005. Vol. 8. P. 203 – 225. DOI: 10.1146/annurev.polisci.8.082103.104840.
- [18]Cai Y. Managed participation in China // *Political Science Quarterly*. 2004. Vol. 119 (3). P. 425-451. DOI: 10.2307/20202390.
- [19]Chen J.. *Useful Complaints: How petitions assist decentralized authoritarianism in China*. Lanham: Lexington Books, 2016.
- [20]Дьякова Е. Г. Переход к электронному правительству как процесс институциональной адаптации // *Антиномии*. 2011. №. 11. С. 235-252.
- [21]Pan J., Chen K. Concealing corruption: How Chinese officials distort upward reporting of online grievances // *American Political Science Review*. 2018. Vol. 112 (3). P. 602-620. DOI: 10.1017/S0003055418000205.
- [22]Мониторинг ресурсов электронного участия в России 2020 / Центр технологий электронного правительства ИДУ Университета ИТМО. СПб.: Университет ИТМО, 2020. 51 с. URL: <https://news.egov.itmo.ru/research-11-10.html> (дата обращения: 30.03.2022).
- [23]Электронное участие: концептуализация и практика реализации в России / Под ред. Чугунова А.В., Филатовой О.Г. СПб.: Алетейя, 2020. 254 с.

E-Participation in Russian Regions: Monitoring Results 2020-2022

G.O. Panfilov¹, A.V. Chugunov¹, Yu. A. Kabanov^{1,2}

¹ ITMO University,

² National Research University Higher School of Economics - St. Petersburg

Over the past few years, the e-participation system in Russia has been changing towards more centralization, with the leading role of the federal government in regional and municipal feedback channels development. This paper outlines some future avenues of an academic discussions, important for theoretical and empirical understanding of these changes.

The article presents the results of a monitoring study of e-participation in Russia, carried out by the E-Governance at ITMO University for three years (2020–2022). Six main types of e-participation channels, created by the regional and municipal authorities in Russia, were examined. The study was conducted according to the methodology developed in 2019–2020, which helps to make cross-regional and cross-platform comparisons. At the beginning of 2022, 194 relevant e-participation regional channels and 122 local channels were found and evaluated.

The monitoring made it possible to fix the quantity and quality dynamics of the channels for three years. As a result, a reduction in the number of such electronic participation channels was revealed, which indicates the strengthening of centralization trends and the role of the federal center in these matters. The article precedes a series of publications with a more detailed presentation and interpretation of the material collected over three years.

Keywords: electronic participation, electronic resources, portals, monitoring, rating

Reference for citation: Panfilov G.O., Chugunov A.V., Kabanov Yu.A. E-Participation in Russian Regions: Monitoring Results 2020-2022 // The State and Citizens in the Electronic Environment. Vol. 6 (Proceedings of the XXV International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2022, St. Petersburg, June 23-25, 2022). – St. Petersburg: ITMO University, 2021. P. 00 – 00. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-00-00.

References

- [1] Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 16.11.2020 № 1844 «Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya subsidii iz federal'nogo byudzhetna avtonomnoj nekommercheskoj organizacii po razvitiyu cifrovyh proektov v sfere obshchestvennyh svyazej i kommunikacij "Dialog Regiony" na sozdanie i obespechenie funkcionirovaniya v sub"ektah Rossijskoj Federacii centrov upravleniya regionov i Pravil sozdaniya i funkcionirovaniya v sub"ektah Rossijskoj Federacii centrov upravleniya regionov». URL: <http://government.ru/docs/all/130918/> (access date: 30.03.2022). (In Russian).
- [2] Sozdanie municipal'nyh centrov upravleniya v Rossii prorabotayut do konca 2022 goda // TASS. 15.04.2021. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/11158053> (access date: 30.03.2022). (In Russian).
- [3] V Mincifry Rossii podveli itogi raboty platformy obratnoj svyazi v 2020 godu // Mincifry Rossii. 5.02.2021. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40354/> (access date: 30.03.2022). (In Russian).
- [4] CURY obrabotali za god bolee desyati millionov obrashchenij rossiiyan // RIA Novosti. 03.12.2021. – URL: <https://ria.ru/20211203/tsur-1762014622.html> (access date: 30.03.2022). (In Russian).
- [5] Mihail Mishustin naznachil Dmitriya CHernyshenko rukovoditelem Koordinacionnogo centra Pravitel'stva // Pravitel'stvo RF. 26 fevralya 2021. – URL: <http://government.ru/news/41614/> (access date: 30.03.2022). (In Russian).
- [6] Panfilov G.O., Chugunov A.V., Kabanov Yu.A. Monitoring resursov elektronnoho uchastiya: metodika i nekotorye rezul'taty // Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoj srede. Vyp. 4 (Trudy XXIII Mezhdunarodnoj ob"edinennoj nauchnoj konferencii «Internet i sovremennoe obshchestvo», IMS-2020). SPb.: Universitet ITMO, 2020. S. 61–73. DOI: 10.17586/2541-979X-2020-4-61-73 (in Russian).
- [7] Kabanov Yu.A., Panfilov G.O., Chugunov A.V. Monitoring elektronnoho uchastiya v regeionach Rossii: rezul'taty issledovaniy 2020-2021 gg. // Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoj srede. Vyp. 5 (Trudy XXIV Mezhdunarodnoj ob"edinennoj nauchnoj konferencii «Internet i sovremennoe obshchestvo», IMS-2021). SPb.: Universitet ITMO, 2021. S. 65–75. DOI: 10.17586/2541-979X-2021-5-65-75. (in Russian).
- [8] Busygina I. Russian Federalism // Russia: Strategy, Policy and Administration / Irvin Studin (ed.). – London: Palgrave Macmillan UK, 2018. P. 57–64. DOI: 10.1057/978-1-137-56671-3_5.
- [9] Chugunov A., Kabanov Y., Misnikov Y. Citizens versus the government or citizens with the government: A tale of two e-participation portals in one city - A case study of St. Petersburg, Russia // ICEGOV '17: Proceedings of the 10th International Conference on Theory and

- Practice of Electronic Governance, March 2017, New Delhi, India. – NY: ACM Press, 2017. P. 70–77. DOI: 10.1145/3047273.3047276.
- [10] Gritsenko D., Indukaev A. Digitalising City Governance in Russia: The Case of the ‘Active Citizen’ Platform // *Europe-Asia Studies*. 2021. Vol. 73 (6). P. 1102–1124. DOI: 10.1080/09668136.2021.1946013.
- [11] Kabanov Y., Sungurov A. E-government development factors: Evidence from the Russian Regions. // *Digital Transformation and Global Society. DTGS 2016. Communications in Computer and Information Science*, vol 674. Cham: Springer, 2016. P. 85–95. DOI: 10.1007/978-3-319-49700-6_10.
- [12] Gritsenko D., Zherebtsov M. E-Government in Russia: Plans, Reality, and Future Outlook // *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies / Gritsenko, D., Wijermars, M., Kopotev, M. (eds) – Cham: Palgrave Macmillan, 2021. C. 33-51. DOI: 10.1007/978-3-030-42855-6_3.*
- [13] Trahtenberg A. D. Perekhod k elektronnomu pravitel'stvu kak innovaciya sverhu // *Informacionnye sistemy dlya nauchnyh issledovaniy: Sbornik nauchnyh statej. Materialy XV Vserossijskoj ob"edinennoj konferencii «Internet i sovremennoe obshchestvo».* Sankt-Peterburg, 10 – 12 oktyabrya 2012 g. SPb., 2012. S. 304-310. (in Russia).
- [14] Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki. – M.: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. (in Russia).
- [15] Kabanov Y., Chugunov A. V. Electronic “pockets of effectiveness”: E-governance and institutional change in St. Petersburg, Russia // *Electronic Government. EGOV 2017. Lecture Notes in Computer Science*, vol 10428. – Cham: Springer, 2017. P. 386-398. DOI: 10.1007/978-3-319-64677-0_32.
- [16] White D. State capacity and regime resilience in Putin’s Russia // *International Political Science Review*. 2018. Vol. 39, № 1. P. 130-143. DOI: 10.1177/0192512117694481
- [17] Miller G.J. The Political Evolution of Principal-Agent Models // *Annual Review of Political Science*. 2005. Vol. 8. P. 203 – 225. DOI: 10.1146/annurev.polisci.8.082103.104840.
- [18] Cai Y. Managed participation in China // *Political Science Quarterly*. 2004. Vol. 119 (3). P. 425-451. DOI: 10.2307/20202390
- [19] Chen J.. *Useful Complaints: How petitions assist decentralized authoritarianism in China.* Lanham: Lexington Books, 2016.
- [20] D'yakova E. G. Perekhod k elektronnomu pravitel'stvu kak process institucional'noj adaptacii // *Antinomii*. 2011. № 11. S. 235-252. (in Russia).
- [21] Pan J., Chen K. Concealing corruption: How Chinese officials distort upward reporting of online grievances // *American Political Science Review*. 2018. Vol. 112 (3). P. 602-620. DOI: 10.1017/S0003055418000205
- [22] *Monitoring resursov elektronno go uchastiya v Rossii 2020 / Centr tekhnologij elektronno go pravitel'stva IDU Universiteta ITMO.* SPb.: Universitet ITMO, 2020. 51 s. URL: <https://news.egov.itmo.ru/research-11-10.html> (access date: 30.03.2022). (in Russia).
- [23] *Elektronnoe uchastie: konceptualizaciya i praktika realizacii v Rossii / Pod red. CHugunova A.V., Filatovoj O.G.* SPb.: Aletejya, 2020. 254 s. (in Russia).

Инфраструктура электронного участия на уровне муниципальных образований Санкт-Петербурга: медиаэкологический подход

Ю. Г. Мисников¹, О. Г. Филатова^{1,2}

¹ Университет ИТМО, ² Санкт-Петербургский государственный университет ³

yuri.misnikov@gmail.com, o.filatova@spbu.ru

Аннотация

В статье представлены результаты исследования инфраструктуры электронного участия в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга с точки зрения медиаэкологии. Утверждается, что для того, чтобы получить более глубокое представление об эволюции сервисов электронного участия, предоставляемых с помощью цифровых средств, возникает необходимость в более тщательном учете основных свойств медиа, которые внедряют и размещают сервисы электронного участия — как с точки зрения технологий, так и с точки зрения социальной практики. Хотя до настоящего времени не выявлено никаких доказательств того, что электронное участие достаточно созрело для формирования целостной системы участия граждан на местном уровне, экосистемный подход, примененный в исследовании в качестве его теоретической основы, может иметь потенциал для объяснения некоторых из полученных результатов. Отмечается, что результаты исследования на низовом уровне в Санкт-Петербурге соответствуют и более широким глобальным тенденциям, таким как доминирование предоставления информации и отставание интерактивных форм электронного участия (сотрудничества, делиберации и участия в принятии решений) в муниципалитетах во всем мире. В исследовании также выявлено, что размер муниципального образования практически не влияет на набор доступных сервисов электронного участия.

Ключевые слова: электронное участие, сервис, медиа, муниципальное образование, экосистемный подход, медиаэкология

Библиографическая ссылка: Мисников Ю.Г., Филатова О.Г. Инфраструктура электронного участия на уровне муниципальных образований Санкт-Петербурга: медиаэкологический подход // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 6 (Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2022, Санкт-Петербург, 23–25 июня 2022 г. Сборник научных статей). – СПб.: Университет ИТМО, 2022. С. 00 – 00. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-00-00.

1. Введение

Исследование, представленное ниже, является продолжением других исследований авторов, связанных с рассмотрением сервисов электронного участия на низовом уровне с точки зрения экосистемного подхода [1; 2]. В этих исследованиях уже было отмечено, что изучение электронного участия может выиграть, если выйти за пределы изучения сайтов, которые обычно содержат инструменты электронного участия и уделить больше внимания социальным сетям и, особенно, технологиям мобильной связи. Мы предположили, опираясь на концепцию медиаэкологии Маршалла Маклюэна [3], что тип медиасреды, в которую встроены инструменты электронного участия, так же важен, как и сами инструменты.

На наш взгляд, медиаэкологический подход часто отсутствует в исследованиях электронного участия, что не позволяет преодолеть ограничения, налагаемые сосредоточением внимания только на самих инструментах электронного участия. Данный подход стремится раскрыть преимущества экологического мышления и начать рассматривать не только отдельные инструменты, но и отношения между ними как можно более системно. Важным подкреплением медиаэкологического мышления является обращение к идее «информационной экологии», которая делает упор на локальные микроконтексты, а не на макроуровни, где сосуществуют разрозненные акторы и технологии [4].

Целью данной статьи является стремление дополнительно обосновать необходимость применения медиаэкологического подхода к исследованию электронного участия на примере всех 111 муниципальных образований Санкт-Петербурга, города федерального значения. Сначала будет дан обзор литературы по медиаэкологии, затем описана методология, использованная для анализа сервисов электронного участия на муниципальном уровне, и далее – результаты такого анализа. В последнем разделе представлены ответы на следующие 4 основные вопросы исследования:

(1) Какие типы медиа преобладают на муниципальном уровне для обеспечения электронного участия?

(2) Какие виды сервисов электронного участия преобладают на муниципальном уровне в зависимости от типа и статуса медиа?

(3) Влияет ли размер муниципального образования на количество используемых сервисов электронного участия?

(4) Предполагают ли собранные данные наличие экосистемы электронного участия в той или иной форме?

2. Теоретическая рамка исследования

Электронное участие как исследовательская область в отношении принятия решений в правительстве продолжает значительно расширяться в разных странах [5-15], поддерживая тенденцию роста, обнаруженную десять лет назад [16].

При рассмотрении последних исследований электронного участия нас особенно интересует понимание роли медиа как посредника коммуникации, т. е. в экологическом смысле Маршала Маклюэна [3], который позже Нил Постман метафорически назвал «медиаэкологией» [17]. В работе Кейт Милберри [18] утверждается, что понятие медиа «относится к коммуникационным технологиям» как конкретным формам коммуникации, тогда как термин «экология» опирается «на теорию систем и кибернетику», чтобы понять «интеграцию, взаимозависимость и динамизм средств массовой информации и технологий в человеческих делах». С этой точки зрения она определяет концепцию медиаэкологии как изучение сложных коммуникационных систем как среды: «медиаэкология возникла как метадисциплина, которая ищет интегрированные и целостные объяснения последствий, вызванных столкновением технологий, культуры и сознания». Стивен Коулман и др. подчеркивают интегративный потенциал теоретической основы медиаэкологии для объяснения способов, которыми граждане и их сообщества коммуникативно интегрируются друг с другом посредством, например, новостной экологии в конкретных областях сообщества [19, р. 4]. С точки зрения электронного участия, которое сосредоточено на гражданах, заинтересованных в том, чтобы влиять на формирование политики в целом и на благополучие сообществ, в которых они живут, в частности, нас особенно интересует такой потенциал медиаэкологии в осуществлении социального контроля и изменений как способ интеграции сообщества. Системная сторона понятия экологии, которая резонирует с электронным участием, заключается в разнообразии его частей, отношений, опыта, которые совместно развиваются как уникальная система.

В этом свете мы можем представить, например, муниципалитеты как уникальные административные, управленческие и экологические системы, которые строят и используют технологии электронного участия для обеспечения коммуникативного взаимодействия между властью и гражданами. Однако пока недостаточно знаний, чтобы понять, до какой степени эта среда участия является системной; то есть какие медиатеchnологии представлены на муниципальном уровне и взаимосвязаны ли они?

В известных существующих исследованиях электронного участия в разных странах практически не учитывается ни роль медиа, ни экосистемный подход. Исследование электронного участия с точки зрения системной медиаэкологии, по-видимому, привлекает мало внимания, при этом основное внимание уделяется социальным сетям и гораздо меньше сайтам и мобильным технологиям.

Исследование веб-сайтов местных органов власти обычно рассматривает инструменты, которые обеспечивают три наиболее приемлемых параметра электронного участия с помощью Индекса электронного участия ООН, включающего (1) представление электронной информации (информирование), (2) электронные консультации и (3) электронное принятие решений (электронное участие в политике) [20]. Существуют и другие показатели электронного участия, которые учитывают другие особенности участия общественности, чтобы более сильно подчеркнуть аспект расширения прав и возможностей, например, Citizen Web Empowerment Index [21], разработанный специально для оценки электронного участия на муниципальном уровне. Это значительно более богатая оценочная метрика, включая мобильные медиа-сервисы, которые становятся все более важными для общения между правительством и гражданами. Так, Костопулу и др. [22] применили подход CWEI для оценки веб-сайтов 325 греческих муниципалитетов с точки зрения развития электронного участия в 2017-2018 гг. Исследование показывает, что хотя 60% муниципалитетов присутствуют в социальных сетях, только 7% из них используют мобильные каналы. В целом, результаты показывают, что использование инструментов Веб 2.0, электронных консультаций и электронного принятия решений продвигается медленнее по сравнению с более развитыми сервисами информирования, при этом «...только несколько онлайн-инструментов, повышающих доверие граждан к местному самоуправлению, используются для сбора информации от граждан» (чат и социальные сети)» [22, р. 323]. Другие исследования предоставляют аналогичные данные, утверждая, что внедрение платформ электронного участия местными органами власти для вовлечения граждан в процессы консультаций и принятия решений остается сложной задачей [23], когда муниципалитеты в основном используют свои веб-сайты для информирования граждан о текущих процессах принятия решений, тем самым укрепляя традиционную представительную демократию, а не углубляя демократическое участие граждан.

3. Методология

3.1. Основные гипотезы исследования

Основная цель проведенного количественного исследования — получить эмпирические данные об электронном участии как медиаэкологической системе на муниципальном (низовом) уровне. Рабочие гипотезы исходят из того, что у муниципальных властей чаще всего есть планы, мотивация и ресурсы для разработки и внедрения инструментов электронного участия для взаимодействия с жителями. В литературе, как указано выше, содержится множество сообщений о том, что внедрение новых технологий (скажем, интерактивных технологий Веб 2.0, включая социальные сети) достигло местного уровня и продолжается уже некоторое время. Однако мы не знаем, до какой степени процесс внедрения технологий достаточно созрел, чтобы создать целостную инфраструктуру электронного участия в техническом, социальном и человеческом плане в качестве медиасистемы, когда ее различные компоненты дополняют друг друга.

Иными словами, речь идет не только о внедрении конкретных инструментов электронного участия, но и о внедрении их в медиа, что в наибольшей степени обеспечивает максимальную эффективность участия. Мы также не знаем, в какой степени электронное участие включает в себя другие инструменты электронного участия, доступные на других уровнях – городском, региональном или национальном. Наконец, неясно, какой тип медиа является предпочтительным при предоставлении возможностей электронного участия для жителей муниципальных образований.

3.2. Кейсы

Исследование основано на кейсах всех муниципальных образований (МО) внутри Санкт-Петербурга. Территория Санкт-Петербурга делится на 111 внутригородских муниципальных образований¹ (внутригородские территории города федерального значения), которые включают 81 муниципальный округ, 9 городов и 21 поселок. Каждое внутригородское муниципальное образование было изучено с точки зрения его инфраструктуры электронного участия. Выявлялись все доступные сервисы электронного участия с учетом основного типа медиа, включая его статус, т. е. (1) официальные, созданные муниципальными властями, (2) общественные (используемые неправительственными организациями) и (3) личные (используемые частными лицами). При этом мы выделили три типа технологий электронного участия (и соответствующих медийных сред): (а) в виде интернет-сайтов (веб-технологий); (б) в виде страниц в социальных сетях (сайтов социальных медиа); и (с) в виде мобильных приложений (мессенджеров/приложений).

Все эмпирические данные были собраны таким образом, чтобы это исследование методологически можно было воспроизвести для изучения любых других муниципалитетов.

Исследование проводилось в марте-апреле 2022 года.

Из исследования исключены социальные сети Facebook и Instagram, так как они принадлежат компании Meta, деятельность которой запрещена в России.

3.3 Сервисы электронного участия

Мы называем муниципальные инструменты электронного участия «сервисами», поскольку во многих случаях участие граждан подпадает под более широкие планы по предоставлению электронных услуг. Под этим термином подразумевается любой технически реализованный инструмент коммуникации и взаимодействия органов власти и жителей муниципального образования. Это может быть канал или чат в мобильном приложении, раздел меню сайта, группа в социальной сети. Особое внимание было уделено изучению разделов меню муниципальных сайтов, содержащих конкретные разделы, направленные на общение и взаимодействие с жителями. С этой точки зрения каждый раздел/подраздел меню рассматривался как самостоятельный сервис предоставления информации, консультации, сотрудничества или принятия решения. Наличие страницы в социальных сетях также рассматривалось как отдельный сервис. Сервисы мобильных приложений оценивались аналогичным образом.

Для классификации сервисов электронного участия мы использовали в качестве основы методологию индекса электронного участия Организации Объединенных Наций, включающего информирование, общественные консультации как возможность обсуждения местных проблем в форме общественных консультаций и слушаний (электронная консультация) и непосредственное участие в принятии решений, такое, например, как голосование. Однако мы немного модифицировали эту схему двумя способами: (1) трансформировали электронную консультацию в сотрудничество, включив в него

---

1 Полный список представлен на официальном сайте Правительства Санкт-Петербурга (https://www.gov.spb.ru/gov/self_gov/).

другие формы двусторонней интерактивной совместной деятельности и (2) добавили еще один сервис – общественное обсуждение (делиберация) как неотъемлемый аспект демократии участия.

3.4. Размеры муниципалитетов

Численность населения, проживающего на территории внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга, колеблется от 200 чел. (поселок Серово) до 136 тыс. чел. (город Колпино). В границах одного района располагаются от одного (Кронштадтский район) до 11 внутригородских муниципальных образований (Курортный район) [24]. Учитывая разнообразие муниципального устройства такого крупного города, города федерального значения, как Санкт-Петербург, мы предприняли дополнительный анализ, чтобы определить, есть ли закономерность между количеством жителей и количеством сервисов, доступных в отдельных муниципальных образованиях. Для этого все муниципальные образования были разделены на следующие шесть групп:

- более 100 тысяч жителей;
- 50-100 тыс. жителей;
- 25-50 тыс. жителей;
- 10-25 тыс. жителей;
- 5-10 тыс. жителей;
- менее 5 тыс. жителей.

Представляется необходимым более внимательно изучить влияние размера муниципалитета, поскольку небольшие муниципалитеты обычно обладают меньшими техническими, финансовыми и человеческими ресурсами для разработки сервисов электронного участия. В этом контексте цель состояла в том, чтобы понять, формируют ли более крупные и потенциально более богатые муниципалитеты более целостную среду электронного участия, которую можно было бы рассматривать как опосредованную экосистему электронного участия. Также предполагалось, что небольшие муниципалитеты с меньшими ресурсами будут использовать сервисы электронного участия, развернутые на общегородском или национальном уровне. Таким образом, каждая размерная группа была усреднена, чтобы получить воображаемый типизированный муниципалитет, характерный для каждой группы; это сопровождалось аналогичным процессом усреднения доступных средств электронного участия.

4. Результаты

4.1. Медиаресурсы электронного участия по типу и статусу

На конец апреля 2022 г. в 111 муниципальных образованиях Санкт-Петербурга было доступно 475 медиа ресурсов (табл. 1).

Таблица 1. Количество медиа ресурсов, доступных в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга

Тип медиа	Статус		
	Официальные	Общественные	Личные
Веб-сайты	110	15	0
Страницы в социальных сетях	129	104	5
Мобильные приложения	105	7	1
Всего	344	126	6

На рис. 1 и рис. 2 показано, как медиа ресурсы распределяются по типу и статусу во всех муниципалитетах.

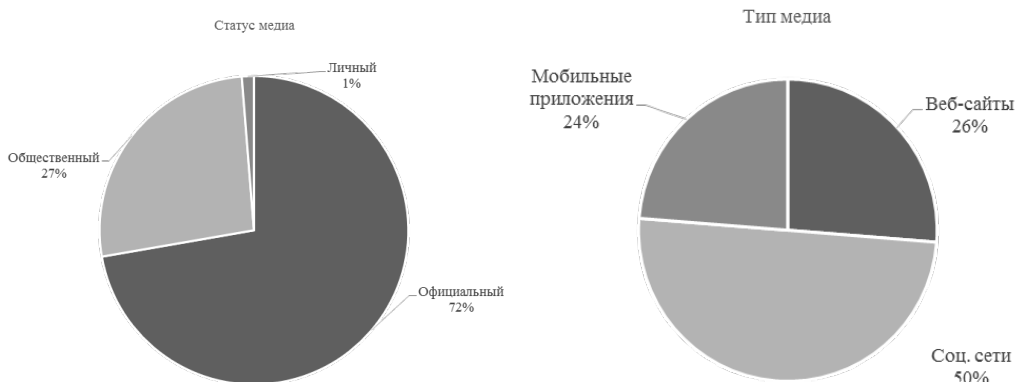

Рис. 1. Распределение медиа ресурсов по типам

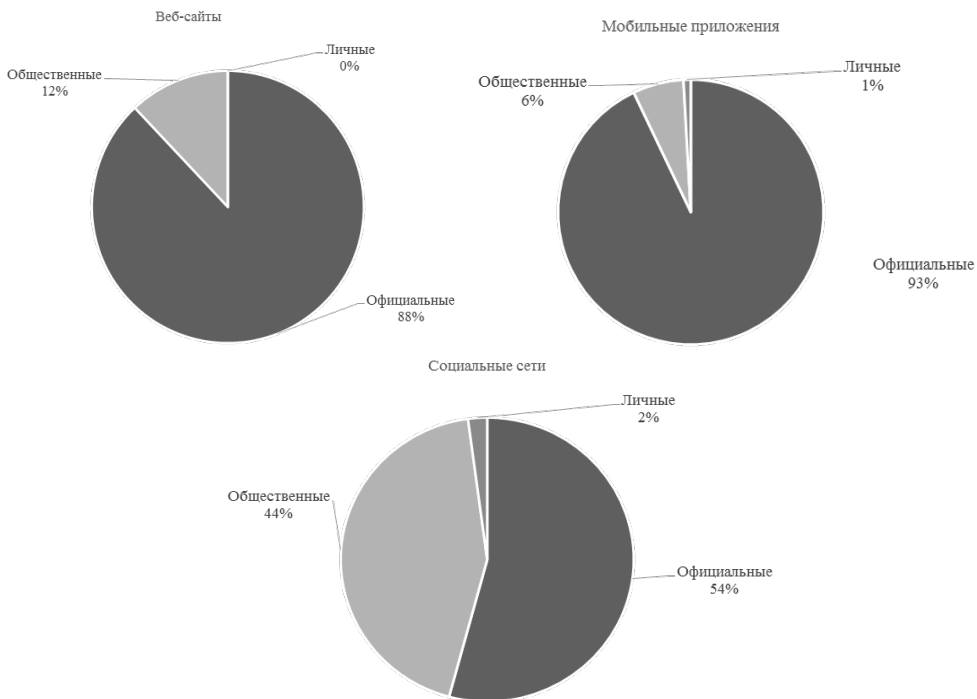

Рис. 2. Распределение медиа ресурсов по статусу

Что касается статуса медиа, то в категории веб-сайтов и мобильных приложений с большим отрывом доминируют официальные ресурсы муниципальных органов власти, составляющая около девяти десятков всех ресурсов. Монополия органов местного самоуправления снижается до 54% в социальных сетях, где существенно возрастает роль неофициальных страниц, достигая 44%. Есть несколько веб-сайтов (12%) и мобильных приложений (6%), которые не принадлежат муниципалитетам.

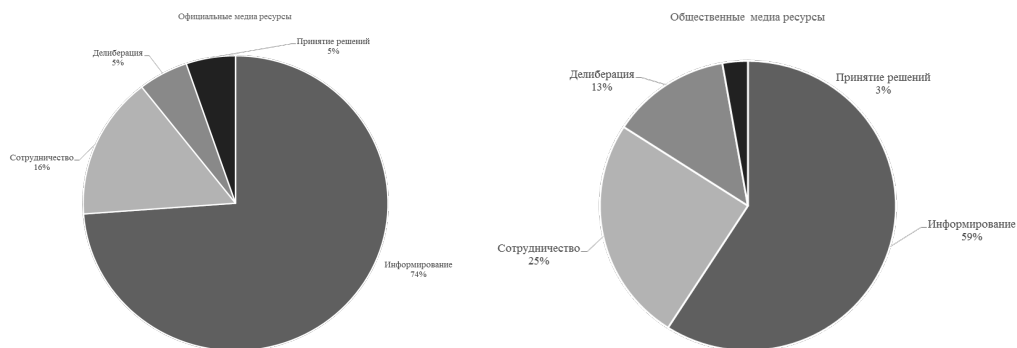
4.2. Сервисы электронного участия по статусу медиа

Сбор данных, относящихся к каждой группе из четырех сервисов электронного участия, по техническим причинам был ограничен официальными и общедоступными медиа-ресурсами, за исключением личных. Таблица 2 показывает, что было идентифицировано почти четыре тысячи сервисов. Подавляющее большинство из них относятся к тем разделам меню веб-сайта, которые имеют отношение к информированию граждан.

Таблица 2. Количество сервисов электронного участия по статусу СМИ

Тип сервиса	Статус медиа		Общее число сервисов
	Официальные	Общественные	
Информирование	2,351	384	2,735
Сотрудничество	497	163	660
Делиберация	169	85	254
Принятие решений	167	18	185
Всего	3,184	650	3,834

На рис. 3 видно, что для официальных муниципальных медиа ресурсов до трех четвертей всего электронного участия связано с предоставлением информации (74%), тогда как распространение общественных консультаций и других форм двусторонней обратной связи значительно меньше — 16%; существует очень мало услуг, связанных с организацией общественных обсуждений и участием в принятии решений (по 5%).

Рис. 3. Распределение услуг электронного участия по статусу медиа

Для общественных ресурсов роль интерактивных форм взаимодействия с общественностью, как консультаций, так и дискуссий, более важна во многом благодаря преобладанию социальных сетей, которые, как упоминалось ранее, являются основными медиа ресурсами, используемыми общественностью. Тем не менее, предоставление информации по-прежнему доминирует (59%).

4.3. Сервисы электронного участия в зависимости от размера муниципалитета

В таблице 3 представлено общее количество услуг электронного участия по основным группам населения.

Хотя эти данные сами по себе иллюстративны, отметим, что один из основных методологических подходов, реализованных в этом исследовании, заключался в построении

воображаемого типичного муниципалитета в зависимости от количества его жителей и, таким образом, в создании возможности для сравнения с другими городами и странами.

Таблица 3. Количество услуг электронного участия в разбивке по численности населения

Численность населения			Кол-во МО	Всего сервисов	Тип сервиса			
Группа МО (тыс)	Средний размер МО	Всего жителей			Информирование	Сотрудничество	Делиберация	Принятие решений
> 100	123,297	986,378	8	252	196	35	16	5
50-100	68,707	3,229,228	47	1,318	977	207	67	67
25-50	42,425	933,351	22	689	475	120	38	56
10-25	18,388	275,820	15	436	327	68	20	21
5-10	7,656	30,623	4	142	102	16	13	11
< 5	2,009	30,137	15	381	293	55	20	13
Всего			111	3218	2,370	501	174	173

Таблица 4 ниже содержит такую усредненную информацию.

Таблица 4. Среднее количество сервисов электронного участия по среднему размеру муниципалитета

Средний размер МО (в тысячах жителей)	Сервисы электронного участия			
	Информирование	Сотрудничество	Делиберация	Принятие решений
123.3	24.5	4.4	2.0	0.6
68.7	20.8	5.5	1.4	2.5
42.4	21.6	5.5	1.7	2.5
18.4	21.8	4.5	1.3	1.4
7.7	25.5	4.0	3.3	2.8
2.0	19.5	3.7	1.3	0.9

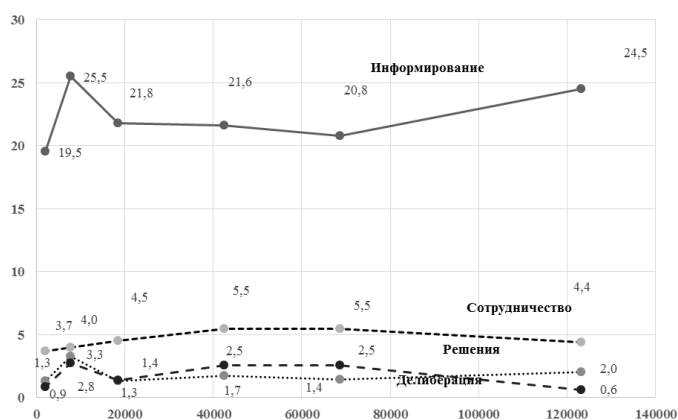

Рис. 4. Распределение сервисов электронного участия (вертикальная ось) по численности населения (горизонтальная ось, в тысячах жителей)

Эти усредненные данные указывают на относительно небольшое количество услуг электронного участия, доступных на один усредненный муниципалитет, и небольшие

различия в размерах муниципалитетов. Рисунок 4 подтверждает, что количество услуг мало зависит от количества жителей.

5. Заключение и направления дальнейших исследований

Проведенное исследование, как и наши предыдущие исследования [1; 2], показало, что на уровне муниципальных образований Санкт-Петербурга предоставление информации жителям в качестве одного из сервисов электронного участия по-прежнему явно доминирует над другими и существенно не меняется с увеличением размера муниципалитета. Более того, пропорции между разными типами электронного участия также видимым образом не меняются. Как правило, электронное информирование представлено в среднем 20-25 сервисами, большинство из которых размещены на муниципальных сайтах и в социальных сетях. Роль мобильных приложений пока невелика. Количество других сервисов не превышает пяти (это касается сотрудничества), в то время как делебация и принятие решений обычно представлены одним-тремя сервисами.

В свете вышеизложенного, ответы на основные вопросы исследования могут быть следующими:

1. На муниципальном уровне в Санкт-Петербурге возможности электронного участия обеспечивают, во-первых, традиционные муниципальные сайты, во-вторых, социальные сети.

2. Среди сервисов электронного участия с большим отрывом лидирует предоставление информации, за ним следуют гораздо менее доступные сервисы электронного сотрудничества и делебации, и особенно мало сервисов электронного принятия решений; последние обычно размещаются в социальных сетях, часто за пределами официальных муниципальных ресурсов.

3. Размер муниципального образования по числу жителей незначительно влияет на доступность и объем услуг электронного участия.

4. Существует мало достоверных свидетельств того, что муниципалитеты построили технологически и социально зрелые инфраструктуры, опосредованные электронным участием, которые можно было бы рассматривать как целостные экосистемы участия и расширения прав и возможностей граждан.

Необходимо отметить, что в целом выявленные тенденции согласуются с другими исследованиями в различных странах, где такие исследования проводились, как описано в разделе 2. Практически везде более интерактивные формы электронного участия доступны в гораздо меньшей степени по сравнению с информационным обеспечением.

Однако возникает вопрос, является ли это несоответствие в каком-то смысле «нормальным», т. е. реально ли требовать большей интерактивности во взаимодействии власти и общества, принимая во внимание как технологические, так и социальные проблемы (например, доверие к власти)? Вероятно, ответить на этот вопрос помогут дополнительные качественные исследования, проведенные с помощью опросов и фокус-групп с жителями муниципальных образований, а также интервью с должностными лицами муниципалитетов. Это одно из ограничений исследования, которое предполагается устранить в будущем.

Требуется дополнительное разъяснение на следующем этапе исследования и вопрос: учитывают ли планирование и разработка электронного участия преимущества, связанные с конкретными типами медиа?

Еще один момент требует уточнения, а именно: некоторые общественные ресурсы, доступные в социальных сетях, на самом деле видимо «спонсируются» или поощряются муниципальными чиновниками. Если это так, то доминирование официальных ресурсов будет еще сильнее. Этот вывод в целом также согласуется с глобальными выводами, описанными в обзорах ООН по электронному правительству. Например, было установлено, что 72% сервисов, направленных на подачу жалоб или обмен мнениями с органами местного самоуправления реализуются через городские порталы [20].

Это исследование показало, что непосредственное участие в принятии решений является наименее доступной услугой, обычно представленной в среднем максимум одной или двумя услугами, а это означает, что во многих муниципалитетах такая услуга просто отсутствует. Данные ООН также указывают на тот факт, что только 17% опрошенных городских порталов предлагают инструменты или системы онлайн-голосования для облегчения участия людей в принятии решений местными органами власти. Разумно предположить, что жители даже небольших муниципальных образований имеют доступ к таким общегородским услугам. Однако, чтобы понять, так ли это, требуются дальнейшие исследования и уточнения.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>). Авторы также выражают благодарность магистрантам 1 курса Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ за помощь в сборе данных.

Литература

- [1] Misnikov Y., Filatova O., Trutnev D. Empirical Modeling of e-Participation Services as Media Ecosystems // *Social Computing and Social Media: Experience Design and Social Network Analysis*. НСП 2021. Lecture Notes in Computer Science. Springer, Cham. 2021. Vol. 12774. DOI: 10.1007/978-3-030-77626-8_6.
- [2] Мисников Ю.Г. Филатова О.Г. Развитие сервисов электронного участия на уровне местного самоуправления: медиаэкологический подход // *Информационная безопасность регионов России (ИБРР-2021)*. XII Санкт-Петербургская межрегиональная конференция. Санкт-Петербург, 27-29 октября 2021 г.: *Материалы конференции / СПОИСУ*. – СПб., 2021. С. 30-32.
- [3] Маклюэн М. Понимание медиа. – М.: Кучково поле, 2011. 464 с.
- [4] Nardi B., O'Day V. *Information Ecologies: Using Technology with Heart*. MIT Press. 2000. 251 p.
- [5] Steinbach M., Wilker N, Sabrina Schöttle S. E-participation on the local level – A census survey approach for researching its implementation // *Journal of Information Technology & Politics*. 2020. Vol. 17 (1). P. 12-32, DOI: 10.1080/19331681.2019.1676361.
- [6] Carrizales T. Functions of E-Government: A Study of Municipal Practices // *State & Local Government Review*. 2008. Vol. 40 (1). P. 12–26.
- [7] Ganapati S., Reddick C. G. The use of ICT for open government in U.S. municipalities: Perceptions of chief administrative officers // *Public Performance & Management Review*. 2014. Vol. 37 (3). P. 365–87. DOI: 10.2753/Pmr1530-9576370302.
- [8] Royo S., Yetano A. “Crowdsourcing” as a tool for e-participation: Two experiences regarding CO2 emissions at municipal level // *Electronic Commerce Research*. 2015. Vol. 15 (3). P. 323–48. DOI: 10.1007/s10660-015-9183-6.
- [9] Karamagioli E., Koulolias V. Challenges and barriers in implementing e-participation tools. One year of experience from implementing Gov2demoss in 64 municipalities in Spain // *International Journal of Electronic Governance*. 2008. Vol. 1 (4). P. 434–51. DOI: 10.1504/IJEG.2008.022070.
- [10] Lev-On A., Steinfeld N. Local engagement online: Municipal Facebook pages as hubs of interaction // *Government Information Quarterly*. 2015. Vol. 32 (3). P. 299–307. DOI: 10.1016/j.giq.2015.05.007.

- [11] Höchtel J., Parycek P., Sachs M. E-participation readiness of Austrian municipalities // *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2011. Vol. 5 (1). P. 32–44. DOI: 10.1108/17506161111114635.
- [12] Sobaci M.Z., Eryigit K.Y. Determinants of E-democracy adoption in Turkish municipalities: An analysis for spatial diffusion effect // *Local Government Studies*. 2015. Vol. 41 (3). P. 445–69. DOI: 10.1080/03003930.2014.995296.
- [13] van Veenstra A.F., Janssen M., Boon A. Measure to improve: A study of eParticipation in Frontrunner Dutch Municipalities // *ePart 2011: 3rd IFIP WG 8.5 international conference*, ed. E. Tambouris, A. Macintosh, and H. de Bruijn, LNCS. New York: Springer. 2011. Vol. 6847. P. 157–68.
- [14] Capineri C., Calvino C., Romano A. Citizens and Institutions as Information Prosumers. The Case Study of Italian Municipalities on Twitter // *International Journal of Spatial Data Infrastructures Research*. 2015. Vol. 10. P. 1–26. DOI: 10.2902/1725–0463.2015.10.art1.
- [15] Christensen H. S. Broadening Democratic Participation? An exploratory study of e-democracy in 188 Finnish municipalities // *Scandinavian Journal of Public Administration*. 2013. Vol. 17 (3). P. 3–21.
- [16] Susha I., Grönlund Å. eParticipation research: Systematizing the field // *Government Information Quarterly*. 2012. Vol. 29 (3). P. 373–82. DOI: 10.1016/j.giq.2011.11.005.
- [17] Postman N. *The reformed English curriculum // High school 1980: The shape of the future in American secondary education*. N.Y.: Pitman, 1970. P. 160-168.
- [18] Milberry K. *Media Ecology // Oxford Bibliographies*. 2012. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756841/obo-9780199756841-0054.xml#obo-9780199756841-0054-bibItem-0007> (дата обращения: 12.05.2022).
- [19] Coleman S., Thumim N., Birchall C., Firmstone J., Moss G., Parry K., Stamper J., Blumler J.G. *The Mediated City: The News in a Post-Industrial Context*. London: Zed Books Ltd, 2016. DOI: 10.5040/9781350251113.
- [20] UN E-government survey. 2020. URL: <https://publicadministration.un.org/en/research/un-e-government-surveys> (дата обращения: 12.05.2022).
- [21] Buccoliero L., Bellio E. Citizens web empowerment in European municipalities // *Journal of E-governance*. 2010. Vol. 33(4). P. 225-236. DOI: 10.3233/GOV-2010-0232.
- [22] Costopoulou C., Ntaliani M., Ntalianis F. Evolution of e-participation in Greek local government // *Information Polity*. 2021. Vol. 26 (3). P. 311-325. DOI: 10.3233/IP-190174.
- [23] Naranjo-Zolotova M., Oliveira T., Casteleyn S., Iranic Z. Continuous usage of e-participation: The role of the sense of virtual community // *Government Information Quarterly*. 2019. Vol. 36 (3). 2019. P. 536-545. DOI:10.1016/j.giq.2019.05.009.
- [24] Административно-территориальное устройство Санкт-Петербурга // Совет муниципальных образований Санкт-Петербурга. URL: <https://www.sovetmo-spb.ru/msu/administrativno-territorialnoe-ustroystvo-sankt-peterburga/> (дата обращения 14.05.2022).

Infrastructure of Electronic Participation at the Level of St. Petersburg Municipalities: Media Ecological Approach

Yu. G. Misnikov¹, O. G. Filatova^{1,2},

¹ ITMO University, ² Saint Petersburg State University

The article presents the results of a study of the infrastructure of electronic participation in the municipalities of St. Petersburg from the point of view of media ecology. It is argued that in order to gain a deeper understanding of the evolution of e-participation services delivered through digital means, there is a need to take a closer look at the underlying properties of the media that implement

and host e-participation services, both in terms of technology and point of view of social practice. Although no evidence has yet been found that e-participation is mature enough to form a coherent system of citizen participation at the local level, the ecosystem approach used as its theoretical basis in the study may have the potential to explain some of the findings. It is noted that the results of the study at the grassroots level in St. Petersburg are also in line with broader global trends, such as the dominance of information provision and the lagging behind of interactive forms of e-participation (cooperation, deliberation and participation in decision-making) in municipalities around the world. The study also found that the size of the municipality has little to no effect on the range of e-participation services available.

Keywords: electronic participation, service, media, municipality, ecosystem approach, media ecology

Reference for citation: Misnikov Y., Filatova O. Infrastructure of Electronic Participation at the Level of St. Petersburg Municipalities: Media Ecological Approach // *The State and Citizens in the Electronic Environment*. Vol. 6 (Proceedings of the XXV International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2022, St. Petersburg, June 23-25, 2022). – St. Petersburg: ITMO University, 2021. P. 00 – 00. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-00-00.

References

- [1] Misnikov Y., Filatova O., Trutnev D. Empirical Modeling of e-Participation Services as Media Ecosystems // *Social Computing and Social Media: Experience Design and Social Network Analysis*. HCII 2021. Lecture Notes in Computer Science. Springer, Cham. 2021. Vol. 12774. DOI: 10.1007/978-3-030-77626-8_6.
- [2] Misnikov Yu.G. Filatova O.G. Development of e-participation services at the level of local government: media-ecological approach // *Information security of Russian regions (ISRR-2021)*. XII St. Petersburg Interregional Conference. St. Petersburg, October 27-29, 2021: Conference Proceedings / SPOISU. - St. Petersburg, 2021. P. 30-32. (In Russian).
- [3] Marshall McLuhan M. *Understanding media: The extensions of man* (Critical Ed., W. T. Gordon, Ed.). 2003.
- [4] Nardi B., O'Day V. *Information Ecologies: Using Technology with Heart*. MIT Press. 2000. 251 p.
- [5] Steinbach M., Wilker N, Sabrina Schöttle S. E-participation on the local level – A census survey approach for researching its implementation // *Journal of Information Technology & Politics*. 2020. Vol. 17 (1). P. 12-32, DOI: 10.1080/19331681.2019.1676361.
- [6] Carrizales T. Functions of E-Government: A Study of Municipal Practices // *State & Local Government Review*. 2008. Vol. 40 (1). P. 12–26.
- [7] Ganapati S., Reddick C. G. The use of ICT for open government in U.S. municipalities: Perceptions of chief administrative officers // *Public Performance & Management Review*. 2014. Vol. 37 (3). P. 365–87. DOI: 10.2753/Pmr1530-9576370302.
- [8] Royo S., Yetano A. “Crowdsourcing” as a tool for e-participation: Two experiences regarding CO2 emissions at municipal level // *Electronic Commerce Research*. 2015. Vol. 15 (3). P. 323–48. DOI: 10.1007/s10660-015-9183-6.
- [9] Karamagioli E., Koulolias V. Challenges and barriers in implementing e-participation tools. One year of experience from implementing Gov2demoss in 64 municipalities in Spain // *International Journal of Electronic Governance*. 2008. Vol. 1 (4). P. 434–51. DOI: 10.1504/IJEG.2008.022070.
- [10] Lev-On A., Steinfeld N. Local engagement online: Municipal Facebook pages as hubs of interaction // *Government Information Quarterly*. 2015. Vol. 32 (3). P. 299–307. DOI: 10.1016/j.giq.2015.05.007.

- [11]Höchtel J., Parycek P., Sachs M. E-participation readiness of Austrian municipalities // *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2011. Vol. 5 (1). P. 32–44. DOI: 10.1108/17506161111114635.
- [12]Sobaci M.Z., Eryigit K.Y. Determinants of E-democracy adoption in Turkish municipalities: An analysis for spatial diffusion effect // *Local Government Studies*. 2015. Vol. 41 (3). P. 445–69. DOI: 10.1080/03003930.2014.995296.
- [13] van Veenstra A.F, Janssen M., Boon A. Measure to improve: A study of eParticipation in Frontrunner Dutch Municipalities // *ePart 2011: 3rd IFIP WG 8.5 international conference*, ed. E. Tambouris, A. Macintosh, and H. de Bruijn, LNCS. New York: Springer. 2011. Vol. 6847. P. 157–68.
- [14]Capineri C., Calvino C., Romano A. Citizens and Institutions as Information Prosumers. The Case Study of Italian Municipalities on Twitter // *International Journal of Spatial Data Infrastructures Research*. 2015. Vol. 10. P. 1–26. DOI: 10.2902/1725–0463.2015.10.art1.
- [15]Christensen H. S. Broadening Democratic Participation? An exploratory study of e-democracy in 188 Finnish municipalities // *Scandinavian Journal of Public Administration*. 2013. Vol. 17 (3). P. 3–21.
- [16]Susha I., Grönlund Å. eParticipation research: Systematizing the field // *Government Information Quarterly*. 2012. Vol. 29 (3). P. 373–82. DOI: 10.1016/j.giq.2011.11.005.
- [17]Postman N. *The reformed English curriculum // High school 1980: The shape of the future in American secondary education*. N.Y.: Pitman, 1970. P. 160-168.
- [18]Milberry K. *Media Ecology // Oxford Bibliographies*. 2012. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756841/obo-9780199756841-0054.xml#obo-9780199756841-0054-bibItem-0007> (access date:15.05.2022).
- [19]Coleman S., Thumim N., Birchall C., Firmstone J., Moss G., Parry K., Stamper J., Blumler J.G. *The Mediated City: The News in a Post-Industrial Context*. London: Zed Books Ltd, 2016. DOI: 10.5040/9781350251113.
- [20]UN E-government survey. 2020. URL: <https://publicadministration.un.org/en/research/un-e-government-surveys> (access date:15.05.2022).
- [21]Buccoliero L., Bellio E. Citizens web empowerment in European municipalities // *Journal of E-governance*. 2010. Vol. 33(4). P. 225-236. DOI: 10.3233/GOV-2010-0232.
- [22]Costopoulou C., Ntaliani M., Ntalianis F. Evolution of e-participation in Greek local government // *Information Polity*. 2021. Vol. 26 (3). P. 311-325. DOI: 10.3233/IP-190174.
- [23]Naranjo-Zolotova M., Oliveira T., Casteleyn S., Iranic Z. Continuous usage of e-participation: The role of the sense of virtual community // *Government Information Quarterly*. 2019. Vol. 36 (3). 2019. P. 536-545. DOI: 10.1016/j.giq.2019.05.009.
- [24]Administrative and territorial structure of St. Petersburg // *Council of Municipalities of St. Petersburg* URL: <https://www.sovetmo-spb.ru/msu/administrativno-territorialnoe-ustroystvo-sankt-peterburga> (access date:15.05.2022). (In Russian).

Сведения об авторах

Баранов Алексей Викторович, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, заместитель директора, старший преподаватель кафедры менеджмента.

Гришин Николай Владимирович, доктор политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований.

Кабанов Юрий Андреевич, НИУ Высшая школа экономики – Санкт-Петербург, старший преподаватель Департамента политологии и международных отношений, научный сотрудник Центра сравнительных исследований власти и управления, ORCID 0000-0002-4011-2010.

Котлярова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, Владимирский филиал РАНХиГС, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

Мисников Юрий Георгиевич, PhD in Political Communication, Университет ИТМО, аналитик отдела мониторинговых исследований Центра технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики, ORCID 0000-0002-1948-619X.

Панфилов Георгий Олегович, Университет ИТМО, аспирант Центра технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики, ORCID 0000-0002-4085-8998.

Попова Ольга Валентиновна, доктор политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, ORCID 0000-0002-0701-7767.

Салимов Диловар Мирзомуддинович, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, профессор, ORCID 0000-0002-5820-7333.

Филатова Ольга Георгиевна, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», ORCID 0000-0001-9568-1002.

Чугунов Андрей Владимирович, кандидат политических наук, Университет ИТМО, доцент Института дизайна и урбанистики, директор Центра технологий электронного правительства, ORCID 0000-0001-5911-529X.

Авторский указатель

Баранов А.В.	53	Попова О.В.	24
Гришин Н.В.	24	Салимов Д.М.	34
Кабанов Ю. А.	62	Тульчинский Г.Л.	9
Котлярова О.В.	53	Филатова О.Г.	72
Мисников Ю.Г.	72	Чугунов А. В.	62
Панфилов Г.О.	62		

Содержание

XXV Международная объединенная научная конференция «Интернет и современное общество» (IMS-2022)	3
От редколлегии	7
Прагмасеманика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностнорегулятивные системы и ответственность Тульчинский Г.Л.	9
Потенциал и перспективы движения за ограничение интернет-голосования: оценка мирового опыта Гришин Н.В., Попова О.В.	24
Сетевые СМИ и политическое управление в современном Таджикистане Салимов Д.М.	34
Особенности формирования доверия к власти в эпоху цифровых трансформаций Баранов А.В., Котлярова О.В.	53
Электронное участие в российских регионах: результаты мониторинга 2020 – 2022 гг. Чугунов А.В., Панфилов Г.О., Кабанов Ю.А.	62
Инфраструктура электронного участия на уровне муниципальных образований Санкт-Петербурга: медиаэкологический подход Мисников Ю.Г., Филатова О.Г.	72
Сведения об авторах	85
Авторский указатель	86
Содержание	87

Государство и граждане в электронной среде Выпуск 6 (Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2022, Санкт-Петербург, 23 – 24 июня 2022 г. Сборник научных трудов). — СПб: Университет ИТМО, 2022. — 88 с.

Сборник научных трудов

Государство и граждане в электронной среде

Выпуск 6

Под редакцией А.В. Чугунова и О.Г. Филатовой
Дизайн обложки С.Н. Ушаков
Оригинал-макет П.В. Смирнова
Редакционно-издательский отдел Университета ИТМО
Зав. РИО Н.Ф. Гусарова
Подписано к печати _____
Заказ № _____
Тираж 100 экз.

Университет ИТМО. 197101, Санкт-Петербург,
Кронверкский пр., 49, лит.А.